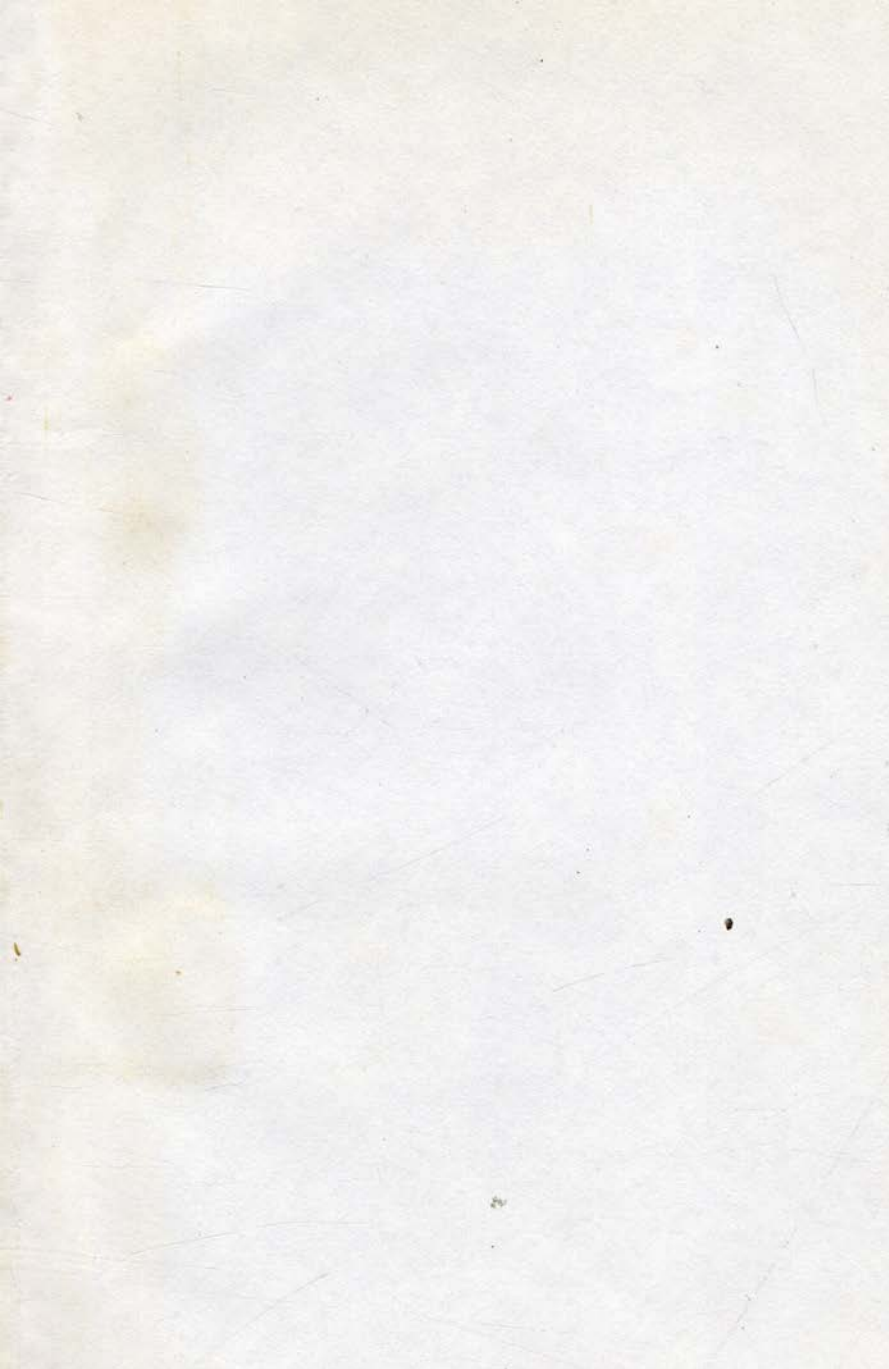

Э. Бернштейнъ

Спорные
вопросы
соціализма

CNC

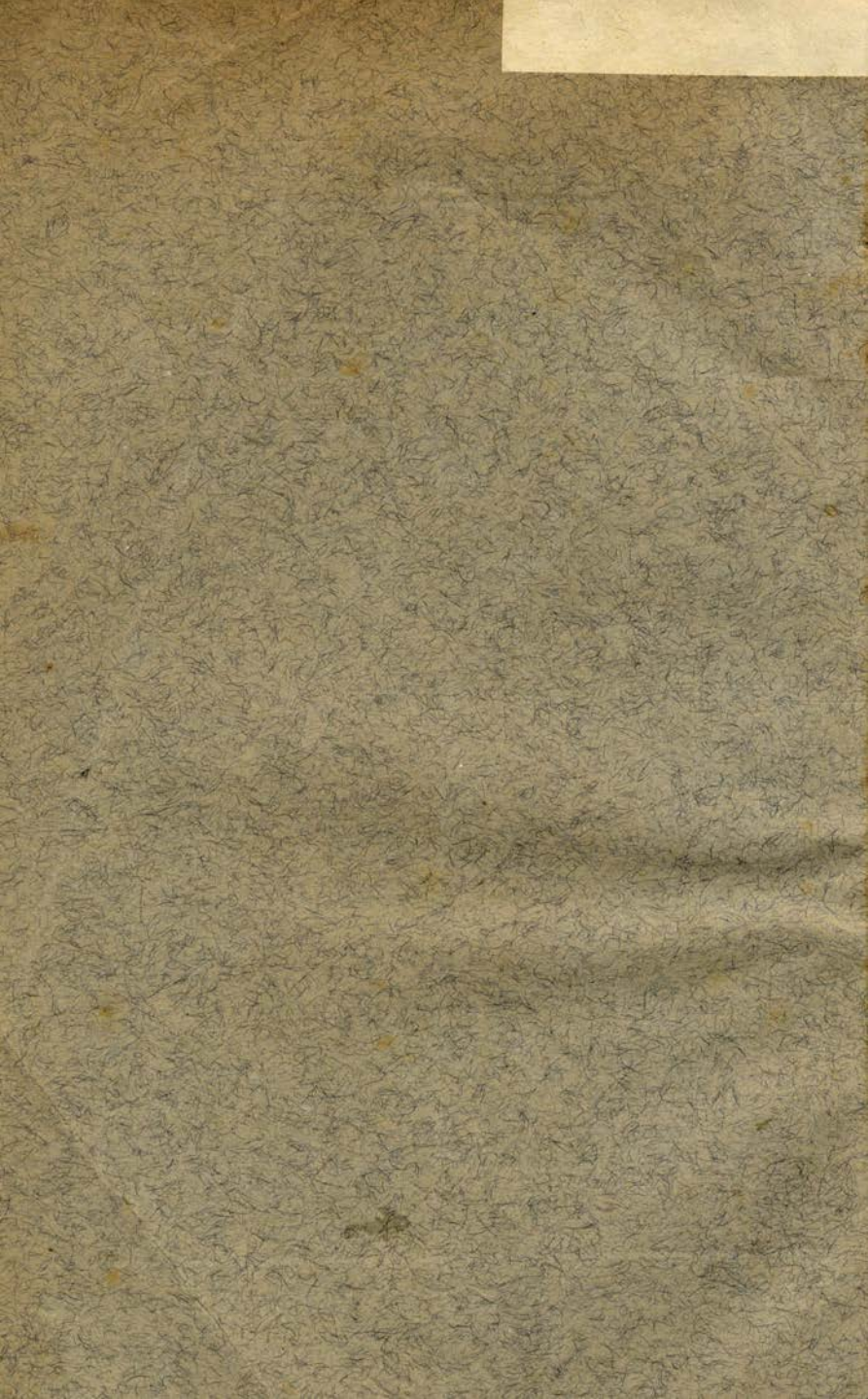
ЭД. БЕРНШТЕЙНЪ

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛИЗМА

609

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ, БЕРЛИНЪ

Aug. 10 -

~~79891~~. 30

06
Э. Д. БЕРНШТЕЙНЪ

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛИЗМА

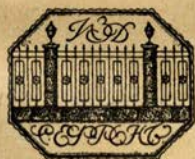
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
Р. БОЛИМОВСКАГО

но содер...

478.

*Библиотечка
"Ділянні зростає"
в Празі*

КНИГОВІРНЯ
"СТУДІОН"
у Львові

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ, БЕРЛИНЪ

Львів. Бібліотека
А. УРСР

Лейпцигская державная
научная библиотека

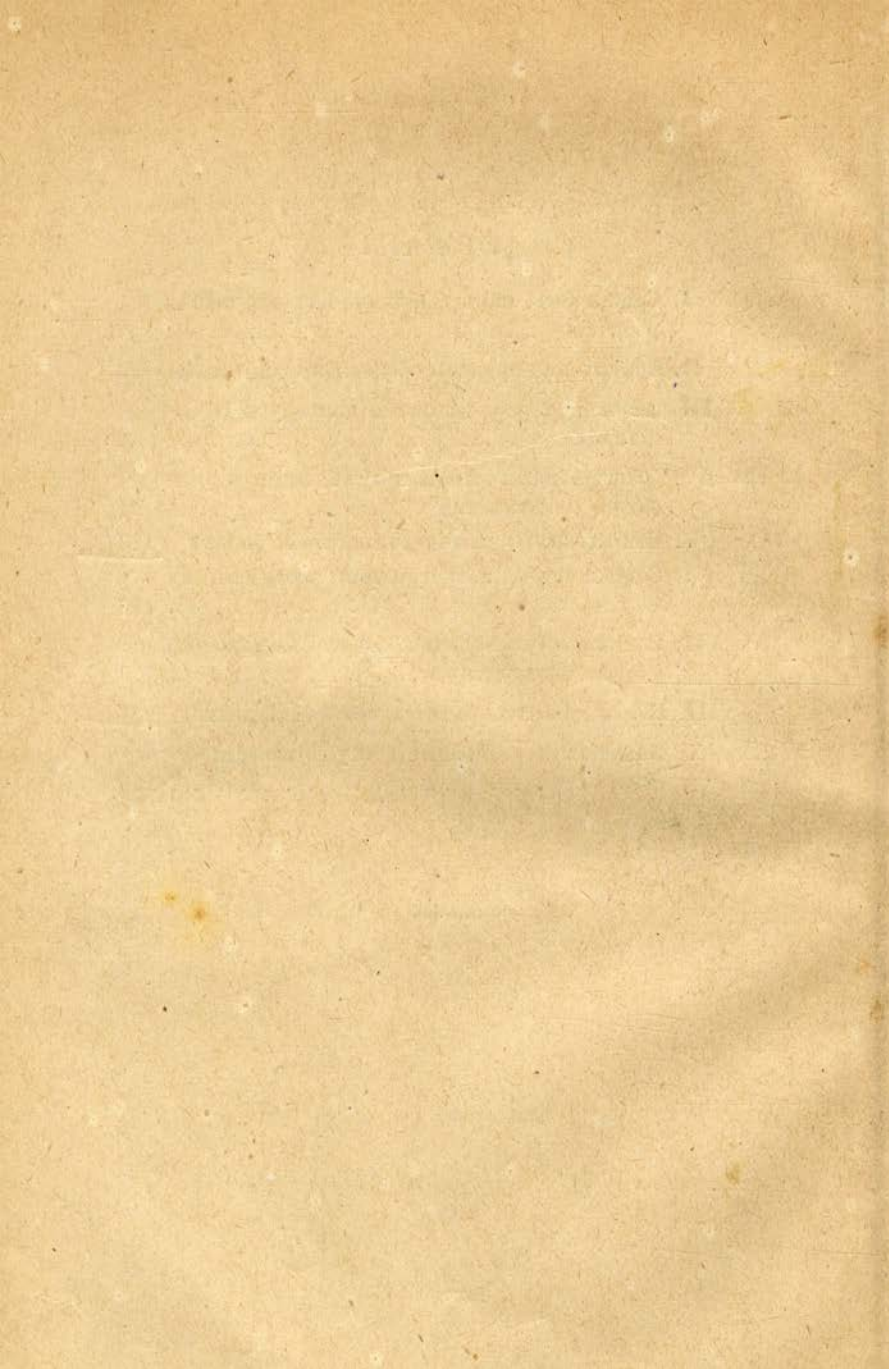
№

262

Handwritten text, likely a library inventory or classification number, written in a cursive script.

СОДЕРЖАНІЕ

Глава	I. Соціалізмъ, какъ соціально-научная теорія розвитку	7
„	II. Естественнo-правовое обоснованіе соціализма	18
„	III. Значеніе теоріи цѣнности для научнаго соціализма	42
„	IV. Общественныя отношенія въ періодъ развитого капитализма	71
„	V. Соціализмъ и ученіе о классовой борьбѣ .	<u>113</u>
„	VI. Соціализмъ и теоретическія воззрѣнія на государство	146
„	VII. Соціализмъ, какъ демократическое движеніе, и парламентаризмъ	178
„	VIII. Большевистская разновидность соціализма .	<u>224</u>
„	IX. Ближайшія возможности осуществленія соціализма	251

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СОЦИАЛИЗМЪ КАКЪ СОЦІАЛЬНО-НАУЧНАЯ ТЕОРІЯ РАЗВИТІЯ.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію спорныхъ вопросовъ социализма, необходимо установить, что разумѣемъ мы вообще подъ социализмомъ и какими рамками хотѣли бы ограничить это понятіе. Слову «социализмъ» придавалось весьма различное значеніе. 1) Очень часто оно служитъ для обозначенія рисующагося нашему сознанію строя, въ основѣ котораго лежитъ опредѣленный имущественный и хозяйственный порядокъ и который долженъ въ формѣ нѣкагого идеальнаго государства получить свое цѣлостное воплощеніе. 2) Нѣкоторые понимаютъ подъ социализмомъ движеніе или борьбу общественныхъ классовъ за осуществленіе такого хозяйственнаго порядка; между тѣмъ какъ другіе видятъ въ немъ собирательное понятіе, объединяющее совокупность требованій или институтовъ, основой которыхъ служатъ опредѣленные правовыя идеи и этическія понятія. Всѣ эти толкованія постольку справедливы, поскольку они имѣютъ въ виду опредѣленные формы социализма или характеризуютъ опредѣленные стороны социалистическаго движенія. Но ни одно изъ нихъ не исчерпываетъ предмета.

Сильно отличаются одно отъ другого также и тѣ опредѣленія, которыя мы находимъ въ руководствахъ и учебникахъ общественныхъ наукъ. Не углубляясь въ исторію и ограничиваясь нѣмецкими учеными, мы видимъ, что Шмоллеръ понимаетъ социализмъ иначе, чѣмъ Рошеръ, Зомбартъ иначе, чѣмъ Шмоллеръ, Оппенгеймъ въ свою очередь иначе, чѣмъ Зомбартъ, и такъ дальше. Было бы небезъинтересно сличить и сопоставить ихъ толкованія, установить, въ чемъ они совпадаютъ, и посмотрѣть, нельзя ли ихъ, такъ сказать, привести къ одному знаменателю. Мнѣ представляется, однако, болѣе цѣлесобразнымъ другой путь — именно, обзоръ историческихъ формъ проявленія интересующаго насъ понятія. Этимъ путемъ мы, думается, вѣрнѣе всего подойдемъ къ рѣшенію вопроса о томъ, что слѣдуетъ понимать въ настоящее время подъ социализмомъ.

4) Наиболѣе общимъ и потому, правда, наиболѣе поверхностнымъ опредѣленіемъ социализма является представленіе о такомъ общественномъ строѣ, при которомъ нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, гдѣ очень многое составляетъ общее достояніе всѣхъ и гдѣ господствуетъ братство. Гдѣ этихъ признаковъ нѣтъ, гдѣ отсутствуютъ широкая вещная общность и глубокое этическое единеніе, гдѣ налицо имѣются крупныя имущественныя различія, — тамъ нѣтъ существенныхъ атрибутовъ социализма. Въ такомъ пониманіи социализмъ значительно старѣе своего наименованія. Если послѣднее появляется лишь въ 19 столѣтіи, то самую идею или движеніе мы находимъ уже въ эпоху, которую зовемъ древностью. Повсюду, гдѣ люди отъ жизни въ простѣйшихъ

родовыхъ общинахъ, мѣняющихъ свое мѣстопробываніе, переходятъ къ осѣдлости и создаютъ государственныя или, по крайней мѣрѣ, территориально расчлененныя социальныя образованія, способствующія возникновенію крупныхъ имущественныхъ различій и правового неравенства, тамъ рано или поздно, у отдѣльныхъ индивидуумовъ или въ группахъ, зарождается желаніе устранить это неравенство; въ теоретической конструкціи болѣе совершеннаго общественнаго строя желаніе это находитъ свое идеологическое, а въ борьбѣ за такой строй — свое политическое выраженіе. Въ исторіи азіатскихъ и передне-азіатскихъ культурныхъ народовъ, въ исторіи грековъ и римлянъ мы находимъ хотя и отрывочныя, но все же ясныя и несомнѣнныя свидѣтельства о такихъ движеніяхъ. Въ качествѣ источника достаточно указать на «Исторію античнаго коммунизма и социализма» Роберта Пельмана; хотя противъ критическихъ разсужденій этого автора у меня и возникаетъ цѣлый рядъ весьма существенныхъ возраженій, тѣмъ не менѣе его трудъ показываетъ, что не только социальныя движенія, о которыхъ повѣствуетъ намъ исторія древности, но и болѣе или менѣе фантастическія конструкціи идеальныхъ государствъ, дошедшія до насъ отъ тѣхъ временъ (часто, къ сожалѣнію, въ весьма отрывочномъ видѣ), вполне поддаются серьезному историческому изученію, а потому и требуютъ такого. Оставляемъ открытымъ вопросъ, можно ли считать социалистическимъ движеніемъ первоначальное христіанство, получившее свое истинное развитіе въ Римѣ. Какъ извѣстно, это качество за нимъ болѣею частью отрицается, и на него смотрятъ исклю-

чительно, какъ на этическое движеніе. Но если даже оно въ своей совокупности и не можетъ претендовать на наименованіе социалистическаго, то все же оно несомнѣнно послужило родничкомъ многочисленныхъ социалистическихъ теорій и движеній. Свидѣтельствомъ тому — не одна глава изъ обширной литературы отцовъ церкви и схоластиковъ, дальнѣйшіе же примѣры можно найти въ цѣломъ рядѣ относящихся еще къ древности коммунистическихъ и полуккоммунистическихъ христіанскихъ сектъ, за которыми послѣдовали такія же секты въ эпоху Возрожденія и Реформаціи.

Къ этому послѣднему періоду относится также и появленіе книги, заглавіе которой стало впослѣдствіи собирательнымъ понятіемъ для всѣхъ описаній спекулятивно сконструированныхъ социальныхъ организацій или идеальныхъ государствъ. Это была «Утопія», произведеніе Томаса Мора. Про эту книгу выдающагося государственнаго канцлера при Генрихѣ VIII Англійскомъ можно сказать, что она вызвала къ жизни цѣлую литературу. Она произвела сенсацію въ ту эпоху и была переведена на различнѣйшіе языки. XVI, XVII, и XVIII вѣка изобилуютъ описаніями идеальныхъ общественныхъ коллективовъ, — государственными романами, какъ ихъ называютъ вслѣдствіе характеризующей ихъ формы повѣствованія. Далекое не всѣ они носятъ социалистическій характеръ: среди нихъ немало утопій, которыя, по нашимъ современнымъ понятіямъ, должны быть отнесены къ разряду буржуазныхъ. Такова, на примѣръ, неоконченная утопія «Новая Атлантида», принадлежащая перу преемника Томаса Мора, знаменитаго философа-эмпирика Фрэнсиса Бэкона.

Въ социалистическихъ утопіяхъ эпохи, воцарившейся вмѣстѣ съ реформаціей, можно отмѣтить постепенное развитіе въ двоякомъ направленіи: это прежде всего стремленіе превзойти другъ друга въ отношеніи фантастики вымысла, а затѣмъ — стремленіе къ возможно большему раціонализму въ спекулятивныхъ построеніяхъ. Для насъ особенно важна эта послѣдняя тенденція, такъ какъ она послужила рычагомъ къ развитію социальнаго познанія и привела постепенно къ научному трактованію социалистическихъ стремленій. Авторы раціоналистическихъ утопій въ духѣ социализма стараются исправлять своихъ предшественниковъ, и если долгое время стремленіе это и не облекается въ полемическія формы, то все же у многихъ авторовъ можно замѣтить скрытую борьбу противъ идей одного или цѣлага ряда предшественниковъ. Ими выдвигаются уже въ серьезной постановкѣ разнаго рода спорные вопросы, при чемъ преемники опровергаютъ предшественниковъ, не называя ихъ по имени.

Но общей чертой всѣхъ этихъ утопій, отличительнымъ признакомъ всякой утопіи, какъ таковой, является та рѣшающая роль, какую играетъ въ нихъ случай или зависящая отъ случая воля. Въ теченіе долгаго времени въ описаніяхъ этихъ установленіе изображаемаго ими идеальнаго строя приписывается вмѣшательству какого-нибудь необыкновенно мудраго человѣка, законодателя или повелѣвающаго властелина, такъ что, если бы этотъ законодатель или властитель случайно не родился или преждевременно умеръ, то его народъ или страна никогда не вкусили бы отъ благъ идеальнаго строя. Впослѣдствіи, въ эпоху французской рево-

люци; на мѣсто индивидуальной воли и активности отдѣльныхъ благодѣтелей выступаетъ въ построеніи утопіи, въ качествѣ творческой силы, коллективная воля сторонниковъ опредѣленной идеи. Но и эта коллективная воля, если она даже мыслится въ качествѣ воли цѣлаго народа, является все еще дѣломъ случая. Борьба отдѣльной группы или народной массы за идею зависитъ исключительно отъ того, въ какомъ объемѣ и насколько сильно захватила ихъ пропаганда этой идеи; самое же зарожденіе идеи въ существѣ дѣла все еще находится въ зависимости отъ случая.

На рубежѣ XIX столѣтія и въ первую треть его мы наблюдаемъ въ этомъ отношеніи значительный шагъ впередъ. Въ исторіи социализма это — эпоха великихъ, критически настроенныхъ утопистовъ, Роберта Оуэна, Шарля Фурье, Анри Сень-Симона и ихъ школъ. Отличительной чертой этихъ социалистовъ, отдѣляющей ихъ отъ утопистовъ XVIII столѣтія, является та роль, какую играетъ у нихъ эволюціонная идея и стремленіе воздѣйствовать на дальнѣйшее развитіе окружающей ихъ дѣйствительности, не отрываясь отъ исторически данныхъ условій. Робертъ Оуэнъ основывается въ своихъ социалистическихъ сочиненіяхъ на возникшей въ Англіи капиталистической фабричной промышленности и на созданныхъ ею условіяхъ и беретъ ихъ исходнымъ пунктомъ для социалистической политики реформъ. Шарль Фурье въ тогда еще мелкобуржуазной Франціи ищетъ психологическаго обоснованія социализма, какъ идеала, и практическаго осуществленія его путемъ кооперации, причемъ особеннаго интереса заслуживаетъ его планъ коммунальной кооператив-

ной политики. Сень-Симонъ настолько проникнуть эволюціонной теоріей, что его вообще съ трудомъ можно причислить къ утопистамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ до такой степени является человѣкомъ реальной дѣйствительности, что возникаетъ вопросъ, имѣетъ ли онъ право быть включеннымъ въ исторію социализма. Если Фурье находится подъ сильнымъ вліяніемъ Морелли, остроумнаго автора утопіи «Базиліада», то на Сень-Симона такое же вліяніе оказали Кондорсэ, энциклопедистъ и авторъ научнаго трактата о прогрессѣ человѣческаго духа и о способности человѣчества къ совершенствованію. У сень-симонистовъ мы находимъ уже, между прочимъ, и раздѣленіе исторіи прогрессивно-развивающихся націй на органическіе и критическіе періоды, т. е. періоды относительно спокойнаго развитія и періоды революціонныхъ переворотовъ.

Тѣмъ не менѣе у всѣхъ троихъ, у Оуэна, у Фурье и у Сень-Симона съ ихъ учениками, несмотря на все ихъ стремленіе къ научности и на желаніе исходить изъ данныхъ реальной дѣйствительности, рѣшающую роль играетъ все же и з о б р ѣ т е н і е средствъ для осуществленія социализма. Тамъ, гдѣ они переходятъ къ практикѣ, они принимаются выработать рецепты, и имъ постоянно грозитъ опасность возвращенія къ утопіи. Вмѣсто утопизма цѣли, мы находимъ у нихъ утопизмъ средства. Соціалистическая литература второй трети XIX столѣтія полна произведеній, утопичныхъ въ силу характера предлагаемыхъ ими средствъ, причемъ тутъ можно опять таки различать утопическій реформизмъ и утопическій революціонизмъ. Первый упорно проповѣдуетъ экономическіе эксперименты, которые по недостаточ-

ности своихъ предпосылокъ неминуюемо должны кончатся неудачей; второй же ждетъ чудесъ отъ творческаго всемогущества революціонной энергіи.

Коренной переворотъ въ воззрѣніяхъ произведенъ былъ двумя великими людьми, признаваемыми нынѣ родоначальниками научнаго социализма: Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ.

Почему носить ученіе ихъ такое наименованіе, свидѣтельствующее объ особомъ притязаніи на научность? Потому, что оно глубже и систематичнѣе, нежели всѣ провозглашенныя ранѣе социалистическія теоріи, проникаетъ въ сущность движущихъ силъ и въ эволюціонные законы общественнаго прогресса, — потому, что борьбу за социализмъ оно основываетъ на широко разработанной эволюціонной теоріи, въ которой на первый планъ выступаетъ мысль объ органической природѣ социальнаго развитія, въ противоположность воззрѣнію, считающему это развитіе процессомъ скорѣе механическаго или химическаго характера.

Правда, воля и идея, утопистами въ томъ или иномъ отношеніи переоцѣнивавшіяся, въ ученіи Маркса-Энгельса вовсе не отходятъ на задній планъ, какъ это зачастую полагаютъ, и отнюдь не игнорируются въ качествѣ движущихъ силъ социальнаго развитія — безъ идеи нѣтъ воли, безъ воли нѣтъ дѣйствія. Но онѣ познаются въ ихъ социальной обусловленности, въ ихъ зависимости отъ матеріальныхъ условій и формъ общественнаго бытія, для которыхъ опредѣляющимъ факторомъ является способъ производства жизненныхъ благъ.

Ибо на производство это рѣшающее вліяніе имѣютъ орудія, находящіяся въ распоряженіи человѣка;

орудіе же, предуказывая тотъ или иной методъ работы, предопредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и степень проникновенія человѣка въ законы природы, а тѣмъ самымъ, въ конечномъ счетѣ, также и уровень его міропознанія.

Съ соціальной точки зрѣнія, именно характеромъ орудія обусловливается индивидуалистическій или коллективистическій способъ производства.

Въ древности и далѣе до конца среднихъ вѣковъ производство носить по преимуществу индивидуалистическій характеръ; только усиленіе міровыхъ сношеній и міровой торговли въ періодъ великихъ открытій приводитъ къ коллективистическому труду въ области производства. Распространяется новая хозяйственная форма, получающая наименованіе мануфактуры: производство подъ руководствомъ крупныхъ купцовъ, вначалѣ раздающихъ работу ремесленникамъ, впоследствии же занимающихъ рабочихъ въ большихъ мастерскихъ, называемыхъ фабриками. Купецъ, такимъ образомъ, превращается въ фабриканта, и на фабрикѣ примѣняются болѣе совершенныя орудія, для которыхъ въ качествѣ технического двигателя утилизируются силы природы. Инструментъ превращается въ машину, а ремесленникъ — въ фабричнаго рабочаго. Производство на фабрикѣ въ возрастающей степени становится трудомъ коллективнымъ, а такъ какъ для оборудованія и содержанія фабрики необходимъ капиталъ, то онъ и пріобрѣтаетъ мало-помалу рѣшающее вліяніе на производство.

При ростѣ капиталистическаго производства и во взаимной конкуренціи капиталистовъ выступаетъ въ качествѣ объективной движущей силы борьба

за прибавочный трудъ, т. е. за ту часть валовой цѣнности производства сверхъ стоимости фабрики, сырья, вспомогательныхъ матеріаловъ и орудій или машинъ, которая не должна выплачиваться рабочимъ въ качествѣ заработной платы. Эта борьба за прибавочную цѣнность, какъ называется ее Марксъ, влечетъ за собою въ дальнѣйшемъ постоянное расширение фабрикъ, такъ какъ такое расширение позволяетъ въ большей степени экономить силы, тѣмъ самымъ даетъ возможность вести борьбу съ конкуренціей и ведетъ къ повышенію сбыта. Другимъ социальнымъ послѣдствіемъ расширения или концентрации предпріятій является уплотненіе населенія въ отдѣльныхъ городахъ и государствахъ. Промышленные центры, города непрерывно растутъ; вся жизнь страны принимаетъ мало-помалу городской отпечатокъ; въ большей степени, чѣмъ когда-либо въ предшествующія эпохи городская культура захватываетъ также и сельское населеніе и налагаетъ свою печать на все общество.

Все это создаетъ матеріальныя предпосылки для новаго общественнаго строя; ибо съ этимъ тѣсно связано видоизмѣненіе классовой структуры общества — важнѣйшимъ моментомъ является тутъ возникновеніе и ростъ класса постоянныхъ наемныхъ рабочихъ, промышленнаго пролетаріата. Экономическій переворотъ вызываетъ необходимость новаго правопорядка, новыхъ социальныхъ установленій и законовъ. Для социального реформатора дѣло теперь заключается уже не въ изобрѣтеніи идеальнаго общественнаго строя и измысленіи рецептовъ; передъ нимъ возникаетъ иная задача: раскрытіе социальныхъ потребностей. Могуще-

378.
ственнѣйшей же субъективной силой, направленной къ осуществленію этихъ необходимостей, является рабочій классъ, пролетаріатъ. Его матеріальныя и духовныя потребности выступаютъ все болѣе на передній планъ, его правовыя воззрѣнія завоевываютъ постепенно все общественное мнѣніе. Совокупность же требованій рабочаго класса нашей эпохи представляется, съ точки зрѣнія точнаго соціологическаго изслѣдованія, въ существѣ своемъ воспроизведеніемъ раціональнаго содержанія соціалистической идеологіи предшествующихъ эпохъ.

Такимъ образомъ, ученіе Маркса-Энгельса приводитъ насъ къ новому опредѣленію соціализма, которое можетъ быть формулировано, примѣрно, такъ:

Современный соціализмъ есть

«выраженіе духовнаго содержанія политическихъ, экономическихъ и общекультурныхъ стремленій рабочихъ, осознавшихъ свое классовое положеніе, а также и стремленій стоящихъ наравнѣ съ ними другихъ общественныхъ слоевъ въ странахъ капиталистическаго развитія, — и борьба за осуществленіе этихъ стремленій».

Изъ разработки этой теоріи въ соціалистическомъ мірѣ, изъ ея толкованія и практическаго примѣненія въ отдѣльныхъ случаяхъ и вытекаютъ важнѣйшіе спорные вопросы соціализма въ прошломъ и настоящемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОЦІАЛИЗМА.

Мы говорили уже, что въ прошлые вѣка и еще долгое время на протяженіи XIX столѣтія соціализмъ обосновывался почти исключительно идеями естественнаго права. Связь соціалистическихъ теорій съ естественнымъ правомъ представляетъ собою чрезвычайно интересный фактъ. И онъ, дѣйствительно, неоднократно отмѣчался учеными и писателями, занимавшимися теоріей соціализма; однако насколько мнѣ извѣстно, связь эта до сихъ поръ ни разу не была изслѣдована въ систематической формѣ, какъ съ точки зрѣнія чисто исторической, такъ и въ смыслѣ ея внутренней идейной оцѣнки. Между тѣмъ задача это чрезвычайно благодарная и заслуживающая серьезнаго вниманія; на мой взглядъ, это была бы прекрасная тема хотя бы для диссертации. Связь съ естественнымъ правомъ проходитъ черезъ всю исторію соціализма, начиная съ эпохи, когда вообще были лишь зачатки того, что можетъ притязать на названіе «соціализмъ», и вплоть до новѣйшаго времени. Еще въ 1875 году коммиссія объединявшихся въ то время соціалистическихъ партій Германіи дала соціализму, при выработкѣ про-

18

екта партійной программы, ярко выраженное естественноправовое обоснованіе, вызвавшее чрезвычайно суровую критику со стороны Карла Маркса. Обоснованіе это гласило:

«Трудъ есть источникъ всего богатства и всей культуры, и такъ какъ полезный трудъ возможенъ только въ обществѣ и черезъ посредство общества, то продуктъ труда въ полной мѣрѣ и на равныхъ правахъ принадлежить всѣмъ членамъ общества».

Ясно, конечно, что въ основѣ такого утвержденія лежитъ ^{естественно-правовая} естественно-правовая, а не научная точка зрѣнія.

Что разумѣется подъ естественнымъ правомъ? На мой взглядъ, въ большинствѣ опредѣленій смѣшиваются два, совершенно различныхъ понятія. Въ исторіи самой идеи мы наблюдаемъ борьбу двухъ воззрѣній. Одно изъ нихъ, первоначальное и наивное, выражается самимъ терминомъ «естественное», «натуральное» право. Французы и англичане говорятъ тоже о «droit naturel» и «natural law». Понятіе естественнаго права выводится здѣсь изъ предполагаемаго «естественнаго» состоянія или приводится въ связь съ природою человѣка; въ этомъ только смыслъ оно носитъ натурфилософскій характеръ. Съ другой стороны, имѣется научно-правовое воззрѣніе, которое подъ естественнымъ правомъ понимаетъ совокупность общихъ правовыхъ началъ, независимыхъ отъ нормъ и опредѣленій положительнаго законодательства, измѣнчиваго во времени и въ пространствѣ. Къ выясненію этихъ общихъ началъ ведетъ свободное отъ внѣшнихъ воздѣйствій, отъ давленія интересовъ и общественныхъ силъ, изслѣдованіе природы и общихъ цѣлей законодательства, равно

какъ и основныхъ условій развитія человѣческой личности и наивозможно болѣе гармоничнаго сожителства людей. Добытыя такимъ образомъ идеи поддаются научному обоснованію и призваны указывать пути положительному законодательству. Естественное право въ этомъ смыслѣ хотеть стать, слѣдовательно, выше права положительнаго. Научное изслѣдованіе можетъ разрѣшить эту задачу, конечно, только при помощи испытующаго разума, подчиняясь при этомъ безусловно и исключительно законамъ этого разума. Поэтому естественное право, понимаемое въ такомъ научномъ смыслѣ, получило въ позднѣйшее время наименованіе «раціональнаго права». Этотъ терминъ показываетъ, во что превратились въ ходѣ развитія первоначальныя естественно-правовыя идеи. Но онъ не даетъ представленія о роли, которую понятіе естественнаго права играло въ исторіи. Раціональное право можетъ кореннымъ образомъ отличаться отъ того, что люди въ теченіе столѣтій понимали подъ естественнымъ правомъ. Зато безупречнымъ представляется другое широкое понятіе — «философія права»: вѣдь, раціональное право именно и стремится установить высшее право, сущность того, что должно быть правомъ, — правомъ, вытекающимъ изъ понятія справедливости.

Исканіе такого права неизбежно тамъ, гдѣ сознается или ощущается несправедливость права положительнаго. Тамъ люди, естественно, въ другой сферѣ ищутъ авторитетнаго обоснованія того права, къ которому стремятся, и ссылаются на разнообразнѣйшіе факторы, сначала, главнымъ образомъ, на метафизическія, сверхчувственныя силы; такую же роль играютъ тутъ и понятія натурального характе-

ра. Но всегда обращаются исканія эти къ нѣкоей высшей силѣ, стоящей по ту сторону положительнаго законодательства, — будь то разумъ вообще, справедливость, божество или природа. Въ силу этого естественному праву издавна присуща гуманитарная тенденція; оно — право въ защиту угнетенныхъ и въ данное время обездоленныхъ. Въ широкомъ смыслѣ оно оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и революціоннымъ и обычно оффиціально преслѣдуется. Въ исторіи оно проповѣдывалось нерѣдко основателями различныхъ религій.

Оставивъ въ сторонѣ народы Востока и задавшисъ вопросомъ, какой народъ въ древности достигъ наибольшихъ результатовъ въ области установленія естественно-правовыхъ или рационально-правовыхъ принциповъ, мы должны будемъ притти къ заключенію, что такимъ народомъ были, безспорно, греки. Въ греческой философіи естественно-правовое умозрѣніе играетъ весьма видную роль. Оно сопутствуетъ той политической борьбѣ, которая происходила въ наиболѣе прогрессивныхъ государствахъ-городахъ Греціи, особенно въ Аѣинахъ. Весьма характерно также и то, что когда какая-нибудь, доселѣ пользовавшаяся признаіемъ, философія колеблется въ своихъ основахъ и начинаетъ забываться, — о такомъ процессѣ доходятъ до насъ большею частью лишь отрывочныя свѣдѣнія и самъ онъ представляется намъ поэтому абстрактнымъ, — на самомъ дѣлѣ это часто имѣетъ подъ собой вполне реальную основу въ политической борьбѣ, или происходящей одновременно, или незадолго до того закончившейся. Подобно религіознымъ традиціямъ, и государственные институты уже въ древнемъ мірѣ привлекаются

къ суду разума для установленія того, насколько они соотвѣтствуютъ нормальнымъ потребностямъ гражданъ въ совершенномъ государственномъ строѣ. Мы видимъ это у Платона и его предшественниковъ, у Аристотеля, въ особенности же въ исторіи стоической школы, у Зенона и его учениковъ. Стоики больше другихъ сдѣлали для того, чтобы освѣтить естественно-правовую сторону законодательства и поколебать авторитетъ положительнаго права. То же слѣдуетъ сказать и объ ученикахъ стоиковъ въ послѣдующій римскій періодъ. Достаточно напомнить хотя бы Сенеку. Въ христіанскихъ сектахъ поводомъ къ естественно-правовымъ заключеніямъ служить представленіе о людяхъ, какъ о чадахъ Господнихъ, и о равенствѣ передъ Богомъ, либо же соотвѣтственное истолкованіе этихъ понятій. Произведенія Августина, наиболѣе выдающагося изъ отцовъ церкви, полны естественно-правовыхъ разсужденій, а великій схоластикъ Тома Аквинскій создалъ цѣлую систему естественнаго права, которую онъ старался согласовать съ принципами права каноническаго. Но римская церковь, достигшая въ эпоху Тома апогея своей свѣтской власти, почувала въ этихъ естественно-правовыхъ теоріяхъ и построеніяхъ революціонную тенденцію и отвергла ихъ. Тѣмъ большую роль играли онѣ въ исторіи еретическаго сектантства предреформаціоннаго и реформаціоннаго періода. Нѣмецкое слово «Ketzer» (еретикъ), происходящее отъ «Katharer», очиститель, уже само по себѣ отражаетъ естественно-правовую тенденцію, устремленіе къ критическому разуму, правда, ограничивающееся областью толкованія Библии. Я вынужденъ отказаться отъ подробнаго разсмотрѣ-

нія этой важной эпохи, какъ ни интересно было бы прослѣдить, съ интересующей насъ точки зрѣнія, все развитіе христіанскихъ сектъ вплоть до Реформаціи.

Послѣ побѣды протестантства въ цѣломъ рядѣ государствъ, знаменитый голландскій юристъ и государственный дѣятель Гуго де-Гроотъ, по тогдашнему обычаю именовавшійся на латинскій ладъ Гроціемъ, далъ въ своемъ сочиненіи «De jure belli ac pacis» первое исчерпывающее систематическое изложеніе международного права, обосновавъ его во введеніи къ своей книгѣ естественно-правовыми построеніями, которыя получили рѣшающее значеніе для науки естественнаго права. Въ настоящее время Гроціи признается родоначальникомъ философіи естественнаго права, какъ науки.

Но еще болѣе настойчиво ссылаются на естественное право — и именно въ смыслѣ права, заложеннаго въ самой природѣ — коммунистическія и полукмунистическія секты позднѣйшаго періода реформаціи и послѣдующихъ столѣтій. Напомню лишь въ общей формѣ эти боевые періоды — крестьянскія войны, борьбу анабаптистовъ и т. д. Выдвигаемыя тамъ требованія постоянно обосновываются ссылкой на естественное право.

Здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать небольшое отступленіе. Все социалистическое движеніе можно свести къ двумъ главнымъ стволамъ или корнямъ, изъ которыхъ оно черпаетъ свою силу. Одинъ корень и развивающійся изъ него стволъ — это реальная борьба угнетенныхъ и обездоленныхъ въ данный моментъ общественныхъ классовъ или слоевъ. Другой же стволъ — идеологія, представленная, глав-

нымъ образомъ, учеными, мыслителями, служителями церкви и пр. и не имѣющая, повидимому, непосредственной связи съ самою борьбой. И дѣйствительно, многіе идеологи, разрабатывавшіе широкія коммунистическія теоріи, очень часто относились холодно, безразлично, почти враждебно къ практической борьбѣ. Борьба вѣдь ведется большею частью не во имя великихъ, многообъемлющихъ цѣлей, а за вполне опредѣленные, ограниченныя требованія, которыя формулируются не всегда удачно и могутъ представляться вредными для интересовъ болѣе крупнаго дѣла. Этимъ объясняется, что если на идеологовъ очень часто и вліяетъ, безъ ихъ вѣдома, происходящая вокругъ нихъ борьба и если, наоборотъ, участники этой борьбы, сами о томъ не догадываясь, воспринимаютъ многое отъ идеологовъ, — если, слѣдовательно, между тѣми и другими протягиваются незримыя нити, то все же оба ствола въ теченіе долгаго времени остаются обособленными. Они сближаются или срастаются вмѣстѣ только въ послѣднія столѣтія. Карлъ Каутскій и авторъ этихъ строкъ однажды начертали такое родословное древо социализма — въ свое время была сдѣлана и репродукція его — гдѣ изобразили, какъ оба ствола постепенно развѣтвлялись и, наконецъ, въ XIX столѣтіи срослись между собою; причемъ по нашему мнѣнію, это сращеніе было завершено благодаря марксистскому обоснованію социализма.

Ссылка на естественное право производилась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Очень характерно двустороннее, бывшее въ ходу если не во время германскихъ крестьянскихъ войнъ, то во всякомъ случаѣ въ періодъ англійской революціи:

«Когда Адамъ пахаль, а Ева пряла,
Кто былъ тогда дворяниномъ?»

Доказательствъ въ пользу отстаивавшагося имъ естественнаго права народъ искалъ въ Библии, не вѣдающей вначалѣ никакихъ классовыхъ различій. Библия сыграла большую роль въ англійской революціи XVII вѣка. Послѣ войнъ Алой и Бѣлой Розы Англія, какъ островное государство, стояла вдали отъ войнъ, опустошавшихъ континентъ. Политическое развитіе протекало тутъ болѣе безпрепятственно и, такимъ образомъ, свою великую политическую революцію Англія продѣлала уже въ серединѣ XVII столѣтія. Вначалѣ англичане называли эту великую революцію «возстаніемъ» (Rebellion), и лишь движеніе, имѣвшее мѣсто нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, въ 1688 году, и завершившее паденіе династіи Стюартовъ, получило наименованіе достославной «революціи». Въ настоящее время общепризнано, что наименованія «революціи» заслуживаетъ то первое движеніе. Уже вліятельные вожди буржуазно-аристократическаго класса, боровшіеся съ абсолютной монархіей Карла I, основывались въ своей аргументаціи, между прочимъ, также и на естественномъ правѣ. Однако, въ еще большей степени прибѣгали къ нему стоявшіе позади нихъ классы, индипенденты, наиболѣе же яркое выраженіе нашло оно въ ученіи сектантовъ, именовавшихъ себя «истинными левеллерами». Одна изъ индипендентскихъ сектъ избрала своимъ названіемъ прозвище «уравнителей» — левеллеровъ, данное ей первоначально ея противниками. Это были, въ существѣ дѣла, политическіе радикалы. Но затѣмъ

появилась группа, шедшая еще дальше, выдвинувшая коммунистическія идеи и называвшая себя «истинными левеллерами». У нея-то естественно-правовыя идеи получили наиболѣе яркое выраженіе. Виднѣйшимъ ея поборникомъ былъ Джерардъ Уинстанлей, написавшій интересную утопію, изображеніе идеальнаго коммунистическаго государства; утопія эта въ теченіе долгаго времени оставалась забытой, пока я не обратилъ на нее вниманіе во время моихъ работъ въ библіотекѣ Британскаго Музея. Уинстанлей написалъ произведеніе подъ названіемъ: «Поднятіе знамени истинныхъ левеллеровъ». Оно появилось въ 1649 году и начинается слѣдующей чрезвычайно характерной фразой:

«Въ началѣ временъ великій Творецъ Разумъ создалъ землю, какъ общее достояніе всѣхъ».

Здѣсь, въ духѣ рационализма, Творцомъ признается не «Божество», а «разумъ». Далѣе, Уинстанлей старается доказать, что рабство воцарилось въ мірѣ только путемъ насилія и это-то и есть Адамъ, виновникъ первороднаго грѣха. Онъ пускается въ политическую этимологию и объясняетъ: «Адамъ — это вѣдь значитъ преграда — а dam — преграда, воздвигнутая противъ свободы». Разумъ же оправдываетъ требованія истинныхъ левеллеровъ.

Англійская революція вообще чрезвычайно богата политической литературой. Своеобразное впечатлѣніе производитъ замѣчаніе по этому поводу въ знаменитѣйшей изъ брошюръ, призывавшихъ къ убійству Кромвеля. Этотъ написанный съ захватывающей силой памфлетъ принадлежитъ перу бывшаго сторонника Кромвеля и носитъ заглавіе: «Лишать жизни не значитъ совершать убійство!» Онъ по-

явился въ 1656 году, когда были въ ходу только небольшіе ручныя станки для печатанія, и начался словами:

«У меня нѣтъ вовсе желанія быть напечатаннымъ въ такое время, когда лишь немногіе щадятъ печатный станокъ».

Въ числѣ брошюръ истинныхъ левеллеровъ, коммунизмъ которыхъ былъ преимущественно коммунизмомъ аграрнымъ, имѣется одна подъ заглавіемъ: «Свѣтъ, что сіяетъ въ Букингхемширѣ»; въ ней весьма энергично отвергается всякая сверхчувственная религія. То же самое мы видимъ въ сочиненіи Уинстанлея, въ которомъ онъ развиваетъ свою утопію: «Свобода, изложенная въ видѣ программы» Онъ тоже объявляетъ здѣсь рѣшительную борьбу противъ сверхчувственной религіи. Подобно большей части тогдашней радикальной литературы, все произведеніе это носить рационалистическій характеръ, и коммунистическая идея зиждется здѣсь на естественномъ правѣ, какъ правѣ рациональномъ. Движеніе истинныхъ левеллеровъ было предтечей крупнаго движенія квакеровъ, начало которому положилъ въ 1653 году Джоржъ Фойсъ. Квакеры — рационалисты, хотя и съ налетомъ мистицизма. Внутренній свѣтъ, который есть разумъ, глаголющій въ чловѣкѣ, долженъ быть судьей всему.

Изъ числа выдающихся буржуазныхъ писателей этой эпохи, также пользовавшихся аргументами естественнаго права, слѣдуетъ указать прежде всего на поэта Мильтона, чрезвычайно интереснаго государственнаго дѣятеля Джемса Гаррингтона, автора «Океаній», и на теоретика государственнаго абсолютизма, Томаса Гоббса. Изъ Англіи, явившейся

предтечею революціи на континентѣ, это міровоззрѣніе и образъ мышленія перешли во Францію. Уже въ началѣ XVIII вѣка во Франціи былъ свой радикальный коммунистъ въ лицѣ известнаго священника-атеиста Жана Мелье; онъ не проповѣдывалъ, правда, своего ученія съ церковной кафедры, но зато изложилъ его въ весьма категорической формѣ въ своемъ сочиненіи, которое въ качествѣ его завѣщанія было послѣ его смерти опубликовано, вначалѣ частично, Вольтеромъ. Произведеніе это проникнуто всецѣло атеистическимъ духомъ; и радикальный коммунизмъ его — «равное право всѣхъ на пользованіе землей» — основывается исключительно на естественномъ правѣ.

Какъ общественное ученіе, коммунизмъ Мелье представляется еще слишкомъ неразработаннымъ. Гораздо значительнѣе его, какъ коммунистъ, аббатъ Николай Морелли, о личности котораго имѣется очень мало свѣдѣній. Въ срединѣ XVIII вѣка онъ издалъ героическую поэму, «Базиліаду», и впоследствии въ защиту высказанныхъ въ ней мыслей написалъ книгу подъ характернымъ заглавіемъ «Code de la nature» — Сводъ законовъ природы. Она появилась въ свѣтъ въ 1750 году и долгое время приписывалась знаменитому энциклопедисту Дидро. Морелли даетъ въ ней цѣлую систему натурфилософіи: потребности человѣка отъ природы таковы, что онѣ всегда, хотя бы немного, превосходятъ предѣлы его силъ. Въ противномъ случаѣ человѣкъ былъ бы не болѣе общителенъ, чѣмъ животное. У людей, по волѣ природы, желанія и заботы повышаютъ ихъ моральное притяженіе другъ къ другу и изъ напряженія этихъ движущихъ силъ произте-

каетъ доброжелательное отношеніе ко всеѣмъ окружающимъ. Чрезвычайно характерно, какъ тутъ природѣ приписываются намѣренія, задачи и цѣли. При этомъ, правда, натурфилософія переходитъ въ умозрительную фантазію. Тѣмъ не менѣе такой способъ аргументированія въ теченіе долгаго времени господствуетъ въ методѣ мышленія и въ фразеологіи. На природу дѣлаются ссылки по всякому поводу, ей приписывается воля, направленная на всевозможныя цѣли. То-то и то-то устроено природой такимъ-то образомъ, дабы люди поступали именно такъ, а не иначе. Она умышленно поставила потребности и силы человѣка въ такое соотношеніе, что отдѣльный человѣкъ не въ состояніи удовлетворять свои потребности и вынужденъ, вслѣдствіе этого, жить общественной жизнью. Все, какъ и у Уинстанлея, сводится къ природѣ. Морелли говоритъ далѣе: «Поэтому-то природа и распредѣлила такимъ образомъ силы среди людей. Однако, всеѣмъ въ равной мѣрѣ въ неоспоримую собственность она дала землю, плодоносную пашню. Міръ — это столъ, накрытый для всеѣхъ». Морелли ставитъ себѣ задачу отыскать такое положеніе и такой строй, при которомъ человѣкъ будетъ въ такой мѣрѣ счастливъ и благожелателенъ, въ какой это вообще достижимо. Это руководящая мысль его утопіи. Мало того, что рѣшающее значеніе имѣетъ для него созданіе возможно совершеннѣйшаго государства: въ его глазахъ только такое государство совершенно, въ которомъ люди живутъ въ согласіи съ природой, т. е. счастливо и доброжелательно (или, какъ впоследствии стали говорить, по-братски) — въ той степени, въ какой это вообще осуществимо по природѣ вещей. Такова основа

его коммунизма, который долгое время производил большое впечатлѣніе и, какъ сказано, приписывался Дидро. Подъ вліяніемъ Морелли находился, несомнѣнно, знаменитый аббатъ Габріэль де-Мабли, сочиненія котораго отчасти тоже проникнуты коммунистическимъ духомъ, какъ, напримѣръ, книга о правахъ и обязанностяхъ гражданина и другая: «Сомнѣнія въ отношеніи экономіи». Въ своей критикѣ хозяйственнаго строя Мабли гораздо радикальнѣе, чѣмъ Морелли.

Но и чисто буржуазная школа фізіократовъ, какъ показываетъ уже само ея названіе, тоже считаетъ природу единственно правомочнымъ регуляторомъ человѣческаго общества. То была эпоха зарожденія и развитія идеи экономического либерализма, представленной въ Англіи Адамомъ Смитомъ и его послѣдователями. Господствовалъ принципъ: *Laissez faire, laissez passer!* Предоставьте всѣмъ полную свободу, міръ урегулируется самъ собою! Какъ можно меньше правилъ и предписаній! Такова была доктрина школы фізіократовъ. Промежуточное положеніе между нею и коммунистами занимаетъ Жанъ Жакъ Руссо, авторъ «*Contrat social*», — общественнаго договора, понимаемаго въ качествѣ договора народнаго, т. е. демократическаго, и также обосновываемаго идеями естественнаго права.

Извѣстно, какая обширная радикальная литература предшествовала во Франціи революціи, какое множество писателей до нея расшатывали традиціонные устои жизни, не только коммунисты и социалисты, но и либералы, подобно Вольтеру и всей школѣ энциклопедистовъ и т. д. Затѣмъ наступаетъ революція, и однимъ изъ первыхъ ея законодатель-

ныхъ актовъ была декларація правъ человѣка. Этотъ актъ носилъ безусловно естественно-правовой характеръ, онъ долженъ былъ стоять превыше всякаго законодательства, иными словами, долженъ былъ указать путь тому законодательству, которое надлежало создать французской революціи. Предшественницей этой деклараціи была другая, изданная въ Америкѣ въ 1774 году при основаніи Соединенныхъ Штатовъ Америки. Колоніи, возставшія въ то время противъ англійскаго владычества, провозгласили свои права въ формѣ, претендовавшей на значеніе общихъ правъ человѣка и гражданина. Такимъ же языкомъ говорили и голландцы при освобожденіи своемъ отъ Испаніи. И, наконецъ, даже «Билль о правахъ», выработанный англійскимъ парламентомъ въ 1688 году, содержалъ элементы обще-правовыхъ идей. Человѣческія права, какъ права естественныя, находятъ, однако, свое наиболѣе яркое выраженіе въ конституціи 1793 года, которую послѣ паденія жирондистовъ создалъ радикальный французскій конвентъ и которой онъ предпослалъ декларацію правъ человѣка. Во введеніи къ этой деклараціи значится:

«Въ убѣжденіи, что все несчастіе міра вызвано исключительно забвеніемъ естественныхъ правъ человѣка и пренебреженіемъ къ нимъ, французская нація постановила въ торжественной деклараціи провозгласить его священныя и неотчуждаемыя права».

Въ третьей статьѣ говорится:

«Всѣ люди равны отъ природы и передъ закономъ».

И въ шестой:

«Основой права служить природа, а нормой — законъ».

Таковы двѣ наиболѣе важныя статьи, выражающія естественно-правовой принципъ. Что послѣдній въ качествѣ теоретическаго обоснованія не выдерживаетъ критики, это въ настоящее время не нуждается въ доказательствахъ. Но изъ этого принципа выводились правовыя требованія демократіи, и онъ же, три года спустя, послѣ принесенія присяги на вѣрность конституціи, послужилъ духовнымъ импульсомъ къ заговору Бабефа. Этотъ «заговоръ равныхъ» — классическій образецъ построенія социализма на базисѣ естественнаго права.

Франсуа Ноэль Бабефъ, присвоившій себѣ, по тогдашнему обычаю, прозвище Гракха и назвавшій созданный имъ органъ «Народнымъ Трибуномъ», можетъ считаться наиболѣе послѣдовательнымъ представителемъ ученія, выводящаго коммунизмъ изъ идеи права, основаннаго исключительно на природѣ. Мы не можемъ останавливаться подробнѣе на заговорѣ «равныхъ»: описаніе его можетъ дать лишь работа, специально посвященная исторіи социализма. «Равные» были наиболѣе крайнимъ порожденіемъ революціи, и характерно, что всѣ ихъ руководители принадлежали къ интеллигенціи. Было бы совершенно ошибочно считать это движеніе классовымъ движеніемъ пролетаріата. «Равные» агитировали, правда, въ народѣ, посылали своихъ агентовъ въ существовавшія въ то время въ Парижѣ фабрики, крупныя заводы и мастерскія, старались пріобрѣсти такимъ путемъ вліяніе на рабочихъ и дѣйствительно достигли, повидимому, многого въ этомъ отношеніи. Говорили даже, будто заговоръ «равныхъ», объединившихъ вокругъ себя подъ конецъ нѣсколько тысячъ сторонниковъ, имѣлъ всѣ шансы на успѣхъ.

Въ этомъ смыслѣ высказался французскій радикальный писатель Жоржъ Авенель въ парижскомъ «Siècle», и отсюда его утвержденіе перешло въ цѣлый рядъ социалистическихъ произведеній, посвященныхъ этому движенію. Аналогичное мнѣніе мы находимъ и у Филиппа Буанаротти, участника и классическаго историка заговора. Но въ основѣ всѣхъ этихъ утвержденій лежитъ совершенно наивный взглядъ на вещи. Движеніе не имѣло рѣшительно никакихъ шансовъ на успѣхъ. Форма организаціи была такова, что могла, дѣйствительно, ввести въ заблужденіе относительно открывавшихся возможностей; но при первой же попыткѣ осуществить задуманное, весь искусственный замыселъ потерпѣлъ самое жалкое крушеніе. Тѣмъ не менѣе это ни въ какой мѣрѣ, конечно, не можетъ отразиться на оцѣнкѣ идеи, положенной въ основу коммунизма Бабефа. Бабефъ развивалъ ее въ цѣломъ рядѣ статей своего журнала; въ одной изъ его знаменитыхъ статей, появившейся въ «Народномъ Трибунѣ» 30 ноября 1795 года, абсолютное равенство устанавливается категорически въ качествѣ естественнаго права. Авторъ говоритъ:

«Мы установили то положеніе, что полное равенство представляетъ собою естественное право и что общественный договоръ (идея «*contrat social*», выставленная Руссо и игравшая такую большую роль во французской революціи), далекій отъ какого-бы то ни было умаленія этого естественнаго права, предоставляетъ лишь каждому необходимыя гарантіи и т. д. и т. д.

Нѣсколько позднѣе, въ апрѣлѣ 1796 года, въ манифестѣ «равныхъ», принадлежащемъ перу Силь-

вена Марешаля и содержащемъ диковинное заявленіе: «Пусть погибнетъ вся культура, лишь бы было восстановлено равенство», — мы находимъ слѣдующую вступительную фразу:

«Равенство, первое желаніе природы.»

Такимъ образомъ, у природы имѣется не только воля, но еще и желанія. Въ другомъ манифестѣ, извѣщающемъ ученія Гракха Бабефа, первое положеніе гласитъ:

«Природа дала всѣмъ людямъ одинаковое право на пользованіе всѣми благами.»

Однако, природа не въ состояніи сама осуществить это право. Отсюда слѣдуетъ второе положеніе:

«Задачей общества является охрана этого равенства, которое въ первобытномъ естественномъ состояніи часто нарушается сильными и слабыми, и приумноженіе общихъ жизненныхъ наслажденій путемъ дѣятельнаго сотрудничества всѣхъ людей.»

И третье положеніе:

«Природа возложила на каждого обязанность трудиться. Никто никогда не могъ уклониться отъ этой обязанности, иначе какъ путемъ преступленія.»

Снова дѣлается тутъ ссылка на природу и на ея волю. Достойно упоминанія еще положеніе № 10:

«Задача революціи — устраненіе неравенства и восстановленіе общаго благополучія.»

Итакъ, все сводится къ волѣ и намѣреніямъ природы и воображаемому естественному состоянію, при которомъ царило всеобщее благополучіе. Однако, въ отношеніи послѣдняго у Бабефа возникаютъ уже сомнѣнія: онъ полагаетъ, что въ первобытномъ естественномъ состояніи слабые и сильные нарушаютъ естественное равенство.

Заговоръ «равныхъ» былъ послѣднимъ крупнымъ движеніемъ во французской революціи, исходившимъ изъ идей естественнаго права. Послѣ него имѣли мѣсто лишь незначительныя возстанія и покушенія со стороны демократически настроенныхъ элементовъ, самое же движеніе пошло вспять. За эпохой Директоріи послѣдовала пора Консульства, и вслѣдъ за тѣмъ имперіалистическія войны Бонапарта, — первыя, якобинскія, войны были войнами оборонительными — повели къ смѣшенію понятій оборонительной и завоевательной войны; войны, служившія въ глазахъ націи дѣлу освобожденія, на самомъ дѣлѣ приводили лишь къ новому подчиненію. Лишь къ концу Реставраціи, за два года до того, какъ свергнуты были, въ іюлѣ 1830 года, легитимисты, Буонаротти опубликовалъ въ Брюсселѣ свою исторію заговора «равныхъ», произведшую чрезвычайно сильное впечатлѣніе и вскорѣ повлекшую за собой новые заговоры социалистовъ. Буонаротти и такъ уже былъ карбонаріемъ, и подъ его вліяніемъ образовалась секта заговорщиковъ, прозванныхъ «бабувистами»; ихъ послѣдователи называли себя впоследствии «партіей бланкистовъ», по имени своего выдающагося вождя, Огюста Бланки. Наряду съ этимъ движеніемъ социалистическая мысль породила во Франціи цѣлый рядъ разновидностей, и можно сказать, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи, весь французскій социализмъ середины XIX столѣтія въ конечномъ счетѣ зиждется на естественномъ основаніи. Это наблюдается, напримѣръ, и у Шарля Фурье; его ученіе въ основныхъ своихъ чертахъ восходитъ къ Морелли, для котораго, какъ мы видѣли, природныя данныя имѣютъ рѣшающее зна-

ченіе при построеніи соціалистической системы. Уже у Морелли встрѣчается та мысль, что природныя задатки и наклонности людей даютъ возможность создать общественный строй, покоящийся на полной свободѣ и равенствѣ. Всѣ естественныя наклонности и страсти въ первоначальной основѣ своей законны, онѣ не являются вовсе пороками, поскольку имъ лишь предоставляется возможность правильнаго выявленія. Фурье равноправными признаетъ и такія наклонности, которыя обычно встрѣчаютъ отрицательное отношеніе, какъ, напр., стремленіе къ разнообразію, честолюбіе, сварливость и т. п.; онъ установилъ даже цѣлую систему для использования всѣхъ этихъ наклонностей въ интересахъ общества и полагалъ, что, вслѣдъ за Ньютономъ, открылъ второй законъ тяготѣнія.

И въ другихъ странахъ, въ частности и въ Германіи, идея равенства въ различнѣйшихъ формахъ проповѣдывалась соціалистами, дававшими ей естественно-правовое обоснованіе: въ Англіи — Робертомъ Оуэномъ и его школой, въ Германіи — «Союзомъ Праведныхъ» и его наиболѣе выдающимся одно время представителемъ Вильгельмомъ Вейтлингомъ, книга котораго «Гарантіи гармоніи и свободы» основана въ значительной степени на бабувистическихъ идеяхъ, съ которыми онъ познакомился въ Парижѣ. Но именно вслѣдствіе того, что всѣ эти системы, сколько бы здоровыхъ мыслей въ нихъ ни содержалось, сознательно или безсознательно исходили изъ естественно-правовой точки зрѣнія, онѣ по существу своему утопичны. Всѣ они забываютъ, что человѣкъ не только продуктъ природы, что съ теченіемъ времени онъ становится

также продуктомъ исторіи и общественныхъ условий, зачастую впервые порождающихъ въ немъ такія наклонности и потребности, которыхъ у него отъ природы не было. Въ качествѣ продуктовъ природы, люди дѣйствительно все снабжены извѣстными одинаковыми потребностями. Потребность въ пищѣ, въ кровѣ и тому подобныя потребности, хотя не одинаковыя по свойству своему, одинаково присущи отъ природы всемъ людямъ. Цѣлый рядъ примитивныхъ потребностей является общимъ для всехъ. Но, задаваясь мыслью конструировать общество изъ людей, насъ окружающихъ въ дѣйствительности, необходимо принять въ расчетъ и то, каковы ихъ соціальныя, исторически сложившіяся потребности, каковы условія, созданныя историческимъ развитіемъ; нужно выяснитъ, что при такихъ обстоятельствахъ подлежитъ измѣненію и что измѣненію поддается?

Возраженіе это отнюдь не должно преуменьшать значеніе естественно-правовыхъ или рационально-правовыхъ соображеній. Иначе мы пришли бы къ оправданію и увѣковѣченію такъ называемаго положительнаго права, исторически сложившихся порядковъ, установившихся въ извѣстную эпоху и затѣмъ упрочившихся, къ признанію за ними нѣкоей святости — уже по одному тому, что они завѣщаны исторіей. Это было бы, конечно, величайшимъ заблужденіемъ. Идея естественнаго права и въ исторіи, и въ наукѣ имѣла въ различныя времена громадное значеніе.

Идея права, стоящаго выше, нежели писанное право, независимаго отъ даннаго историческаго развитія и наличнаго соотношенія силъ, была зачастую

выраженіемъ протеста прогрессивнаго духа противъ дальнѣйшаго существованія пережитыхъ и ставшихъ несправедливыми учрежденій, порядковъ и возрѣній, — была своего рода возмущеніемъ духа данной эпохи противъ господства традиціи, и противъ господства права, обратившагося въ несправедливость; была прибѣжищемъ для всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ въ предѣлахъ даннаго общественнаго строя. Такимъ образомъ, я чрезвычайно далекъ отъ мысли оспаривать законность изысканій, направленныхъ къ установленію такой теоріи права, которая стояла бы выше исторически сложившагося положительнаго права. Теоретически-правовая точка зрѣнія, стремленіе къ познанію правильнаго права, какъ принято говорить въ настоящее время, представляется весьма важной тенденціей, проходящей черезъ всю исторію, главнымъ образомъ, либеральной правовой школы — слово «либеральный» я примѣняю здѣсь не въ партійномъ его значеніи, а въ широкомъ историческомъ смыслѣ, разумѣя великую идею свободы, которая во Французской Революціи нашла свою правовую формулировку и содержитъ въ себѣ основную идею всѣхъ прогрессивныхъ движеній, совершающихся съ тѣхъ поръ въ ходѣ исторіи, идею о правотѣ того нарождающагося новаго, что идетъ на смѣну отжившему старому. Идея такого права есть либеральная правовая идея, не въ партійномъ, а въ широкомъ историческомъ смыслѣ. Ее можно назвать также и революціонной правовой идеей.

Рациональное право имѣетъ большую литературу. Почти всѣ теоретики права высказывались о связанныхъ съ нимъ проблемахъ; ему посвящали вниманіе

почти всѣ мыслители и поэты. Слова, которыя Гете въ «Фаустѣ» въ сценѣ съ ученикомъ вкладываетъ въ уста Мефистофелю:

«Es erben sich Gesetz und Rechte
Wie eine ew'ge Krankheit fort;
Sie schleppen von Geschlecht sich zum Geschlechte
Und rücken sacht von Ort zu Ort.
Vernunft wird Unsinn, Wohltat Plage;
Weh' dir, daß du ein Enkel bist!
Vom Rechte, das mit uns geboren ist,
Von dem ist — leider! — nie die Frage.»

(Въ наслѣдство сыну, какъ болѣзнь дурную,
Законы и права отецъ передаетъ,
И изъ одной страны они ползутъ въ другую,
Изъ рода переходятъ въ родъ.
Становится ярмомъ благодѣянье,
Изъ мудрости исчезъ послѣдній смысла слѣдъ,
Но о правахъ, съ которыми на свѣтъ
Родимся мы — увы, молчать преданья.)

это — вопль естественно-правового сознанія, протестъ страждущаго подъ гнетомъ традиціи противъ положительнаго права и аппеляція къ праву, стоящему выше признаннаго въ данное время закона.

Та же мысль и у Шиллера, въ «Вильгельмѣ Теллѣ», вложена въ уста Штауфахера въ знаменитой и, на мой взглядъ, лучшей сценѣ этого произведенія, въ сценѣ заговора на Рютли. Перечисливъ всѣ притѣсненія, испытанныя швейцарцами, Штауфахеръ восклицаетъ:

«Ist keine Hilfe gegen solchen Drang?
Nein eine Grenze hat Tyrannenmacht.
Wenn der Gedrückte nirgends Recht kann finden,
Wenn unerträglich wird die Last, — greift er

Hinauf getrosten Mutes in den Himmel
Und holt herunter seine ew'gen Rechte,
Die droben hangen unveräußerlich
Und unzerbréchlich, wie die Sterne selbst.»

(Да развѣ мы не можемъ защищаться?
Нѣтъ, есть граница и тирановъ силѣ!
Коль угнетенный права не находить,
Коль для него несносно стало бремя,
Тогда онъ смѣло къ небу обратись:
Тамъ всѣ свои права отыщетъ онъ,
Тамъ всѣ они, какъ вѣчныя свѣтила,
Ненарушима, тверды, неизмѣнны!)

Апшелируя къ неотчуждаемымъ правамъ чловѣка, Штауфахеръ говоритъ далѣе: «Да воцарятся древнія права природы!» Это тоже противопоставленіе естественнаго права историческому правопорядку и старой несправедливости.

Критикуя естественное право, мы, какъ сказано, отнюдь не отвергаемъ всякое обращеніе къ праву, стоящему надъ положительнымъ правопорядкомъ; необходимо лишь выяснить, какъ далеко простираются границы этого права. Чего можно достигнуть помощью естественнаго права и что способно оно доказать? Оно можетъ, правда, показать правильность опредѣленныхъ правовыхъ понятій, поскольку таковыя соотвѣтствуютъ духу времени, но никоимъ образомъ нельзя помощью одного лишь естественнаго права доказать того, что весь общественный строй окончательно отжилъ, созрѣлъ для замѣняемой иной соціальной организаціей. Между тѣмъ въ представленіи соціалистовъ той эпохи одного естественнаго права было бы достаточно, чтобы обосновать необходимость устраненія существующаго общественнаго порядка.

Естественно-правовое обоснованіе соціализма ста-

ло по необходимости причиной разнаго рода споровъ среди социалистовъ, а затѣмъ и само превратилось въ спорный вопросъ социализма. Полемикой по этому поводу, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, полна вся социалистическая литература. Наиболѣе суровой критикѣ подверглось, однако, естественно-правовое воззрѣніе со стороны обоихъ великихъ мыслителей, Маркса и Энгельса, въ ихъ спорахъ съ постгегеліанской философійей и съ нѣмецкими социалистами, находившимися подъ вліяніемъ какъ этой философійи, такъ и французскихъ утопистовъ. Особенно много вниманія удѣлено этой темѣ въ одной рукописи, опубликованной, къ сожалѣнію, лишь на половину: въ написанной Марксомъ и Энгельсомъ критикѣ сочиненія Макса Штирнера: «Единственный и его собственность». Штирнеръ считался радикальнѣйшимъ изъ социальныхъ философовъ своего времени. Первые главы критики Маркса и Энгельса были опубликованы въ «Документахъ социализма», издававшихся мною и прекратившихъ свое существованіе въ 1905 году. Неопубликованная часть рукописи находится и сейчасъ еще въ моемъ распоряженіи. Штирнеръ, отрицавшій все святое, изобличается въ томъ, что, прибѣгая въ своей аргументаціи къ естественно-правовымъ идеямъ, онъ и самъ, со своимъ преувеличеніемъ значенія «Я», является идеологомъ: Марксъ и Энгельсъ иронически называютъ его «святымъ Максомъ» — тягчайшее оскорбленіе, какое могло быть ему нанесено.

Но и изъ числа социалистовъ, ссылавшихся на политическую экономію и потому претендовавшихъ на научность метода, значительная часть не сумѣла освободиться изъ подъ власти естественно-правового мышленія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЗНАЧЕНІЕ ТЕОРИИ ЦѢННОСТИ ДЛЯ НАУЧ- НАГО СОЦІАЛИЗМА.

Построеніе соціализма на принципахъ естественнаго права тѣсно связано съ базированіемъ его на ученіи о трудовой цѣнности, иными словами, на теоріи цѣнности въ томъ ея видѣ, какой она получила у Рикардо и, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, у Маркса. Давидъ Рикардо въ своей теоріи цѣнности исходитъ изъ цѣнности товаровъ, обращающихся на рынкѣ, не обладающихъ монополіей рѣдкости и могущихъ быть производимыми въ любомъ количествѣ, — разумѣется, относительно, такъ какъ и тутъ имѣются свои предѣлы. Рыночная или мѣновая цѣнность этихъ товаровъ заключается, какъ выясняетъ Рикардо, въ потребовавшемся для ихъ производства человѣческомъ трудѣ, мѣриломъ котораго служитъ затрачиваемое на работу время. Въ установленіи этого положенія — важнѣйшая заслуга теоріи Рикардо. Совершенно новымъ открытіемъ не было и оно. Отдѣльные замѣчанія, высказывающія приблизительно ту же мысль, можно найти уже у предшественниковъ Рикардо въ XVII столѣтіи. Но только Рикардо впервые формулировалъ ее съ истинно классической ясностью. Есть два

рода цѣнности, утверждаетъ Рикардо: потребительная — цѣнность, опредѣляющаяся полезностью — и цѣнность мѣновая или рыночная. Мѣновая цѣнность предполагаетъ полезность товара, но не опредѣляется ею. Поскольку товары могутъ быть производимы въ произвольномъ количествѣ, ихъ мѣновую цѣнность опредѣляетъ затрата труда, причемъ соотвѣтствіе устанавливаетъ тутъ конкуренція на рынкѣ. Само собой разумѣется, не всякій трудъ одинаковъ. Квалифицированный трудъ распадается на разныя составныя части простѣйшаго типа. Далѣе, не всякій трудъ въ одинаковой мѣрѣ способенъ создавать цѣнности. Трудъ долженъ стоять на высотѣ техники общаго развитія производства.

У Рикардо, опубликовавшаго свои «Принципы политической экономіи» въ 1817 году, эта теорія цѣнности остріемъ своимъ направлена противъ земельной собственности, точнѣе говоря, противъ притязаній землевладѣльцевъ на особую земельную ренту. Въ то время въ Англіи взимались чрезвычайно высокія хлѣбныя пошлины и вокругъ нихъ шла борьба по вопросу, оставлять ли ихъ на прежнемъ уровнѣ или подвергнуть дальнѣйшему повышенію. О полной отмінѣ хлѣбныхъ пошлинъ въ то время едва ли помышляли. Въ этой борьбѣ Рикардо выступилъ противъ притязаній на земельную ренту: онъ утверждалъ, что она вовсе не составляетъ конститутивнаго элемента цѣнности, а является лишь вычетомъ изъ цѣнности, выплачиваемымъ землевладѣльцу, между тѣмъ какъ естественнаго права на земельную ренту вообще не существуетъ. Борьба между землевладѣльцемъ и капиталистическимъ предпринимателемъ, имѣвшая большое

значеніе въ первую половину XIX столѣтія, сознательно или бессознательно послужила мотивомъ, побудившимъ Рикардо къ установленію его теоріи.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Теорія Рикардо была вскорѣ обращена противъ предпринимателей вообще, слѣдовательно и противъ промышленныхъ капиталистовъ. Возникъ споръ объ опредѣленіи понятія «трудъ». У Рикардо оно обнимаетъ дѣятельность предпринимателя, наемныхъ рабочихъ и служащихъ, такъ что въ его пониманіи цѣнность опредѣляется, собственно, не только трудомъ наемнаго рабочаго, физическаго и умственнаго труженика, а слагается изъ этого труда и изъ предпринимательской прибыли, взятыхъ вмѣстѣ. Но социалисты очень скоро обратились и противъ Рикардо, какъ защитника капиталистовъ. Они заявили: нѣтъ, опредѣляющимъ факторомъ цѣнности служить исключительно трудъ, трудъ дѣйствительно работающихъ, а вовсе не притязанія капиталиста. Предпринимательская прибыль также есть лишь вычетъ изъ трудовой цѣнности.

Эта аргументація — что очень интересно — считается многими великой заслугой Карла Маркса. Если произвести анкету по вопросу о томъ, какимъ крупнымъ открытіемъ обогатилъ Карлъ Марксъ экономическую науку, то большинство, навѣрное, укажетъ именно на эту теорію цѣнности, согласно которой цѣнность товаровъ опредѣляется исключительно затраченнымъ на ихъ производство трудомъ. Маркса постигла въ данномъ случаѣ такая же участь, какъ почти всякаго крупнаго мыслителя, пролагающаго новые пути. Его трудамъ приписывается то, что онъ засталъ уже въ готовомъ видѣ, когда присту-

паль къ работѣ. Если, напримѣръ, спросить людей о заслугахъ Канта, то девять изъ десяти отвѣтятъ, что онъ создалъ ученіе о «вещи въ себѣ», т. е. ученіе, которое въ дѣйствительности вошло въ философію болѣе чѣмъ за 2000 лѣтъ до рожденія Канта. На самомъ дѣлѣ онъ, напротивъ, установилъ границы для тѣхъ выводовъ, которые дѣлались изъ понятія «вещи въ себѣ», — въ этомъ его великая заслуга, а вовсе не въ томъ, будто бы онъ впервые провозгласилъ самую идею. < Точно такъ же и заслуга Маркса заключается въ необыкновенномъ углубленіи тѣхъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ идеи трудовой цѣнности, въ плодотворномъ примѣненіи ихъ для цѣлей дальнѣйшаго изслѣдованія. Задача, которую поставилъ себѣ Марксъ въ своемъ великомъ трудѣ «Капиталъ», состояла не въ выясненіи того, что продуктъ труда принадлежитъ рабочимъ, такъ какъ трудъ опредѣляетъ цѣнность товара, — задачей его было познать, формулировать и твердо установить важнѣйшіе законы развитія современнаго капиталистическаго хозяйства. Для этого ему нужна была, конечно, теорія трудовой цѣнности: она послужила у него основой для теоріи прибавочной цѣнности, той прибавочной цѣнности, за которую ведется при капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ борьба классовъ. Борьба за прибавочную цѣнность между предпринимателемъ и землевладѣльцемъ, борьба за прибавочную цѣнность между рабочимъ и предпринимателемъ — борьба за заработную плату, — борьба за прибавочную цѣнность между самими предпринимателями въ условіяхъ свободной конкуренціи, — это тѣ могущественныя движущія силы, которыя въ самыхъ разнообразныхъ направле-

ніяхъ оказываютъ величайшее вліяніе на развитіе хозяйства.

Споръ изъ-за прибавочной цѣнности, содержащейся въ земельной рентѣ, представляетъ собою не рядъ чисто теоретическихъ упражненій, а отраженіе борьбы за вліяніе на аграрное законодательство, едва ли не въ полномъ его составѣ, включая и таможенную политику по отношенію къ земледѣльческимъ продуктамъ. Та же борьба за прибавочную цѣнность въ условіяхъ свободной хозяйственной конкуренціи приводитъ къ тому, что при невозможности понизить заработную плату, ради удешевленія производства постоянно совершенствуется техника послѣдняго. Далѣе, въ результатѣ той же борьбы предприниматель, въ цѣляхъ вытѣсненія конкурентовъ, вынуждается къ постоянному расширенію своего предпріятія для того, чтобы относительно меньшая доля издержекъ падала на заработную плату и относительно большая прибавочная цѣнность оставалась въ его пользу. Но этотъ же моментъ является вмѣстѣ съ тѣмъ центральнымъ и въ той борьбѣ, которая ведется между предпринимателями и самими рабочими, обостряясь въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, борьба за прибавочную цѣнность въ капиталистическомъ обществѣ является какъ бы движущей силой, въ конечномъ счетѣ, направляющей всѣ крупныя экономическія движенія, за которыми происходитъ, ими же вызванная къ жизни, великая политическая борьба, борьба классовъ.

Использованіе теоріи трудовой цѣнности, какъ оружія противъ Рикардо и всей буржуазной экономической науки, началось въ Англии уже къ 1821

году. Марксъ самъ цитируетъ появившуюся въ этомъ году небольшую анонимную брошюру, заглавіе которой въ переводѣ гласить приблизительно такъ: «Источникъ и мѣры предотвращенія нашего національнаго бѣдствія. Письмо къ лорду Джону Ресселю». Брошюра эта появилась, слѣдовательно, за 26 лѣтъ до того, какъ Марксъ написалъ свой первый экономическій трудъ — направленное противъ Прудона полемическое произведеніе «Нищета философіи», и за 45 лѣтъ до его «Капитала». Въ этой брошюрѣ мы находимъ слѣдующее весьма любопытное мѣсто:

«Что бы ни поступало въ пользу капиталиста, онъ всегда можетъ присваивать лишь прибавочный трудъ рабочаго», — понятіе это, такимъ образомъ, здѣсь уже налицо, — «такъ какъ рабочій долженъ имѣть возможность существовать. Для того, чтобы капиталъ не понижался въ своей цѣнности, пропорціонально увеличенію своей массы, капиталистъ отнимаетъ у рабочаго продуктъ каждаго рабочаго часа, превышающій минимумъ того, что необходимо рабочему для жизни».

Здѣсь передъ нами также и основная мысль теоріи желѣзнаго закона заработной платы, на которомъ Лассаль строилъ всю свою агитацію и котораго долгіе годы, можно сказать, свято-придерживалось германское рабочее движеніе. Двадцатые и тридцатые годы XIX столѣтія были временемъ расцвѣта англійскаго соціализма, эпохой также и духовнаго его подъема. Этотъ періодъ богатъ чрезвычайно интересной соціалистической литературой: тогда появились соціалистическія произведенія самого Роберта Оуэна, Вильяма Томпсона, Джона Грея, Т. Р. Эд-

мондса, I. Ф. Брея и цѣлаго ряда другихъ писателей, принадлежавшихъ къ школѣ Роберта Оуэна. Всѣ они исходятъ изъ этой мысли: результатовъ своего труда рабочій полностью не получаетъ — трудъ, а вовсе не заработная плата опредѣляетъ цѣнность товара, поэтому рабочій имѣетъ право на полную цѣнность продукта.

За свой большой трудъ по политической экономіи Карлъ Марксъ принялся еще въ 1849 году, но лишь въ 1859 году онъ приступилъ къ опубликованію его. Трудъ этотъ долженъ былъ выходить въ свѣтъ отдѣльными выпусками. Однако, въ то время появился лишь первый выпускъ — «Къ критикѣ политической экономіи»: тутъ соотношеніе между заработной платой и трудовой цѣнностью ближайшимъ образомъ не обсуждается.

Слѣдуетъ отмѣтить, какъ чрезвычайно интересное совпаденіе, что это произведеніе Маркса, въ предисловіи къ которому онъ развиваетъ основныя идеи своей исторической теоріи, извѣстной въ качествѣ соціологической или соціально-научной теоріи развитія, появилось въ тотъ же самый годъ, что и первая замѣчательная книга Чарльза Дарвина «Происхожденіе видовъ», заложившая основу для біологической теоріи развитія, для науки объ эволюціи живыхъ существъ. Если въ настоящее время положенія Дарвина во многомъ и опровергнуты, то все-же основная мысль его теоріи сохранила свое первенствующее значеніе, и онъ остается отцомъ біологической теоріи развитія. Точно такъ-же обстоитъ дѣло и съ Марксомъ. Тѣмъ, чѣмъ у Дарвина для происхожденія и развитія видовъ служитъ борьба за существованіе въ природѣ, тѣмъ для развитія

человѣческихъ обществъ служить у Маркса борьба классовъ въ обществѣ. Обѣ теоріи представляютъ собою ученіе объ эволюціи, опирающееся на принципъ борьбы.

Въ книгѣ «Къ критикѣ политической экономіи» Марксъ, касаясь тогдашнихъ нападокъ на теорію цѣнности Рикардо и формулируя вытекающія изъ нея проблемы, выставляетъ слѣдующее положеніе:

«Если мѣновая цѣнность продукта равняется затраченному на него рабочему времени, то мѣновая цѣнность рабочаго дня должна равняться его продукту, — иными словами, заработная плата должна равняться продукту труда. На самомъ же дѣлѣ мы наблюдаемъ какъ разъ обратное».

Положеніе это Марксъ снабжаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Это возраженіе противъ Рикардо, выставленное вначалѣ экономистами, было воспринято впоследствии социалистами. Признавая теоретическую правильность формулы, они обвинили практику въ противорѣчии съ теоріей и предлагали буржуазному обществу устранить непоследовательность и на практикѣ осуществить вытекающій изъ его собственнаго теоретическаго принципа выводъ. Такимъ путемъ социалисты — по крайней мѣрѣ, англійскіе — обратили формулу мѣновой цѣнности Рикардо въ оружіе борьбы съ политической (буржуазной. Эд. Б.) экономіей».

Далѣе Марксъ въ этомъ же мѣстѣ называетъ такое выведеніе социализма изъ теоріи Рикардо утопическимъ толкованіемъ рикардовской формулы, между тѣмъ какъ долгое время считалось, что именно это толкованіе представляетъ собою крупную

заслугу Маркса. Толкованіе, которое онъ самъ-же прямо назвалъ утопическимъ! Между тѣмъ, оно проходитъ черезъ всю соціалистическую литературу XIX вѣка. Свое завершеніе оно находитъ, какъ мы уже отмѣчали, въ требованіи права на полный продуктъ труда. Проблема такого права также породила цѣлую литературу. Въ числѣ другихъ, ею подробно занимался покойный австрійскій соціалистъ Антонъ Менгеръ, обладавшій чрезвычайно большою эрудиціей. Этой же идеей воспользовался и другой выдающійся дѣятель, Фердинандъ Лассаль, сдѣлавшій ее, повидимому, исходнымъ пунктомъ своей соціалистической агитаціи. Большое вниманіе удѣлялъ ей и Прудонъ въ своихъ первыхъ крупныхъ соціалистическихъ произведеніяхъ, вызвавшихъ наибольшую сенсацію. Въ своемъ первомъ соціалистическомъ сочиненіи «Что такое собственность?» онъ выставилъ извѣстный парадоксъ: «собственность есть кража». Какъ доказываетъ онъ это положеніе? Онъ исходитъ изъ того, что собственность даетъ возможность урѣзывать результатъ труда рабочаго, такъ какъ значительная часть продукта остается внѣ заработной платы. Такимъ образомъ, свою соціалистическую теорію онъ основываетъ на правѣ на полный продуктъ труда, на законѣ цѣнности Рикардо. То же самое мы находимъ и у Карла Родбертуса, знаменитаго нѣмецкаго экономиста, настроеннаго скорѣе консервативно. Онъ также ссылается въ своей соціалистической теоріи на законъ цѣнности Рикардо; то же самое дѣлаетъ и Фердинандъ Лассаль въ своихъ агитаціонныхъ сочиненіяхъ. Лассаль ссылается при этомъ въ конечномъ счетѣ на естественное право и имъ обосновываетъ

соціализмъ. Тѣмъ самымъ онъ незамѣтно для себя становится на ту же почву, что Прудонъ. И даже главное научное произведеніе Лассаля, его высоко интересная «Система прибрѣтенныхъ правъ» представляется въ основѣ своей тоже лишь защитой естественнаго права въ противовѣсъ праву прибрѣтенному: основной и руководящей мыслью этого произведенія является примѣненіе къ публичному и къ частному праву одного изъ положеній деклараціи правъ человѣка Великой Французской Революціи, основаннаго на естественномъ правѣ, — а именно, что ни одно поколѣніе не можетъ навязывать своихъ законовъ поколѣніямъ послѣдующимъ.

Совершенно иное видимъ мы у Маркса. Онъ далъ теоріи цѣнности, найденной имъ у Рикардо, дальнѣйшее послѣдовательное развитіе, но не для того, чтобы изъ ученія о прибавочной цѣнности выводить какія-либо правовыя требованія, а для того, чтобы точнѣе установить и формулировать законы развитія капиталистическаго хозяйства. Это отличаетъ его почти отъ всѣхъ другихъ соціалистовъ, примыкавшихъ къ Рикардо, и въ частности отъ Родбертуса и Лассаля.

Родбертусъ использовалъ теорію Рикардо уже въ своемъ сочиненіи «Къ познанію нашихъ государственно-хозяйственныхъ условій», появившемся въ 1842 году, впослѣдствіи же въ своихъ «Соціальныхъ письмахъ» и, вполне въ духѣ естественно-правовыхъ воззрѣній французскихъ и англійскихъ соціалистовъ, истолковалъ ее въ томъ смыслѣ, что у рабочаго уже въ силу того, что онъ вмѣсто полнаго продукта труда получаетъ заработную плату, отнимается нѣчто, принадлежащее ему по праву. Эта же

мысль была положена и Лассалемъ въ основу его «Открытаго письма центральному комитету по созыву всеобщаго германскаго рабочаго съѣзда», опубликованнаго въ 1863 году; а годомъ позже онъ очень подробно развилъ ее въ своемъ полемическомъ сочиненіи: «Господинъ Бастіа Шульце фонъ-Деличъ, экономическій Юліанъ». Онъ опирается здѣсь всецѣло на Рикардо и, якобы, также и на Маркса. Уже въ письмѣ своемъ къ Марксу отъ 12 мая 1851 года онъ называетъ его «Рикардо, превратившимся въ социалиста»; въ томъ же письмѣ онъ заявляетъ: «Рикардо — нашъ непосредственный родоначальникъ» и прославляетъ опредѣленіе земельной ренты, данное Рикардо, какъ «величайшій коммунистическій подвигъ». Будучи по преимуществу теоретикомъ права, онъ естественно былъ особенно склоненъ къ юридическому обоснованію социализма посредствомъ теоріи прибавочной цѣнности. Въ своей агитаціи онъ пользовался этимъ обоснованіемъ для подкрѣпленія рикардовскаго закона заработной платы, названнаго имъ «железнымъ»; согласно этому закону, заработная плата никогда не поднимается значительно выше уровня необходимыхъ жизненныхъ потребностей рабочаго и равнымъ образомъ не можетъ въ теченіе долгаго времени оставаться значительно ниже этого уровня. Положеніе это носить, кстати сказать, скорѣе мальтузіанскій, чѣмъ экономическій характеръ. Тѣмъ не менѣе вслѣдъ за Лассалемъ на «железный законъ» десятки лѣтъ ссылались агитаторы обоихъ направленій германской социаль-демократіи: какъ специфическіе лассальянцы, такъ и социалисты эйзенахскаго направленія Бебеля и Либкнехта; послѣдніе возставали,

впрочемъ, противъ средства, отстаивавшагося Лассалемъ и сводившагося къ устраненію прибавочнаго труда путемъ созданія производительныхъ ассоціацій рабочихъ при финансовой поддержкѣ государства. Идея этихъ производительныхъ ассоціацій исходила также отъ англійскихъ социалистовъ. Въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія въ Англіи были предприняты обширныя попытки въ этомъ направленіи съ затратой сравнительно крупныхъ капиталовъ. Благомыслящіе христіанскіе социалисты Англіи отдали свыше милліона марокъ на организацію производительныхъ ассоціацій. Однако, всѣ эти учрежденія либо погибали, либо же измѣняли постепенно свой первоначальный характеръ и превращались въ капиталистическія предпріятія. Германскіе социалисты были весьма мало освѣдомлены на этотъ счетъ, и когда въ 1875 году произошло объединеніе обѣихъ социалистическихъ партій, то въ проектъ программы новой партіи, въ связи съ требованіемъ «разрушенія желѣзнаго закона заработной платы», былъ включенъ слѣдующій пунктъ:

«Освобожденіе труда требуетъ перехода орудій труда въ общественную собственность и кооперативнаго регулированія производства съ справедливымъ распределеніемъ продуктовъ труда».

Въ письмѣ къ Августу Бебелю и другимъ Марксъ отнесся крайне отрицательно, какъ ко всему проекту, такъ въ частности и къ этому пункту о справедливомъ распределеніи продуктовъ труда, который, по его мнѣнію, ничего собою не выражаетъ. Выведеніе его изъ желѣзнаго закона заработной платы онъ называетъ утопическимъ. О требованіи справедливаго распределенія онъ говоритъ:

«Что такое «справедливое» распределение? Развѣ не утверждаютъ буржуа, что нынѣшнее распределение «справедливо»? И развѣ въ самомъ дѣлѣ оно не является единственно «справедливымъ» распределеніемъ въ условіяхъ современнаго способа производства? Экономическія ли отношенія регулируются правовыми понятіями или-же, наоборотъ, правовыя отношенія проистекаютъ изъ экономическихъ?»

Здѣсь не мѣсто останавливаться подробнѣе на этомъ послѣднемъ замѣчаніи — основной мысли экономического пониманія исторіи. Но именно въ духѣ такого пониманія протестуетъ Марксъ съ большою рѣзкостью противъ включенія въ программу, съ агитаціонной цѣлью, лозунга справедливаго распределения продукта труда. Онъ утверждаетъ, что форма распределения продукта труда опредѣляется способомъ производства каждой данной эпохи и что на почвѣ даннаго способа производства соотвѣтствующая ему форма распределения и является, съ экономической точки зрѣнія, справедливой. Справедлива ли также и данная высота заработной платы, это другой вопросъ; но то обстоятельство, что рабочій получаетъ заработную плату, а не продуктъ своего труда, вполне соотвѣтствуетъ данному способу производства, и на почвѣ этого способа производства никакихъ существенныхъ измѣненій тутъ достигнуть нельзя. Далѣе, Марксъ показываетъ, какія противорѣчія заключаетъ въ себѣ требованіе полного продукта труда. Онъ заявляетъ, что равное право участія въ распределеніи продукта труда, при сопоставленіи его съ трудовой затратой, превращается въ равное безправіе, ибо затраты-то труда

неодинаковы. Если рабочій получаетъ полный продуктъ своего труда, то этимъ нарушается равенство по отношенію къ другимъ рабочимъ, по сравненію съ которыми онъ работаетъ не одинаково, и такимъ образомъ, равное право становится здѣсь правомъ неравенства. Марксъ говоритъ: «Право никогда не можетъ быть выше, чѣмъ экономическое строеніе и обусловленное послѣднимъ культурное состояніе общества», и рѣзко возражаетъ противъ того, что въ программу вносятся представленія, которыя нѣкогда дѣйствительно господствовали и потому имѣли извѣстный смыслъ, но теперь, при свѣтѣ новыхъ возрѣній, превратились въ устарѣлую, пустую фразеологию. Письмо Маркса необычайно интересно, однако въ то время, при окончательномъ редактированіи соціалъ-демократической программы, ему было удѣлено мало вниманія. Не называя его по имени, письмо это направлено главнымъ образомъ противъ Вильгельма Либкнехта, заслуженнаго вождя соціалъ-демократіи, который долгіе годы считался въ Германіи призваннымъ истолкователемъ Карла Маркса. Но въ теоретической области онъ таковымъ отнюдь не былъ. Онъ былъ по существу скорѣе социалистомъ съ естественно-правовымъ уклономъ, въ духѣ французовъ, и потому мало проникъ въ смыслъ марксдова ученія. Письмо, оказавшее, какъ сказано, лишь незначительное вліяніе на редакцію принятой въ то время соціалъ-демократической программы, было затѣмъ забыто, и только въ 1890 году, когда передъ соціалъ-демократіей снова предстала задача выработки программы, Фридрихъ Энгельсъ опубликовалъ его, во всей его рѣзкой формѣ, въ журналѣ «Neue Zeit».

Самый же вопрос, вокруг которого вращался спор, остался проблемой социалистической мысли. При этом проблему составляло тут, собственно, не самое понятие прибавочной ценности и проч. — это, вѣдь, былъ фактъ легко доказуемый. Что рабочий, вообще говоря, вырабатываетъ ценность высшую, нежели та, которая поступаетъ къ нему въ видѣ заработной платы, — это выяснить была весьма нетрудно. Чтобы представить это себѣ въ явной и наглядной формѣ, достаточно въ настоящее время взглянуть на статистику акціонеровъ. Акціонеры — это, въ сущности, разгуливающая прибавочная ценность, все равно, признаемъ ли мы за ними, съ социально-правовой точки зрѣнія, право на нее или нѣтъ. Какъ смотрѣть на акціонеровъ, т. е. людей, вкладывающихъ свои деньги въ акціи промышленныхъ предпріятій, съ точки зрѣнія социально-правовой, — относиться ли къ нимъ презрительно, какъ къ паразитамъ, или же признать, что въ теченіе извѣстнаго времени они были въ высокой степени необходимы и что обойтись безъ нихъ нельзя еще и сейчасъ, это вопросъ особый. Для освѣщенія его упомяну здѣсь о небольшомъ эпизодѣ. Въ 1906 году германскій рейхстагъ обсуждалъ проектъ улучшения финансовъ, разработанный тогдашнимъ статсъ-секретаремъ имперскаго казначейства. Проектъ этотъ впервые предлагалъ тогда установленіе имперскаго налога на наслѣдства, и социаль-демократическая партія, будучи противницей всякаго рода косвенныхъ налоговъ и пошлинъ, высказалась за болѣе высокія ставки наслѣдственного налога, чѣмъ то предлагалъ министр. На мою долю выпала задача защищать это требованіе. Я указывалъ, что, благо-

даря совершившемуся уже въ то время перераспределенію собственности, открывается возможность необходимые для развитія крупнаго производства оборотные капиталы собирать на товарищескихъ началахъ, и сослался при этомъ на широкое распространеніе акціонернаго принципа. Крупный капиталистъ выполнялъ необходимую функцію по доставленію средствъ для расширенія производства въ тотъ періодъ, когда другихъ формъ образованія капитала не существовало. Но эта пора въ извѣстной мѣрѣ осталась уже позади, и вслѣдствіе этого теперь можно быть уже смѣлѣе при обложеніи крупныхъ состояній и наслѣдствъ. На это одинъ вестфальскій депутатъ, принадлежавшій къ національ-либеральной партіи, возразилъ мнѣ, что звучитъ это очень хорошо, но все-же это невѣрно: если маленькіе люди путемъ взносовъ и могутъ собрать нужные средства, то они никогда не внесутъ предпринимательскаго духа, инициативы и отваги, необходимыхъ для тѣхъ многосложныхъ предпріятій, какія затѣваются крупными капиталистами. Кто стремится судить объективно и не позволяетъ своимъ собственнымъ партійнымъ убѣжденіямъ затемнять своего научнаго мышленія, тотъ долженъ будетъ признать, что въ отвѣтъ вестфальскаго депутата была, несомнѣнно, доля правды. Съ этимъ приходится согласиться въ особенности, если признать, что для прогрессивнаго развитія народнаго хозяйства — покуда государство и общество не позаботятся о томъ, чтобы органы ихъ не погрязали въ тинѣ бюрократизма, — что для прогресса общества прежде всего необходимо непрерывное развитіе производства путемъ постояннаго усовершенствованія машинной техники, необ-

ходимы дальновидность и размахъ при разнаго рода экспериментахъ. Повторяемъ, доля истины тутъ есть, и споръ можетъ идти лишь о томъ, какъ велика эта доля, въ какой мѣрѣ мнѣніе вестфальскаго депутата остается справедливымъ и въ какой мѣрѣ оно нынѣ является уже пережиткомъ.

Въ Германіи состоялся недавно съѣздъ химиковъ, на которомъ одинъ изъ участниковъ горячо возставалъ противъ социализаціи химической промышленности. Онъ указалъ на большія и цѣнныя заслуги этой промышленности и выразилъ опасеніе, что при социализаціи дѣло не могло бы идти столь же успѣшно. Въ такой общей формѣ я считаю это сильно преувеличеннымъ, но, именно будучи социалистомъ и стремясь къ познанію истины, я не закрываю глазъ передъ фактами и стараюсь уяснить себѣ, въ какой мѣрѣ эти утвержденія справедливы. Дѣйствительно, нельзя отрицать, что и въ послѣднее время капиталистическое предпринимательство достигло значительныхъ успѣховъ въ различныхъ отрасляхъ въ смыслѣ введенія ряда цѣнныхъ усовершенствованій. И какъ разъ социалисты не должны скрывать этого отъ себя: социализированному производству они должны поставить задачей достиженіе тѣхъ же результатовъ, какіе были достигнуты капитализмомъ. Примѣромъ тому могутъ служить, между прочимъ, грандіозныя нововведенія въ важнѣйшей отрасли не только добыванія, но и дальнѣйшей переработки угля, въ области химической переработки его побочныхъ продуктовъ, экстрагирования изъ угля маселъ, что имѣетъ чрезвычайно существенное экономическое значеніе для Германіи, вынужденной сокращать свой ввозъ. Изъ всего этого

явствуетъ, какъ правъ былъ Марксъ, отрицая за формой распредѣленія продукта труда значеніе рѣшающаго момента при обоснованіи социализма. Социализмъ тѣсно связанъ въ первую очередь съ прогрессивнымъ развитіемъ производства.

Понявъ это, Марксъ — какъ ни странно это звучитъ — относился къ капиталу съ значительно большей объективностью и въ значительно большей мѣрѣ признавалъ его историческое значеніе, чѣмъ большинство социалистовъ до него и чѣмъ многіе, выступавшіе одновременно съ нимъ. То же самое видимы мы и у Фридриха Энгельса въ его полемическомъ сочиненіи, направленномъ противъ философа реальной дѣйствительности Евгенія Дюринга, который въ свое время читалъ въ берлинскомъ университетѣ, но въ 1877 году былъ лишенъ кафедры вслѣдствіе нападокъ на коллегъ, далеко выходившихъ, правда, за предѣлы допустимаго, но объяснявшихъ тѣмъ, что Дюрингъ лишился зрѣнія. Дюрингъ былъ тоже социалистомъ естественно-правового направленія и, въ существѣ дѣла, не-экономистомъ. Хотя критика Фридриха Энгельса въ его книгѣ «Переворотъ въ наукѣ, произведенный господиномъ Евгеніемъ Дюрингомъ» и наноситъ ему мѣстами незаслуженные удары — Энгельсъ сурово парировалъ несправедливые выпады, направленные Дюрингомъ противъ Маркса и другихъ социалистовъ, — тѣмъ не менѣе книга эта представляетъ собой, безспорно наиболѣе значительное произведеніе современнаго социализма послѣ «Капитала» Маркса. Имѣется въ ней и рядъ главъ, существенныхъ для интересующаго насъ вопроса, такъ какъ Энгельсъ сводитъ тамъ рѣшительные счеты съ естественно-правовымъ ученіемъ. Да-

лѣе, съ этимъ произведеніемъ была связана полемика, проливающая свѣтъ на значеніе для социализма ученія о прибавочной цѣнности.

Энгельсъ говоритъ въ своей книгѣ, что лишь послѣ установленія Марксомъ понятія прибавочной цѣнности социализмъ сталъ наукой. Это вывало возраженія со стороны австрійскаго ученаго Антона Менгера, въ свое время профессора вѣнскаго университета. Въ своей книгѣ «Право на полный продуктъ труда», появившейся въ 1886 году, онъ выступаетъ противъ Маркса и Энгельса и старается доказать, что открытіе, приписываемое Энгельсомъ Марксу, а другими Родбертусу, было сдѣлано задолго до нихъ англійскими и французскими социалистами. Менгеръ ссылается при этомъ на обширную литературу, и мы находимъ у него весьма интересные соображенія по поводу естественно-правового пониманія социализма. Однако, будучи самъ по преимуществу «юридическимъ социалистомъ», какъ называли его въ одной изъ полемическихъ работъ, Менгеръ совершенно превратно воспринялъ проблему, о которой идетъ рѣчь въ теоріи прибавочной цѣнности. Онъ сводитъ ее къ вопросу о правѣ на полный продуктъ труда, который нисколько не интересовалъ Маркса въ его «Капиталѣ». О причинахъ отсутствія этого интереса сообщаетъ Энгельсъ въ своемъ предисловіи къ нѣмецкому изданію «Ницеты философіи», полемической работы Карла Маркса, направленной противъ Прудона. Онъ упоминаетъ про упрекъ Родбертуса по адресу Карла Маркса, будто тотъ лишь послѣ него установилъ теорію прибавочной цѣнности, и указываетъ, что еще въ той, впервые появившейся въ 1847 году, полемикѣ своей

противъ Прудона Марксъ обсуждалъ выведеніе этой теоріи изъ ученія Рикардо, а въ 1859 году оспаривалъ дѣлавшійся изъ нея англійскими социалистами выводъ о томъ, что рабочимъ, какъ единственнымъ производителямъ, принадлежитъ весь продуктъ общественнаго производства. Энгельсъ говоритъ затѣмъ:

«Такой выводъ ведетъ непосредственно къ коммунизму. Однако, какъ на то и указываетъ въ приведенномъ мѣстѣ Марксъ, выводъ этотъ съ экономической точки зрѣнія формально неправиленъ, такъ какъ представляетъ собой попросту примѣненіе морали къ экономіи. Согласно закону буржуазной экономіи, наибольшая часть продукта не принадлежитъ рабочимъ, которые его произвели. Если мы скажемъ, что это несправедливо, что такъ быть не должно, то такое возраженіе само по себѣ экономіи еще нимало не затрагиваетъ. Мы высказываемъ тѣмъ самымъ только то, что фактъ этотъ противорѣчитъ нашему нравственному чувству. И потому Марксъ не на этомъ основывалъ свои коммунистическія требованія, а всегда ссылаясь лишь на неизбѣжное, изо дня въ день на нашихъ глазахъ совершающееся, крушеніе капиталистическаго способа производства. Онъ утверждалъ лишь, что прибавочную цѣнность составляетъ неоплаченный трудъ; это — просто констатированіе факта».

Далѣе, Энгельсъ продолжаетъ:

«Что, однако, съ экономической точки зрѣнія представляется формально неправильнымъ, то, съ точки зрѣнія міровой исторіи, можетъ быть вполне справедливо. Если нравственное сознаніе массъ объявляетъ какое-либо экономическое явленіе без-

нравственнымъ — какъ, на примѣръ, въ свое время рабство или крѣпостничество, — то это доказываетъ, что данное явленіе уже пережило само себя и что на сцену выступили другія экономическія явленія, въ силу которыхъ первое стало невыносимымъ и обреченнымъ на гибель. За формальной экономической неправильностью можетъ, поэтому, скрываться очень правильное экономическое содержаніе».

Такимъ образомъ, Энгельсъ категорически заявляетъ, что приложеніе къ экономіи морали — а естественное право и есть мораль — въ этомъ вопросѣ экономически неправильно: экономіи нѣтъ никакого дѣла до того, что говоритъ нравственное сознаніе. Онъ признаетъ лишь, что когда въ нравственномъ сознаніи массъ данное экономическое явленіе становится несправедливымъ, это служитъ симптомомъ наступленія новыхъ условій, при которыхъ явленіе это оказывается уже невыносимымъ и нежизнеспособнымъ. Но вѣдь наличность этихъ новыхъ условій нужно еще установить въ каждомъ такомъ случаѣ; въ чемъ же должно состоять доказательство? Энгельсъ даетъ тому примѣръ, когда продолжаетъ:

«Марксъ не на этомъ основывалъ свои коммунистическія требованія, а всегда ссылался лишь на неизбѣжное, изо дня въ день на нашихъ глазахъ въ возрастающей степени совершающееся, крушеніе капиталистическаго способа производства».

Энгельсъ писалъ это въ 1877 году, а между тѣмъ капиталистическій способъ производства — по крайней мѣрѣ до начала міровой войны — не рухнулъ, но достигъ, напротивъ, могущественнаго

дальнѣйшаго развитія. Можно привести различные факты, изъ которыхъ явствуетъ, что цѣлый рядъ положеній, выведившихся изъ старой теоріи, въ дѣйствительности не подтвердился. Возьмемъ для примѣра хотя бы утвержденіе, будто «машина убьетъ рабочаго». Возврънью, согласно которому машина въ значительно большей степени вытѣсняетъ рабочихъ, чѣмъ привлекаетъ ихъ къ производству, противостоятъ тотъ фактъ, что до войны количество промышленныхъ рабочихъ, промышленнаго пролетаріата, значительно возрасло во всѣхъ странахъ, причастныхъ къ современному экономическому развитію, и при томъ не только въ новыхъ странахъ, но и въ старыхъ. Вопросъ этотъ, слѣдовательно, тоже требуетъ пересмотра и подробнаго изслѣдованія. Но задачей особенно настоятельной становится провѣрка того, какъ же обстоитъ дѣло съ крушеніемъ капиталистическаго способа производства, коль скоро Марксъ, по словамъ Энгельса, на такомъ, совершающемся съ естественной необходимостью, крушеніи, основывалъ свои коммунистическія требованія.

Вопросъ о распредѣленіи продукта труда относится между тѣмъ къ совершенно другой области. Исторія оплаты труда рабочихъ знаетъ весьма различныя нормы заработной платы: различной бывала не только абсолютная высота послѣдней, но и долевое отношеніе ея къ продукту труда. Временами, при очень низкомъ уровнѣ развитія, наблюдалась страшная эксплуатація рабочихъ. Намъ извѣстна нужда, господствовавшая долгое время въ Англіи и Германіи и зачастую наблюдающаяся еще и по-сейчасъ, — часто заработная плата далеко отстаетъ

отъ прибавочной цѣнности. Но, съ другой стороны, нѣтъ недостатка въ примѣрахъ и иного соотношенія между заработной платой и прибавочной цѣнностью. Обычно въ марксистской литературѣ норма прибавочной цѣнности именуется также нормой эксплуатаціи. Между тѣмъ Энгельсъ возражаетъ въ одномъ мѣстѣ противъ того, что понятію «эксплуатаціи» придаютъ, въ этой связи, моральную окраску: его слѣдуетъ брать только въ экономическомъ смыслѣ, какъ чисто фактическое отношеніе, какъ если бы рѣчь шла, напримѣръ, объ эксплуатаціи рудника или патента. Я долженъ, однако, сказать, что такъ примѣнять это слово было бы не совсѣмъ справедливо. Эксплуатація можетъ быть, разумѣется, чисто экономическимъ явленіемъ безъ всякой связи съ моральными взаимоотношеніями. Но говоря объ эксплуатаціи въ отношеніи человѣка, мы едва ли можемъ отдѣлить тутъ моральное значеніе этого слова; съ другой стороны, нельзя забывать и того, что часто наемъ труда сопровождается, подлинной эксплуатаціей въ моральномъ смыслѣ этого слова. То воззрѣніе, по которому вся система наемнаго труда и заработной платы есть система эксплуатаціи въ моральномъ смыслѣ этого слова, послужило, несомнѣнно, крупнымъ моральнымъ и этическимъ стимуломъ для рабочаго класса въ его борьбѣ за освобожденіе. Въ политической борьбѣ пролетаріата требованіе объ упраздненіи системы заработной платы всегда играло крупную роль, причеъ съ точки зрѣнія рабочихъ это означало: упраздненіе системы заработной платы ради обезпеченія полного продукта труда. Но лозунгъ этотъ былъ силенъ, конечно, лишь какъ идея. Какимъ образомъ могъ бы онъ

быть осуществленъ для всей совокупности рабочихъ? Этого можно было бы достигнуть только путемъ перехода къ коммунизму, — уничтоживъ совершенно оплату труда и производя вмѣсто нея попросту раздѣлъ богатствъ или же, какъ того требуетъ Крапоткинъ, предоставляя все общественное достояніе въ свободное пользованіе всѣмъ и каждому. До тѣхъ поръ, пока приходится считаться съ производительной цѣнностью труда, — а въ переходной стадіи несомнѣнно безъ этого не обойтись, — приходится оставить въ силѣ и систему заработной платы въ той или иной ея формѣ. И, дѣйствительно, лозунгъ упраздненія системы заработной платы на практикѣ нашелъ совершенно иное примѣненіе. Въ дѣйствительности борьба ведется вовсе не противъ самаго принципа заработной платы. Рабочій классъ на практикѣ занялъ въ этомъ отношеніи совершенно иную позицію. Ни противъ чего не возставали рабочіе съ такой рѣшимостью, какъ противъ иной, отличной отъ заработной платы, формы оплаты труда, — противъ вознагражденія въ видѣ предоставленія съѣстныхъ припасовъ, жилища и проч. Взаимоотношенія, складывающіяся при такомъ способѣ вознагражденія, представляются имъ своего рода рабствомъ или крѣпостной зависимо-стью; по сравненію съ этой старомодной, патріархальной системой, сохранявшейся, напр., у мясниковъ, мелкихъ торговцевъ и нѣкоторыхъ ремесленниковъ, рабочіе въ заработной платѣ, напротивъ, съ полнымъ основаніемъ видятъ прогрессъ. Никогда практическая борьба ихъ не велась за упраздненіе самаго принципа заработной платы — борьба эта всегда шла, во-первыхъ, за повышеніе уровня зара-

ботной платы и, во-вторыхъ, за самый способъ установленія этого уровня. Къ этому, собственно, и сводится ближайшимъ образомъ та борьба, которую рабочій классъ ведетъ въ современномъ обществѣ по вопросу объ оплатѣ труда и въ которой онъ противостоитъ также и государству: къ требованію, чтобы заработная плата опредѣлялась не путемъ свободной конкуренціи и не назначалась произвольно предпринимателемъ, но чтобы рабочій классъ въ лицѣ своихъ организацій самъ занялъ положеніе признанной закономъ силы, своимъ вліяніемъ соучаствующей въ нормировкѣ заработной платы. Въ эту сторону направлень ближайшимъ образомъ ходъ развитія. Объ естественномъ правѣ на прибавочную цѣнность во всемъ ея объемѣ тутъ едва ли возникать рѣчь.

Что же касается самага истолкованія смысла марксовой теоріи цѣнности, то примѣръ Германіи, гдѣ Вильгельмъ Либкнехтъ, весьма выдающійся и заслуженный вождь социаль-демократіи, считался ученикомъ и истолкователемъ Маркса, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Марксъ подвергалъ его работы жесточайшей критикѣ, повторился и въ другихъ странахъ. Что до французскихъ социалистовъ, то намъ извѣстно, что Марксъ, имѣя въ виду своего собственнаго зятя Поля Лафарга — вообще говоря, человѣка весьма остраго ума — считавшагося во Франціи ортодоксальнѣйшимъ марксистомъ, выразился однажды: «Что касается меня, то я знаю одно лишь, что я не марксистъ», — точнѣе говоря, не марксистъ въ такомъ смыслѣ. То же самое мы наблюдаемъ и въ Англии, гдѣ духовный вождь марксистскаго крыла тамошнихъ социалистовъ Г. М. Гайндманъ въ свое

время встрѣтилъ аналогичное отношеніе со стороны Маркса. Такъ какъ Гайндманъ былъ большимъ доктринеромъ и, какъ упрекалъ его Энгельсъ, превратилъ марксизмъ въ сектантскую догму, то въ результатѣ инакомыслящіе социалисты, какъ, напри- мѣръ, Фабіанцы, подъ впечатлѣніемъ этого ложнаго толкованія марксозна ученія о цѣнности, стали на почву другой теоріи цѣнности — теоріи предѣльной полезности, которая на континентѣ была разработана, главнымъ образомъ, такими выдающимися австрійскими экономистами, какъ Бемъ-Баверкъ, Визеръ, Карлъ Менгеръ и которая нашла послѣдователей также и въ Германіи. Въ Англии научная разработка ея принадлежала Генри Стэнлей Джевонсу, прославившемуся своими трудами по математической логикѣ. Фабіанцы восприняли эту теорію, упустивъ изъ виду или недостаточно принявъ во вниманіе то обстоятельство, что въ экономической наукѣ понятіе «цѣнности» выражаетъ вовсе не нѣкоторую простую категорію, а включаетъ въ себя различные элементы. Марксъ въ свое время призналъ основными элементами мѣновую и потребительную цѣнность. Впослѣдствіи понятіе потребительной цѣнности было замѣнено полезною цѣнностью. Но понятіе полезной цѣнности содержитъ въ свою очередь два элемента: непосредственно индивидуальную полезную цѣнность и социальную полезную цѣнность, выражающую мѣру покупательной склонности въ отношеніи даннаго товара. Эту полезную цѣнность и имѣетъ въ виду теорія предѣльной полезности. Я не буду подробнѣе останавливаться на спорѣ между социалистическими сторонниками этой теоріи и приверженцами марксозна

ученія о цѣнности; упомяну лишь объ одномъ. Хотя Марксъ и считается съ полезной или потребительной цѣнностью, признаеть ее основнымъ условіемъ цѣнности, тѣмъ не менѣе въ своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ объ опредѣленіи цѣнности онъ оставляетъ ее въ сторонѣ. Это приводитъ его къ достойнымъ вниманія выводамъ, носящимъ, однако, односторонній характеръ. Точная формулировка его ученія о цѣнности сводится къ тому, что цѣнность опредѣляется вложеннымъ въ товаръ трудомъ, который въ свою очередь измѣряется общественно-необходимымъ для производства товара рабочимъ временемъ. Понятіе общественно-необходимаго рабочаго времени содержитъ въ себѣ опять таки два элемента: во-первыхъ, рабочее время, общественно необходимое для изготовленія каждаго отдѣльнаго экземпляра даннаго товара, точнѣе говоря, общественно необходимое въ соотвѣтствіи съ господствующимъ уровнемъ техники. Но, далѣе, важенъ и другой моментъ: рабочее время, общественно необходимое для производства товара въ томъ количествѣ, какое потребно для удовлетворенія спроса имѣющихся на него покупателей. Степень потребления опредѣляется въ современномъ обществѣ не тѣмъ, сколько людей нуждается въ данномъ товарѣ, а тѣмъ, сколько людей можетъ и хочетъ его купить. Если смѣшивать оба эти момента, то одно опредѣленіе уничтожитъ другое, и мы придемъ снова къ теоріи предѣльной полезности. Но довольно объ этомъ.

То, что въ теоріи Маркса именуется эксплуатаціей, есть прибавочная цѣнность, которая не поступаетъ въ пользу рабочаго изъ цѣнности товара, выражен-

ной въ цѣнѣ и уменьшенной на сумму издержекъ производства. Я умышленно не говорю, что она поступаетъ къ капиталисту: она распадается на ренту для землевладѣльца, прибыль для предпринимателя и процентъ для денежнаго капиталиста. Но заключается ли въ томъ фактъ, что рабочій получаетъ не полный продуктъ своего труда, моментъ эксплуатаціи? Мы видѣли, что въ объективномъ смыслѣ здѣсь можно говорить объ эксплуатаціи, но что, употребляя это слово въ моральномъ его значеніи, какъ это дѣлаютъ многіе соціалисты, мы приходимъ къ совершенно неправильнымъ выводамъ. А именно, оказалось бы, что въ высоко развитыхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ рабочіе получаютъ наивысшую заработную плату и вообще въ соціальномъ отношеніи находятся въ лучшихъ условіяхъ, приходится признать наличность наибольшей эксплуатаціи, такъ какъ тамъ въ предпріятія вложено больше всего такъ называемаго постоянного капитала; и, наоборотъ, не столь высокой оказалась бы эксплуатація въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ рабочіе, въ виду малаго примѣненія машинъ, оплачиваются очень дурно. Такимъ образомъ, отождествленіе нормы прибавочной цѣнности и нормы эксплуатаціи вызываетъ безусловно ложное впечатлѣніе.

Насколько далека Марксъ отъ обоснованія социализма тѣмъ, что рабочій не получаетъ полного продукта своего труда, явствуетъ, далѣе, изъ его же указанія, что точно такъ же обстояло дѣло и въ докапиталистическій періодъ. Въ восьмой главѣ перваго тома «Капитала» онъ заявляетъ категорически: «Прибавочный трудъ изобрѣтенъ не капиталомъ». И, дѣйствительно, онъ порою значительно

меньше при господствѣ капитала, чѣмъ въ отрасляхъ докапиталистическаго хозяйства. Требованія же социализма Марксъ выводитъ изъ совершающагося съ естественной необходимостью крушенія капиталистическаго способа производства. Что касается этого крушенія, то оно можетъ быть понимаемо различно. Подъ нимъ можно разумѣть чисто экономическое явленіе въ томъ смыслѣ, что неразрывно-связанные съ этимъ способомъ производства экономическіе кризисы разъ отъ разу будутъ усиливаться до тѣхъ поръ, пока наконецъ не разразится такой грандіозный кризисъ, что его послѣдствіемъ и будетъ полное крушеніе. Я настоятельно подчеркиваю, что здѣсь идетъ рѣчь не о кризисахъ, вызываемыхъ внѣшними событіями, войнами и т. п. — это не чисто экономическія явленія, — а о кризисахъ, порождаемыхъ конкуренціей внутри капиталистическаго міра и имманентныхъ хозяйственнымъ формамъ капиталистическаго производства. Но можно понимать крушеніе также и какъ результатъ классовой борьбы, которая совершается въ условіяхъ капиталистическаго строя въ качествѣ неизбежнаго послѣдствія присущихъ этому строю и имъ непрерывно обостряемыхъ классовыхъ конфликтовъ. Теорія Маркса о непрерывномъ усиленіи этой классовой борьбы и побуждаетъ насъ перейти теперь къ разсмотрѣнію сущности капиталистическаго общества вообще и велѣдъ затѣмъ къ уясненію сущности свойственной ему классовой борьбы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ПЕРІОДЪ РАЗВИТОГО КАПИТАЛИЗМА.

Для характеристики общественнаго уклада въ періодъ развитога капитализма — такая характеристика можетъ быть дана здѣсь, разумѣется, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ — мнѣ придется обратиться къ матеріаламъ нашей германской статистики. Я могъ бы, правда, заимствовать матеріалъ и изъ различныхъ другихъ странъ, — Маркъсъ обратился съ этой цѣлью къ Англій, которая въ свое время была страной наиболѣе развитога капиталистическаго производства и хозяйства. Съ тѣхъ поръ, однако, Германія значительно приблизилась къ Англій и располагала передъ войной весьма обстоятельной профессиональной и промышленной статистикой. Къ тому же въ Германіи интересующія изслѣдователя отношенія обрисовываются, можно сказать, съ болѣею четкостью, въ незатемненномъ видѣ: англійское народное хозяйство находилось подъ сильнымъ вліяніемъ колониальной имперіи, тогда какъ колониальныя владѣнія Германіи въ тѣ годы, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, еще только создались и очень мало вліяли на структуру народнаго хозяйства Германіи.

Но когда мы говоримъ о капиталистическомъ хозяйствѣ, мы должны уяснить себѣ — къ сожалѣнію, это и въ наши дни дѣлается далеко не въ той мѣрѣ, какъ надлежало бы — что въ понятіи «капитализмъ» заключено весьма разнородное содержаніе, что слово «капитализмъ», которымъ сейчасъ оперируютъ такъ легко, какъ будто бы оно выражало нѣчто весьма простое, нѣчто такое, что можно будетъ устранить въ одинъ прекрасный день, на самомъ дѣлѣ охватываетъ цѣлый рядъ различныхъ категорій. Такъ, чтобы начать съ самаго главнаго, понятіе «капиталистическій» обозначаетъ фактъ достиженія опредѣленной высоты производства, концентрацію труда въ крупныхъ предпріятіяхъ, широкое примѣненіе машинъ и т. д., возможное лишь при затратѣ крупныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ, понятіе «капиталистическій» выражаетъ прежде всего опредѣленную форму производства. Но въ то же время капитализмъ представляетъ собою еще и нѣчто другое: это особая система распредѣленія, система распредѣленія продуктовъ того именно производства, надъ которымъ господствуетъ капиталъ, — глубоко отличная въ силу этого отъ иныхъ системъ распредѣленія, какія свойственны предшествующимъ ступенямъ производства, феодализму, ремесленному хозяйству и т. д.

Но далѣе капитализмъ означаетъ не только систему распредѣленія и особую форму производства, — сюда же относится, въ третьихъ, также и опредѣленное хозяйственное право. Правоотношеніе, связывающее предпринимателя и рабочаго, при господствѣ капитала оказывается совершенно инымъ, нежели прежде, въ феодальномъ или ремесленномъ

строѣ. Эта сложная природа капитализма часто упускается изъ виду даже въ социалистическихъ кругахъ. Къ чему это приводитъ, я хотѣлъ бы показать на одномъ примѣрѣ изъ самаго недавняго времени. Въ тѣ дни въ одной изъ крупныхъ газетъ появилась статья, авторъ которой заявлялъ: «Трагизмъ германской социаль-демократической партіи состоитъ въ томъ, что, принципиально отвергая капитализмъ и стремясь къ его устраненію, она, въ силу своего положенія въ рядахъ правительства, вынуждена способствовать возсозданію капиталистическаго производства». На одномъ большомъ собраніи меня спросили о моемъ мнѣніи касательно этого трагизма. Мнѣ не удалось отвѣтить на вопросъ, такъ какъ собраніе въ виду шумной обструкціи пришлось распустить. Если же бы у меня было время для отвѣта, то я бы сказалъ — этотъ отвѣтъ я и далъ потомъ частнымъ образомъ тому, кто задалъ мнѣ этотъ вопросъ: я не усматриваю въ упомянутомъ фактѣ никакого трагизма, — трагизмъ заключается развѣ только въ степени умственной подготовки автора статьи. Конечно, всякое правительство, какое бы оно ни было, во всѣхъ современныхъ странахъ, въ особенности же въ Германіи при ея своеобразной международной ситуаци, понуждающей ее къ выполненію грандіозныхъ повинностей, — всякое правительство, не пытающееся однимъ ударомъ измѣнить общественный строй и сбросить съ себя всѣ тяготы — какъ то было сдѣлано, и сдѣлано неудачно, въ Россіи, — конечно, всякое правительство въ Германіи, будь оно консервативное, либеральное, демократическое или социаль-демократическое должно будетъ прежде всего упорядочить

и пустить снова въ ходъ хозяйство страны, съ чѣмъ, дѣйствительно, сопряжено сохраненіе капиталистическаго производства или обезпеченіе условій его существованія и дальнѣйшаго развитія. Однако, этимъ не сказано еще, что производство это должно во всѣхъ отношеніяхъ оставаться тѣмъ же, чѣмъ было до сихъ поръ. Можно сохранить форму производства, но измѣнить правовыя отношенія. Наряду съ этимъ можно измѣнить также и характеръ распредѣленія. Первое отчасти уже совершилось въ Германіи. Огромная перемѣна наступила благодаря изданію закона о заводскихъ совѣтахъ; хотя мы и имѣемъ тутъ дѣло пока еще только съ первыми шагами, тѣмъ не менѣе значеніе этого закона чрезвычайно велико, онъ открываетъ широкую перспективу и знаменуетъ начало большихъ перемѣнъ въ правоотношеніяхъ между предпринимателемъ и рабочимъ, по меньшей мѣрѣ — въ принципиальномъ отношеніи. Такимъ образомъ, можно сохранить хозяйственную форму и типъ предпріятія и тѣмъ не менѣе въ структурѣ ихъ, въ характерѣ управленія, произвести большой и даже революціонный переворотъ. Зато неизмѣнной тенденціей капитализма остается увеличеніе предпріятій. Согласно теоріи Маркса, эволюція, подъ давленіемъ свободной конкуренціи, съ необходимостью ведетъ ко все большей концентрации предпріятій, къ аккумуляціи имуществъ въ частныхъ рукахъ, при пролетаризаціи значительнаго большинства населенія, а тѣмъ самымъ — и къ совершенно иному классовому разслоенію и къ обостренію классовой борьбы. Этой стороной дѣла мы теперь и займемся.

Послѣ оснванія Германской Имперіи, когда вмѣстѣ съ паденіемъ суверенитета отдѣльныхъ госу-

дарствѣ, рухнули всѣ преграды на внутреннемъ рынкѣ и Германія перешла къ торговой политикѣ, установившей спустя короткое время систему договоровъ о наибольшемъ благопріятствованіи, благодаря чему и внѣшній рынокъ Германіи расширялся все больше и больше, — германская промышленность въ сравнительно короткій промежутокъ времени достигла исполинскаго подъема, такъ что въ отдѣльныхъ частяхъ страны мы могли наблюдать процессы развитія, напоминавшіе американскія условія. Достаточно упомянуть хотя бы лишь объ обширномъ рейнско-вестфальскомъ промышленномъ районѣ, который дѣйствительно можетъ сравниться съ крупными центрами американской промышленности. До войны въ Германіи трижды производились всеобщія профессиональныя и промышленныя переписи. Между первой и послѣдней изъ нихъ промежутокъ въ 25 лѣтъ. Первая перепись состоялась въ 1882, вторая въ 1895, наконецъ, третья въ 1907 году. Такимъ образомъ, послѣднія цифры, какими мы можемъ пользоваться для цѣлей сравненія, даетъ намъ перепись 1907 года. Что касается развитія предпріятій въ промышленности и въ горномъ дѣлѣ, то германская промышленная перепись раздѣляетъ предпріятія на мелкія, среднія и крупныя. Еще незадолго до войны мелкими считались предпріятія съ 1 — 5 рабочими, средними — съ 6 — 50 рабочими, всѣ же остальные и въ статистикѣ и въ наукѣ признавались предпріятіями крупными. Въ рабочей средѣ господствовало, однако, совершенно иное представленіе. Берлинскіе рабочіе-металлисты въ 1902 году произвели перепись своихъ товарищей по профессіи: при этомъ къ мелкимъ предпріятіямъ они

относили всѣ, насчитывавшія менѣе 500 рабочихъ, къ среднимъ — предпріятія съ 500 — 2000 рабочихъ и лишь свѣше этой цифры начинались, по ихъ мнѣнію, предпріятія крупныя. Это чрезвычайно характерно для ихъ соціальныхъ воззрѣній и оцѣнокъ. Однажды въ собраніи токарей, гдѣ я читалъ докладъ, я остался еще на нѣкоторое время послушать, какъ они обсуждаютъ свои собственныя дѣла, что всегда весьма поучительно. Предсѣдатель докладывалъ о результатахъ обследованія одного предпріятія и при этомъ довольно пренебрежительнымъ тономъ замѣтилъ: «Можете себѣ представить, что это была за лавчонка: тамъ было занято не больше 1000 рабочихъ!» Предприниматель, занимающій около 1000 рабочихъ, по большей части уже милліонеръ; но въ представленіи берлинскихъ рабочихъ его предпріятіе въ сущности все еще относилось къ разряду мелкихъ.

Обратимся однако къ даннымъ имперской статистики. Въ первый періодъ, отъ 1882 до 1895 г., обнимающій 13 лѣтъ, статистика эта показываетъ значительно меньшее развитіе, нежели во второй, 12-лѣтній періодъ отъ 1895 до 1907 г. Это вполне понятно и характерно для всей тенденціи развитія послѣднихъ 25 лѣтъ. Не желая утомлять слишкомъ большимъ количествомъ цифръ, я приведу здѣсь лишь въ круглыхъ цифрахъ начальныя и конечныя данныя всего періода. Мелкія предпріятія (1—5 чел.) въ промышленности и горномъ дѣлѣ численно сократились съ 2175 000 въ 1882 г. до 1870 000 въ 1907 г.; среднія предпріятія возросли съ 85 000 въ 1882 г. до 184 000 въ 1907 г., а крупныя предпріятія съ 9000 въ 1882 до 29 000 въ 1907 г. Взявъ не число

предпріятій, а число занятыхъ въ нихъ рабочихъ, видимъ, что въ мелкихъ предпріятіяхъ работало въ 1882 г. круглымъ счетомъ 3270 000, въ 1907 г. 3202 000; въ среднихъ — въ 1882 г. 1109 000, въ 1907 г. 2715 000; въ крупныхъ — въ 1882 г. 1554 000 въ 1907 г. 4940 000 человекъ. Отсюда видно, какъ предпріятіе болѣе крупное занимаетъ, по сравненію съ болѣе мелкимъ, въ промышленности все большее и большее мѣсто. Мелкія предпріятія численно сокращаются, правда, въ небольшой пропорціи. Среднія же продолжаютъ еще значительно разрастаться. Число ихъ увеличилось съ 85 000 до 184 000, количество занятыхъ въ нихъ рабочихъ — съ 1109 000 до 2 715 000.

Если, такимъ образомъ, и можно съ несомнѣнностью констатировать значительную концентрацію предпріятій, то все же она не достигла тѣхъ размѣровъ, какіе первоначально ожидались и какіе имѣла въ виду эрфуртская программа германской социаль-демократіи, предсказывавшая полное исчезновеніе среднихъ предпріятій. Они не исчезаютъ и въ промышленности. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что статистика перечисляетъ каждое промышленное заведеніе въ отдѣльности. Между тѣмъ, промышленное заведеніе и предпріятіе — не одно и то же. Одно предпріятіе зачастую охватываетъ нѣсколько промышленныхъ заведеній, а въ крупныхъ предпріятіяхъ сосредоточиваются цѣлые ряды такихъ заведеній. Будь въ нашемъ распоряженіи статистика предпріятій въ этомъ смыслѣ, мы могли бы констатировать значительно большую концентрацію, чѣмъ то вытекаетъ изъ вышеприведенныхъ цифръ. Въ отношеніи промышленности теорія была,

безспорно, права, поскольку предвидѣла возрастающую концентрацію предпріятій. Но къ исчезновенію среднихъ заведеній и предпріятій это не привело. Сократилось нѣсколько только число самыхъ мелкихъ, карликовыхъ предпріятій, вообще же наблюдаетсяъ ростъ цифръ по мѣрѣ перехода изъ разряда мелкихъ въ среднія и изъ среднихъ въ крупныя. Мы могли бы констатировать это еще болѣе отчетливо, если бы подвергли разсмотрѣнію подгруппы сравнимаемыхъ здѣсь трехъ крупныхъ группъ. Ни одна изъ этихъ подгруппъ не исчезла; состоялось лишь передвиженіе снизу вверхъ. Кромѣ того, извѣстныя новообразованія сложились какъ бы внѣ общей линіи развитія: возникли совершенно новыя отрасли промышленности, сразу же принявшія форму исполинскихъ предпріятій. Стоитъ вспомнить хотя бы крупные современные паровозные заводы и пароходныя верфи, огромныя электрическія станціи и т. п.: тутъ цѣлыя отрасли промышленности появились на свѣтъ сразу же въ формѣ наикрупнѣйшихъ предпріятій, безъ предварительнаго постепеннаго развитія отъ мелкаго предпріятія къ среднему и далѣе къ крупному.

Аналогичную картину мы наблюдаемъ въ торговлѣ и транспортѣ. Тутъ число предпріятій возросло еще сильнѣе. Мелкихъ торговыхъ предпріятій стало значительно больше. Торговля служитъ зачастую прибѣжищемъ для многихъ, вытѣсненныхъ изъ области промышленности; мелкому торговцу значительно легче наладить свое дѣло, чѣмъ мелкому фабриканту. Въ торговлѣ и транспортѣ развитіе за время съ 1882 до 1907 года шло слѣдующимъ образомъ: число мелкихъ предпріятій возросло съ 676 000

до 1204 000, среднихъ — съ 26 000 до 76 000, крупныхъ съ 463 до 2800. Въ торговлѣ крупныя предприятия, т. е. предприятия, занимающія свыше 50 чел., были не столь многочисленны, какъ въ промышленности. Хотя мы и наблюдаемъ весьма значительное увеличеніе числа современныхъ универсальныхъ магазиновъ, тѣмъ не менѣе число это въ общемъ не такъ ужъ велико. Къ тому же торговое предприятие, несмотря на сравнительно ничтожное число служащихъ, требуетъ зачастую весьма значительнаго капитала. Что касается числа занятыхъ въ торговыхъ предприятияхъ лицъ, то такое съ 1882 по 1907 г. возросло въ мелкихъ предприятияхъ круглымъ счетомъ съ одного милліона до двухъ милліоновъ, въ среднихъ — съ 270 000 до 878 000, въ крупныхъ съ 54 000 до 395 000. Здѣсь значеніе роста крупныхъ предприятий сказывается болѣе отчетливо. Но въ то время какъ въ промышленности и въ горномъ дѣлѣ 5 милліоновъ рабочихъ, занятыхъ въ крупныхъ предприятияхъ, равняются числу лицъ, занятыхъ въ среднихъ и мелкихъ вмѣстѣ, — въ торговлѣ соотношеніе это носить иной характеръ: здѣсь служащіе крупныхъ предприятий составляютъ лишь шестую часть.

Не слѣдуетъ, однако, забывать одного обстоятельства при объясненіи столь значительнаго увеличенія числа предприятий: это — невѣроятный ростъ самаго производства, огромное увеличеніе массы продуктовъ. Этимъ объясняется также, почему въ торговлѣ наряду съ крупными предприятиями можетъ существовать такое множество мелкихъ. Современный капиталистическій способъ производства колоссально повышаетъ производительность

труда. Товарный рынок непрерывно возрастает, и потому-то рядомъ съ крупными предпріятіями мелкія все еще находятъ почву, къ которой могутъ приспособиться.

Совершенно иную картину, противорѣчащую долго державшимся предположеніямъ, представляетъ развитіе предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ. Оно уготовало крупное разочарованіе первоначальнымъ взглядамъ и, можно сказать, безповоротно ихъ опровергло. Такъ какъ въ Англіи въ сельскомъ хозяйствѣ преобладаетъ крупное землевладѣніе, то изъ этого долгое время заключали, что такое положеніе вещей соотвѣтствуетъ сущности современнаго хозяйства и что какъ въ промышленности, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ мелкія предпріятія будутъ все болѣе и болѣе вытѣсняться крупными. На самомъ дѣлѣ этого не случилось: произошло какъ разъ обратное. Въ сельскомъ хозяйствѣ число крупныхъ предпріятій за 25 лѣтъ понизилось, и увеличилось лишь количество настоящихъ крестьянскихъ и всеѣмъ маленькихъ карликовыхъ хозяйствъ. Мелкіе земельные участки, считаемые, повидимому, заодно съ садами, возросли численно съ двухъ до трехъ милліоновъ. Число хозяйствъ размѣромъ отъ 2 до 5 гектаровъ увеличилось въ круглыхъ цифрахъ съ 980 000 до 1006 000. Въ эти цифры включены также и предпріятія высокой сельско-хозяйственной культуры, способъ эксплуатаціи которыхъ приближается къ методамъ садовой культуры. Число среднихъ хозяйствъ — отъ 6 до 20 гектаровъ — возросло съ 926 000 до 1065 000, далѣе же, именно при переходѣ къ крупнымъ хозяйствамъ отъ 20 до 100 гектаровъ, начинается движеніе вспять. Число ихъ съ 282 000

падаетъ до 262 000, а хозяйствъ свыше 100 гектаровъ — съ 25 000 до 23 000. Крестьянскія хозяйства продолжаютъ держаться; отчасти это результатъ вмѣшательства со стороны законодательства. Цѣлый рядъ законовъ способствовалъ тому, чтобы крестьянское хозяйство оказалось въ состояніи выдерживать конкуренцію. Дальнѣйшимъ объясненіемъ служитъ сильное развитіе сельско-хозяйственной коопераціи, а равнымъ образомъ и то обстоятельство, что сельско-хозяйственное производство, въ отличіе отъ производства промышленнаго, носитъ по преимуществу органической характеръ, находясь въ зависимости отъ явленій природы. Повышеніе его производительности не требуетъ, поэтому, въ такой мѣрѣ концентраціи, какъ то наблюдается въ области промышленнаго производства. При всемъ томъ, вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что несмотря на такое увеличеніе численности предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ, число занятыхъ въ немъ лицъ за 25 лѣтъ значительно понизилось. Населеніе въ Германіи увеличилось за этотъ періодъ круглымъ счетомъ на 36 процентовъ. Между тѣмъ, число занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ лицъ вмѣстѣ съ членами ихъ семей упало съ 19 милл. съ лишнимъ до неполныхъ 17700 000, такъ что, смѣло можно сказать, весь приростъ населенія за это время, составляющій около 25 000 000 человѣкъ, пронесся мимо сельскаго хозяйства, будучи направленъ въ сторону индустріи, и не только не далъ ничего сельскому хозяйству, но еще и отнялъ у него 8 процентовъ. Статистически это не подлежитъ спору. Въ отдѣльныхъ случаяхъ могло быть, конечно, иначе; но въ общемъ сельско-хозяйственное населеніе понизилось,

сельско-хозяйственное же производство, несмотря на это, возросло. До войны развитие Германіи шло непрерывно въ сторону индустриализаціи.

Но не только эволюція предпріятій существенна для насъ; не менѣе важныя измѣненія произошли и въ положеніи, занимаемомъ въ промыслѣ отдѣльными лицами. Въ промышленности количество лицъ самостоятельныхъ понизилось, зато чрезвычайно возросло число техническихъ и коммерческихъ служащихъ. Сильно увеличилось также и число рабочихъ; абсолютная цифра этого увеличенія превосходитъ количественное повышеніе всѣхъ остальныхъ профессиональныхъ группъ; но относительно увеличеніе числа техническихъ и коммерческихъ служащихъ было еще больше. Количество ихъ въ промышленности съ 99 000 въ 1882 г. возросло до 686 000 въ 1907 г.; число же рабочихъ за этотъ же періодъ повысилось съ 4 000 000 до 8 600 000, въ то время какъ число лицъ самостоятельныхъ понизилось съ 1 861 000 до 1 729 000. Служащихъ стало, такимъ образомъ, на 592 процента больше; рабочихъ — на 110 процентовъ. Въ торговлѣ мы наблюдаемъ аналогичную картину. Тамъ увеличилось, однако, также и число лицъ самостоятельныхъ, такъ какъ мелкому торговцу гораздо легче продержаться, нежели мелкому промышленнику: ихъ число возросло съ 505 000 до 843 000. Число же служащихъ, занятыхъ въ торговлѣ, увеличилось съ 141 000 до 505 000, а число рабочихъ въ торговлѣ и транспортѣ съ 727 000 до 1 959 000. Количество лицъ самостоятельныхъ увеличилось, слѣдовательно, на 60 проц., рабочихъ на 169 процентовъ, служащихъ же на 257 процентовъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ картина

и въ этомъ отношеніи получается опять таки иная. Цифры, однако, тутъ менѣе пригодны для сопоставленія, такъ какъ въ 1907 году примѣнялся другой способъ переписи, чѣмъ въ предыдущіе годы. Дѣло въ томъ, что лица, проживающія при домохозяйствѣ и работающія вмѣстѣ съ нимъ, прежней статистикой причислялись къ семьѣ предпринимателя, т. е. крестьянина, по новой же входятъ въ категорію рабочихъ.

Огромное увеличеніе числа техническихъ и коммерческихъ служащихъ въ промышленности и торговлѣ является живой иллюстраціей одного факта, чрезвычайно рѣзко подчеркнутаго впервые теоріей Маркса. До Маркса политическая экономія различала лишь неподвижный капиталъ, какъ именовался капиталъ, вложенный въ строенія, машины и т. п., и подвижной, циркулирующій капиталъ. Марксъ ввелъ другое разграниченіе: онъ различаетъ постоянный и переменный капиталъ. Постояннымъ онъ называетъ капиталъ, который, какъ, на примѣръ, затраты на ремонтъ построекъ, изнашивание машинъ, затрата сырья и вспомогательныхъ матеріаловъ, входитъ въ издержки производства и потому вновь въ неизмѣнномъ видѣ появляется въ цѣнѣ продукта; между тѣмъ какъ издержки на человѣческую трудъ — рабочихъ и служащихъ — возвращаются въ приумноженномъ видѣ въ цѣнности всего производства. Эту часть Марксъ и называетъ переменнымъ капиталомъ. Отдѣльное лицо можетъ потерпѣть убытокъ вслѣдствіе ошибочной спекуляціи; вообще же можно принять, какъ правило, что предприниматель въ своей калькуляціи хочетъ прежде всего вернуть то, что онъ затратилъ на машины, аренду,

сырье и т. п. Что этот постоянный капитал въ промышленности возросъ относительно гораздо больше, нежели переменный (заработная плата и пр.), иллюстрируется указаннымъ выше, относительно болѣе сильнымъ увеличеніемъ технического и коммерческаго персонала.

Вернемся, однако, къ измѣненіямъ профессиональныхъ группировокъ въ капиталистическомъ обществѣ. Число лицъ, занятыхъ въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ, понизилось, какъ мы видѣли, за 25 лѣтъ съ 19 до 17½ миллионовъ. Число же лицъ, занятыхъ въ промышленности и горномъ дѣлѣ, возросло съ 16 до 26 миллионовъ, въ торговлѣ и транспортѣ — съ 4 до 8 миллионовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить представителей свободныхъ профессій и лицъ, состоящихъ на государственной и общественной службѣ; перепись говоритъ объ огромномъ увеличеніи ихъ числа: съ 1½ до 2,6 миллионовъ. Все это свидѣтельствуетъ о весьма значительномъ сдвигѣ, о полномъ измѣненіи социальнаго характера населенія. Въ эпоху основанія Германской Имперіи значительно больше половины ея населенія жило въ деревнѣ, гдѣ источникомъ существованія служило для него сельское хозяйство. Теперь же профессиональное занятіе сельскимъ хозяйствомъ даетъ пропитаніе все меньшей части населенія; для большинства источникомъ существованія являются промышленность, торговля и транспортъ, свободныя профессіи и общественная служба. Въ общемъ и цѣломъ, это означаетъ огромный культурный прогрессъ, имѣющій, однако, и свою обратную сторону: отдаленіе отъ природы и разныя другія вредныя послѣдствія. Несомнѣнно лишь то, что въ общемъ

промышленность представляет собою болѣе высокую хозяйственную форму, чѣмъ сельское хозяйство, несмотря на всѣ произведенныя и въ немъ усовершенствованія.

Дальнѣйшій, очень важный фактъ состоитъ въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ городъ растетъ за счетъ деревни, вся социальная жизнь принимаетъ все болѣе и болѣе городской характеръ. Это — одно изъ характернѣйшихъ явленій нашей эпохи, которое до войны наблюдалось, впрочемъ, еще въ гораздо большей степени въ Англии. Городъ приобретаетъ все большую роль во всей социальной жизни, и къ этому сводится значительная доля того, что долгое время именовалось аграрнымъ вопросомъ: въ то время, какъ въ прежніе періоды крестьянинъ обладалъ собственной культурой, гордился ею и едва ли не свысока взиралъ на горожанина, теперь онъ самъ старается придать своей жизни городской характеръ и хочетъ жить, какъ живетъ горожанинъ; и такое же желаніе рождается и у сельскаго рабочаго. Именно въ этомъ и коренится значительная доля всего недовольства, накопившагося въ деревнѣ: если бы крестьянинъ хотѣлъ жить такъ, какъ жили его предки, то аграрнаго вопроса не существовало бы. Цѣна на сельскіе продукты поднялась и денежный доходъ не претерпѣлъ никакого ущерба.

Въ средѣ промышленныхъ рабочихъ также совершается эволюція, заслуживающая нашего вниманія. Классъ этотъ, какъ мы видѣли, численно выросъ въ колоссальной степени. Однако, въ промышленности различаются два вида рабочихъ: обученные т. е. прошедшіе опредѣленный періодъ ученія, и такъ называемые необученные рабочіе. Прежде го-

ворили о квалифицированныхъ и неквалифицированныхъ рабочихъ, т. е. обученнаго рабочаго называли квалифицированнымъ, необученнаго — неквалифицированнымъ рабочимъ. Но, какъ правильно замѣтилъ какъ-то одинъ предприниматель, неквалифицированнаго труда вообще не существуетъ. Наипростѣйшій трудъ требуетъ значительнаго опыта и часто предполагаетъ во-первыхъ большую силу, а во-вторыхъ — и большую ловкость. Я никому не посовѣтовалъ бы состязаться въ работѣ хотя бы съ тачечникомъ. Кто взялся бы за это, тотъ скоро замѣтилъ бы, что и для этой работы нужна извѣстная ловкость, а не только физическая сила. Тѣмъ не менѣе, необученный рабочій въ социальномъ и экономическомъ отношеніи стоитъ ниже обученнаго, — въ Германіи, правда, не въ такой мѣрѣ, какъ въ Англіи. Въ Англіи различіе между обученными и необученными рабочими было до войны значительно сильнѣе, чѣмъ въ Германіи. Этимъ и объясняется явленіе, бросавшееся въ глаза многимъ пріѣзжимъ: они наблюдали въ Англіи огромное количество рабочихъ, стоявшихъ на весьма низкой ступени какъ въ отношеніи образа жизни, такъ и жилища и даже одежды. Отсюда дѣлался выводъ, что вообще въ Англіи нужда значительно больше, чѣмъ на континентѣ. На самомъ же дѣлѣ это лишь частичное явленіе, объясняющееся всей исторіей англійскаго пролетаріата. Вслѣдствіе специальныхъ причинъ въ Англіи необученный рабочій (labourer), въ противоположность обученному (worker), получалъ значительно меньшую заработную плату, всего около 60. или даже 50 процентовъ заработной платы обученнаго рабочаго, тогда какъ въ Германіи необу-

ченный рабочій зарабатываетъ до 70 и 80 процентовъ заработной платы обученнаго. Численность обученныхъ рабочихъ, съ одной стороны, и необученныхъ, съ другой, измѣнялась въ Германіи неодинаково. Въ переписяхъ различіе между обѣими категоріями проводится лишь съ 1895 года, такъ что сопоставленіе развитія этихъ категорій мы можемъ произвести лишь за 12 лѣтъ (съ 1895 по 1907 годъ). За этотъ періодъ число обученныхъ рабочихъ въ промышленности возросло съ 4 до 5, 4 милліоновъ, число же необученныхъ съ 2, 3 до 3,9 милліоновъ. Такимъ образомъ, относительно количество послѣднихъ увеличилось въ гораздо большей степени. На 100 обученныхъ въ 1895 г. приходилось 55 необученныхъ рабочихъ, а въ 1907 году — уже 73. Усовершенствованная машина зачастую требовала, слѣдовательно, вмѣсто обученныхъ — необученныхъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе — и это самое важное — за этотъ періодъ, когда число необученныхъ рабочихъ возросло въ такой сильной степени, число занятыхъ въ промышленности обученныхъ рабочихъ все еще росло быстрѣе, нежели общая цифра народонаселенія. Населеніе за 12 лѣтъ возросло на 19 процентовъ, число же обученныхъ рабочихъ приблизительно на 29 процентовъ. Это тоже чрезвычайно характерно для огромнаго развитія на пути къ индустриализаціи, которое совершилось за этотъ періодъ въ Германіи.

Возникаетъ вопросъ: откуда берется этотъ притокъ необученныхъ рабочихъ? Тутъ мы наталкиваемся на весьма характерное явленіе. Часть германскихъ рабочихъ перешла изъ деревни въ городъ на поденную работу. Въ деревнѣ же ихъ замѣнили иностран-

цы: сельско-хозяйственные германскіе рабочіе перекочевали въ промышленность, а германское сельское хозяйство значительную часть нужной ему рабочей силы получило изъ Польши и изъ другихъ странъ, привлекая оттуда рабочихъ частью на сезонную, частью же и на постоянную работу. Такимъ путемъ германскій пролетаріатъ сумѣлъ подняться на болѣе высокую ступень, по сравненію съ польскими и другими рабочими. Съ другой стороны, это было и для поляковъ переходомъ къ лучшимъ условіямъ жизни и труда. Они отправлялись въ Германію, такъ какъ тутъ они получали все же лучшую заработную плату, чѣмъ у себя дома. При всемъ томъ остается въ силѣ то заслуживающее вниманія обстоятельство, что за указанный періодъ германская промышленность и промышленный пролетаріатъ могли испытать такую огромную эволюцію отчасти только за счетъ этихъ иностранныхъ рабочихъ. Безъ поденщиковъ-иностранцевъ невозможной оказалась бы значительная доля того подъема, въ конечномъ результатѣ котораго каждый слой рабочаго класса очутился на нѣсколько болѣе высокой ступени, чѣмъ раньше, и число обученныхъ рабочихъ увеличилось пропорціонально больше, чѣмъ общее количество населенія. Въ этомъ отношеніи не оправдались слова Маркса, сказанныя имъ въ «Капиталѣ» и толкуемая очень часто буквально, что «машина убиваетъ рабочаго». Это огромное увеличеніе числа рабочихъ въ промышленности мы находимъ не только въ Германіи, но одновременно и въ Англіи и во Франціи, какъ и вообще во всѣхъ странахъ современнаго развитія, и въ наибольшей мѣрѣ въ Америкѣ. Это объясняется цѣлымъ рядомъ

причинъ, которыя Марксъ не имѣлъ возможности учесть въ достаточной мѣрѣ.

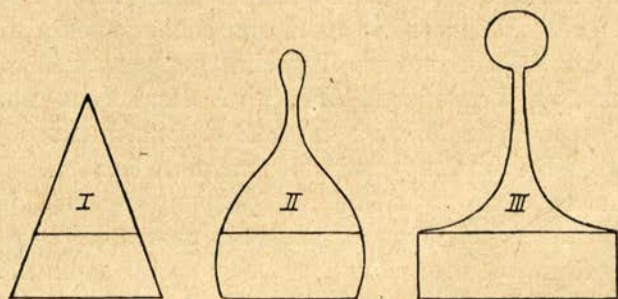
Марксъ заимствовалъ свои примѣры изъ текстильной промышленности, которая въ его эпоху играла въ Англии рѣшающую роль. Между тѣмъ волокно гораздо легче поддается машинной обработкѣ, нежели кожа, дерево, металлъ и т. п. Въ то время какъ въ текстильной промышленности машина, дѣйствительно, отчасти вытѣснила рабочаго, въ другихъ отрасляхъ этого не случилось, напротивъ, число рабочихъ тамъ колоссально возросло, особенно въ промышленности металлургической, къ которой постепенно переходитъ главенствующее значеніе. Это усиленное развитіе стало возможнымъ благодаря тому, что рѣчь шла не только о машинахъ для изготовленія предметовъ личнаго обихода, но и объ огромномъ увеличеніи средствъ сообщенія, желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и пр. Колоссальное расширеніе желѣзнодорожной сѣти, совершившееся въ различныхъ странахъ, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, но въ весьма значительной степени также и въ Германіи, началось, главнымъ образомъ, уже послѣ того, какъ Марксъ написалъ свой «Капиталъ». Достаточно лишь сравнить желѣзнодорожную карту шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, — годы, когда Марксъ писалъ свой «Капиталъ», — съ картой 1914 года, чтобы увидѣть, какое колоссальное развитіе претерпѣло за этотъ періодъ желѣзнодорожное дѣло. Далѣе, свой обликъ измѣнили и самыя машины, служащія для передвиженія, паровозы, пароходы и т. п.; они выросли до исполинскихъ размѣровъ, и этотъ ростъ ихъ, какъ и растущая ихъ многочисленность, и оказали сильнѣйшее вліяніе

на развитіе промышленности и существенно способствовали мощной индустриализации не только Германии, но и всего міра.

Но далѣе отмѣтить приходится еще и слѣдующее. Исполинскій ростъ общественнаго богатства, наступившій въ результатѣ усовершенствованія средствъ производства, грандіознаго роста добычи и переработки рудъ и другихъ ископаемыхъ, и непрерывнаго повышенія производительности человѣческаго труда у машины, повлекъ за собою, въ качествѣ втораго послѣдствія, значительное повышеніе качественной цѣнности промышленнаго труда. Первоначально слѣдствіемъ введенія машинъ, было, наоборотъ, пониженіе качества фабриката, какъ то и констатировалъ Марксъ. Дешевые фабрикаты вытѣснили качественно болѣе цѣнную, солидную работу. Однако въ дальнѣйшемъ процессѣ развитія, вмѣстѣ съ возрастающимъ общественнымъ богатствомъ, растетъ и рынокъ качественно-высокой промышленности, — и тѣмъ самымъ увеличивается, опять-таки, поле дѣятельности для обученныхъ рабочихъ, обладающихъ соотвѣтственно высокой подготовкой. Факты эти: огромный ростъ общественнаго богатства со всѣми его техническими послѣдствіями — ставятъ передъ нами вопросъ: какъ отражается все это на классовой структурѣ общества?

Первымъ социальнымъ послѣдствіемъ машинной промышленности было вытѣсненіе среднихъ слоевъ населенія, умноженіе пролетаріата; разрастался слой богатыхъ и множилась ихъ богатство. Благодаря этому въ социалистической средѣ возникла теорія, которая долгое время распространялась въ агитационныхъ цѣляхъ — я самъ еще принималъ въ этомъ

немалое участие, — теорія о томъ, что въ дальнѣйшемъ ходѣ капиталистическаго развитія небольшой слой богатыхъ совершенно вытѣснить средніе слои общества, тогда какъ одновременно будутъ въ колоссальной степени расти ряды пролетаріата и углубляться его нужда. Весьма въ своемъ родѣ выдающійся, хотя и нѣсколько консервативно настроенный, социалистическій экономистъ Карлъ Родбертусъ сравнилъ однажды такой ходъ развитія съ превращеніемъ правильно построенной социальной пирамиды во все болѣе суживающееся горлышко бутылки. Я самъ попытался изобразить это графически въ слѣдующемъ видѣ:

Фигура I изображаетъ общественную пирамиду въ ея предполагаемомъ первоначальномъ видѣ: внизу бѣднѣйшіе классы, вверху же, все болѣе и болѣе суживаясь, классы имущіе. Съ возникновеніемъ капиталистическаго производства образуется наверху небольшой слой наибогатѣйшихъ, средніе слои сжимаются, нижніе же расширяются. Пирамида принимаетъ видъ фигуры II. Мало по малу, однако, она уподобляется горлышку бутылки, какъ на рисункѣ III. Верхушка — слой богачей — разбухаетъ,

окончательно суживается средній слой, и все больше и больше увеличивается внизу слой пролетаріата. Профессоръ Юлій Вольфъ, пронизируя по поводу этой теоріи, говорилъ, что, согласно ей, горлышко бутылки въ одинъ прекрасный день совершенно исчезнетъ, и только высоко наверху останется головка, которая, лишившись всякой промежуточной точки опоры, и рухнетъ внизъ въ широкое дно бутылки. Въ дѣйствительности, однако, развитіе по этому пути не пошло. Прослѣдивъ статистически разслоеніе населенія въ зависимости отъ высоты годового дохода, въ различныхъ странахъ, мы увидимъ передъ собою совершенно иную картину. Такъ какъ для всей Германіи въ цѣломъ подоходный налогъ введенъ только теперь, то намъ для сопоставленія приходится обратиться къ Пруссіи, составляющей пять восьмыхъ Германской Имперіи. Извѣстная налоговая реформа Микеля въ 1892 г. кореннымъ образомъ измѣнила прусскій подоходный налогъ. Допустимъ, что до войны къ разряду пролетаріевъ относились всѣ лица съ доходомъ ниже 3000 марокъ золотомъ, и что свыше этого уровня начинались уже средніе слои населенія. Тутъ мы различаемъ группы съ доходомъ отъ 3000 до 6000 марокъ, съ доходомъ въ 6000—10000 марокъ и, наконецъ, съ доходомъ въ 10000—30500 марокъ. Последняя цифра свидѣтельствуетъ уже о прочномъ буржуазномъ существованіи. Лица съ декларированнымъ доходомъ отъ 30.500 до 100.000 марокъ могутъ считаться частью состоятельными, частью богатыми; лица же съ доходомъ свыше 100.000 марокъ относятся къ разряду наибогатѣйшихъ. Последнія, имѣющіяся въ моемъ распоряженіи, цифры, относящіяся къ

старому подоходному налогу Микеля, помѣчены 1916 годомъ. Съ 1892 по 1916 годъ, слѣдовательно, въ эпоху подъема и расцвѣта капиталистическаго производства, количество богачей съ доходомъ свыше 100.000 марокъ повысилось съ 1780 до 3561, то-есть увеличилось больше чѣмъ вдвое; число состоятельныхъ и богатыхъ возросло за тотъ же періодъ съ 6700 до 22.000, т. е. болѣе чѣмъ утроилось. Число лицъ зажиточныхъ съ доходомъ отъ 6000 до 30.500 марокъ увеличилось со 104.000 до 210.000, то есть опять таки болѣе чѣмъ удвоилось. Эта категорія возросла тоже значительно больше, чѣмъ общее число народонаселенія. Что же касается до низшей изъ среднихъ категорій, которой предрекали полное исчезновеніе, разряда лицъ съ доходомъ отъ 3000 до 6000 марокъ, то и ихъ число увеличилось съ 205.000 до 578.000, т. е. почти втрое. Ни одна категорія изъ этихъ группъ не исчезла, — наоборотъ, всѣ цифры возросли. Стоитъ лишь принять во вниманіе развитіе городовъ за послѣднія десятилѣтія и ту тенденцію къ благосостоянію, которая сказывается все болѣе отчетливо въ постройкѣ жилищъ и т. п., и мы легко поймемъ, что это было бы совершенно немислимо безъ численнаго возрастанія среднихъ по доходности слоевъ населенія.

Нѣсколько иная картина представляется при разсмотрѣніи роста имуществъ, какъ таковыхъ. Примушественный налогъ былъ введенъ въ Пруссіи только въ 1895 г. Имѣющіяся въ моемъ распоряженіи цифры доходятъ до 1911 года. Онѣ обнимаютъ слѣдовательно лишь періодъ въ 16 лѣтъ, за который населеніе Пруссіи увеличилось приблизительно на 25 процентовъ. Цифры показываютъ имущества

не въ дѣйствительномъ ихъ размѣрѣ, а лишь въ томъ, въ какомъ они исчислялись для взиманія налога: на самомъ дѣлѣ они значительно выше, такъ какъ при обложеніи производятся всевозможные вычеты. За указанный періодъ число обложенныхъ налогомъ имуществъ въ группѣ, обнимающей имущества размѣромъ отъ 6000 до 32000 марокъ, возросло съ 765.000 до 1.200.000 круглымъ счетомъ; группа 32.000—100.000 возросла съ 284.000 до 419.000, группа 100.000—500.000 возросла съ 87.000 до 136.099 и группа свыше 500.000 марокъ золотомъ — съ 15.600 до 23.000. Такимъ образомъ всюду наблюдается разрастаніе. Пирамида не приняла форму горлышка отъ бутылки, а продолжала расти довольно равномерно во всѣхъ направленіяхъ. Сильно увеличился пролетаріатъ, но выросли точно также и средніе слои, и верхняя группа. Общественное богатство колоссально увеличилось, но увеличеніе это досталось на долю не только наиболѣе богатыхъ группъ, но и всѣхъ вообще имущихъ слоевъ.

Если развитіе и не пошло по тому пути, какой ему предугадывался раньше и о какомъ говорили не только Марксъ и Родбертусъ, но также и Лассаль и всѣ другіе социалисты, то это отнюдь не доказываетъ еще, что социалистическое движеніе вообще излишне. Фактически совершившаяся эволюція привела къ тому, что значительно увеличилось различіе между крупными доходами и доходомъ народныхъ массъ, а это и есть самое главное. Пирамида доходовъ и имуществъ развивается не по схемѣ горлышка отъ бутылки, а, скажемъ, по схемѣ перевернутой гармоникки. Предположимъ, что гармо-

нику поставили на бокъ и подвергли давленію нѣ-
котораго груза такимъ образомъ, что нижняя ея часть
поднимается лишь очень медленно, въ то время какъ
другая сила тянетъ ее вверхъ. Тогда напряженіе
между нижней массой, находящейся подъ давленіемъ,
и верхними частями будетъ непрерывно возрастать:
фактически мы и наблюдаемъ это въ соотношеніи
между увеличивающимся числомъ богачей съ ихъ
растущей роскошью — и огромной, количественно
все болѣе разрастающейся арміей тѣхъ, кто въ со-
ціальному отношеніи состоитъ у нихъ въ услуженіи.
Численное возрастаніе рабочихъ и низшихъ служа-
щихъ, по абсолютной величинѣ своей, во много
разъ превосходитъ ростъ всѣхъ другихъ классовъ
вмѣстѣ взятыхъ. Мы видимъ, такимъ образомъ,
что ходъ развитія отнюдь не можетъ быть при-
знанъ такимъ здоровымъ, какъ то утверждаютъ люди,
усматривающіе въ численномъ ростѣ всѣхъ имущихъ
слоевъ полное оправданіе всего соціального развитія
при капиталистическомъ строѣ. Несомнѣнно только
одно: капитализмъ непомѣрно увеличилъ богатство
общества; однако, распредѣленіе богатства эволю-
ціонировало не вполне такъ, какъ то предполагалось
въ прежнее время соціалистами, а пошло отчасти
иными путями. Вслѣдствіе этого измѣнились и про-
блемы, стоящія передъ соціализмомъ. Установленіе
и уясненіе этого факта, равно какъ и вопросъ о томъ,
какіе же слѣдуетъ сдѣлать отсюда выводы, все это
долгое время служило среди соціалистовъ источни-
комъ великихъ споровъ теоретическаго и практиче-
скаго характера.

Можетъ возникнуть вопросъ: какимъ образомъ сов-
мѣщается сохраненіе среднихъ слоевъ съ концен-

траціей підприємств при капиталистическомъ строѣ? Вѣдь капитализмъ ведетъ непрерывно къ концентраціи підприємствъ, къ крупному производству и къ возрастанію роли машины въ общественномъ производствѣ. Если количество мелкихъ и среднихъ підприємствъ почти не сократилось, то вѣдь зато колоссально возросли підприємствія крупныя, не только численно, но, въ особенности, также и въ отношеніи количества занятыхъ въ нихъ лицъ. Какъ же совмѣстить съ этимъ указанную выше эволюцію въ распредѣленіи богатства? Отчасти она объясняется подвижностью современнаго капитала, той подвижностью, которую капиталъ приобрѣлъ благодаря огромному распространенію товарищескаго начала въ его разнообразныхъ формахъ: къ послѣднимъ въ принципѣ должна быть причислена также и акціонерная компанія, какъ сильно ни отличается она въ юридическомъ отношеніи и по структурѣ своей отъ прочихъ товариществъ. Принципъ товарищества, коллективнаго капитала, спасаетъ существованіе всѣхъ тѣхъ слоевъ населенія, которые были бы обречены на неминуемую гибель, если бы въ каждомъ підприємствіи собственникомъ могло быть только одно лицо или очень малая группа лицъ. Въ 1909 году — къ этому году относятся послѣднія цифры имперскаго статистическаго ежегодника — въ Германіи насчитывалось 5222 акціонерныхъ компаній съ акціонернымъ капиталомъ около 14 миллиардовъ марокъ золотомъ и 626 милліонами марокъ привилегированныхъ акцій. На ряду съ ними существовали кооперативы и общества съ ограниченной отвѣтственностью, числомъ въ 16500 съ 3½ милліардами паеваго капитала. Далѣе слѣдуетъ огромное ко-

личество зарегистрированных товариществ и, наконец, колоссальный капитал въ формѣ облигацій акціонерныхъ компаній, составляющей также многіе милліарды, и чрезвычайно сильно возросшій не только благодаря промышленному развитію, но и вслѣдствіе развитія военныхъ силъ, непрерывно растущихъ вооруженій и проч. Не малое значеніе имѣютъ также и столь сильно возросшіе государственные займы. Благодаря всему этому чрезвычайно увеличилось число участниковъ въ прибыляхъ отъ народнаго хозяйства. Если Лассаль говорилъ о рабочихъ батальонахъ, то теперь приходится говорить уже не только о батальонахъ акціонеровъ, а о цѣлыхъ корпусахъ, среди которыхъ распредѣляются акціи современной промышленности. Само по себѣ предпріятіе связано съ опредѣленнымъ мѣстомъ, но акція, капиталъ, становится все подвижнѣе и можетъ переходить изъ рукъ въ руки и даже изъ страны въ страну. Это сказывается даже и въ землевладѣніи, гдѣ подвижность придаетъ собственности, прежде всего, ипотека, безъ труда мѣняющая владѣльцевъ и отличающаяся дѣлимостью. Однако, полной подвижностью ипотека не обладаетъ; таковая присуща зато закладному листу. Возникъ цѣлый рядъ ипотечныхъ обществъ, собирающихъ ипотеки и выпускающихъ взаменъ ихъ закладные листы, держатели которыхъ могутъ мѣняться изо дня въ день. Такимъ путемъ могло осуществиться въ весьма широкихъ размѣрахъ распредѣленіе имущества, вложеннаго въ землю.

Сильное возрастаніе числа акціонеровъ отнюдь не представляется, однако, съ точки зрѣнія социалістовъ, отраднымъ явленіемъ. Отраднымъ могутъ счи-

тать его только защитники капитализма: заинтересованнымъ въ сохраненіи послѣдняго оказывается благодаря этому гораздо большее число людей, чѣмъ то было бы при иныхъ условіяхъ. Этимъ объясняется цѣлый рядъ соціальныхъ и политическихъ явленій. Въ Англіи пивоваренная промышленность подверглась чрезвычайно сильной концентраціи, но капиталъ, вложенный въ нее, исключительно акціонерный и самое число акціонеровъ достигаетъ многихъ и многихъ тысячъ человѣкъ. Пивоваренная промышленность играетъ сейчасъ въ Англіи въ высокой мѣрѣ политическую роль. Приблизительно до середины семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, англійскіе пивовары принадлежали къ либераламъ, что въ Англіи означаетъ также и демократовъ. Они стояли за свободу торговли, такъ какъ были заинтересованы въ свободномъ ввозѣ ячменя. Въ Англіи существуетъ большая ежедневная газета, которая хотя и не продается на улицахъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ очень широкое распространеніе: «Morning Advertiser». Это — органъ пивоваренной промышленности, найти его можно во всѣхъ пивныхъ и харчевняхъ. Въ пивѣ заинтересованы, конечно, также и его потребители. И вотъ вся политическая позиція пивоваренной промышленности измѣнилась вслѣдствіе того, что либеральная партія начала усиленно поддерживать проповѣдь умѣренности и воздержанія. Между пивоварами и либеральною партіей возникъ антагонизмъ. Чѣмъ болѣе радикальной становилась эта партія и чѣмъ болѣе энергично высказывалась она за расширеніе правилъ о запрещеніи питейныхъ заведеній и за ограниченія для нихъ, тѣмъ болѣе усиливалась рознь и въ на-

стоящее время въ Англіи пивоваренная промышленность со всей своей свитой не только потребителей, но и акціонеровъ, примыкаетъ къ консерваторамъ, чѣмъ и объясняется опять таки столь значительное усиленіе англійской консервативной партіи въ данное время. Съ этимъ связано и значеніе конскихъ состязаній, такъ какъ большинство пари заключается въ питейныхъ заведеніяхъ. Это тоже влечетъ за собою весьма существенныя соціальныя и политическія послѣдствія. Огромное распространеніе пивовареннаго капитала и соприкосновеніе широкой публики съ интересами пивоваренія играетъ здѣсь немалую политическую роль.

Подвижность современнаго капитала, такимъ образомъ, чрезвычайно возросла. Болѣе подвижной объектъ, чѣмъ закладной листъ, едва ли можно себѣ представить. Въ 1 часъ дня его можно купить на любой биржѣ и въ половинѣ второго перепродать уже дальше. Точно также обстоитъ дѣло и съ любой промышленной и пр. акціей. Эта исключительная подвижность капитала усилила въ свою очередь тягу въ города. Не работающій капиталистъ, извлекаетъ ли онъ свой доходъ изъ сельскаго хозяйства, изъ торговли или промышленности, можетъ жить теперь въ городѣ. До войны это сказывалось, напримѣръ, на налоговыхъ ставкахъ. Въ прирейнской области, въ мѣстахъ развитой промышленности и горнаго дѣла, добавочное къ государственному подоходному налогу обложеніе, предназначенное для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, достигло 200 или 300 процентовъ и больше, тогда какъ здѣсь въ Берлинѣ, гдѣ живетъ большая часть людей, извлекающихъ доходъ изъ этихъ отраслей производства, прибавка долгое вре-

мя не превышала 100 процентов. Въ округѣ Шенебергъ, напимѣрь, намъ пришлось вести долгую борьбу для того, чтобы побудить, наконецъ, большинство мѣстнаго самоуправленія къ повышенію надбавки на 10 процентовъ, т. е. довести ее до 110 процентовъ. Между тѣмъ, въ промышленныхъ округахъ надбавки доходили до 200—300 процентовъ — именно потому, что акціонеры, которымъ достается весь чистый доходъ производства, тамъ вовсе и не живутъ. Промышленные округа должны были нести тяготы, связанныя съ проживаніемъ въ ихъ границахъ обширнаго рабочаго населенія, въ то время какъ самъ капиталъ изъ нихъ отливалъ. Аналогичное явленіе можно наблюдать, впрочемъ, и въ соціальной структурѣ Берлина, гдѣ владѣльцы и акціонеры крупныхъ промышленныхъ предпріятій жили въ дачныхъ предмѣстіяхъ, тогда какъ рабочіе тѣхъ же предпріятій ютились въ фабричныхъ казармахъ и не подалеку отъ нихъ.

Разными путями шель, такимъ образомъ, ростъ городовъ въ Германіи. Еще въ 1867 году $\frac{2}{3}$ германскаго населенія (66,7%) жили внѣ городовъ, т. е. въ общинахъ, насчитывавшихъ не болѣе 2000 жителей. Въ концѣ столѣтія число это понизилось до $\frac{5}{11}$ (около 45%); въ 1910 году оно упало до 40%, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что накануне войны оно было еще значительно меньше. Деревня подвергалась все большому обезлюднѣнію, города же росли. Изъ 65 милліоновъ жителей, насчитывавшихся въ 1910 году въ Германіи, уже только 26 милліоновъ проживало въ общинахъ съ населеніемъ менѣе 2000 человекъ. Это и вызвало то преобладаніе городской культуры, которое, какъ уже упомя-

нута, послужило однимъ изъ важныхъ моментовъ въ обостреніи такъ называемаго аграрнаго вопроса. Почти параллельно съ этимъ развитіемъ шло развитіе германской внѣшней торговли. Германія стала промышленнымъ государствомъ, а характернымъ признакомъ промышленнаго государства служить то, что оно вывозитъ значительное количество готовыхъ фабрикатовъ при довольно значительномъ ввозѣ сырья и продовольствія. Въ Германіи ввозъ продовольствія не былъ такъ великъ, какъ въ Англіи, гдѣ въ XIX столѣтіи хлѣбопашество настолько сократилось, что собственнаго хлѣба хватало на покрытіе едва лишь одной шестой части общей потребности. Произошло это, главнымъ образомъ, вслѣдствіе грандіознаго колониальнаго развитія Англіи, причемъ къ колоніямъ Англіи въ хозяйственномъ смыслѣ, съ точки зрѣнія состава населенія, слѣдуетъ отнести, въ сущности, также и сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, хотя въ политическомъ отношеніи они и являются совершенно независимыми. Не даромъ же они въ теченіе ряда десятилѣтій привлекали непрерывно возрастающую долю англійскаго населенія. Съ 1848 по середину 1885 года изъ Англіи эмигрировало свыше 6 милліоновъ человѣкъ, изъ которыхъ значительно большая часть поселилась въ Соединенныхъ Штатахъ.

Эта колоссальная эмиграція объясняетъ рядъ явленій, казавшихся многимъ въ теченіе долгаго времени необъяснимыми. Въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія Англія была ареной могущественнаго рабочаго движенія — движенія чартистовъ, носившаго почти что революціонный характеръ. Постепенно, однако, оно шло на убыль, и къ

тому времени, когда въ Германіи соціалистическое движеніе уже въ значительной мѣрѣ окрѣпло, въ Англіи отъ него почти ничего уже не оставалось. Этому обстоятельству давался цѣлый рядъ объясненій. Одна изъ причинъ заключается въ угнетающемъ впечатлѣніи, произведенномъ тяжкимъ пораженіемъ чартизма; съ другой стороны, революціонный порывъ смягчался и вслѣдствіе нѣкоторой уступчивости буржуазно-либеральныхъ партій. Однако, даже профессиональное движеніе рабочихъ приняло вялый, почти совершенно бюрократическій характеръ. На мой взглядъ, этому способствовала также и указанная массовая эмиграція. Эмигрируютъ, обычно, наиболѣе живыя въ духовномъ отношеніи натуры, что, конечно, отнюдь не означаетъ еще наибольшей доброкачественности ихъ. Если, такимъ образомъ, страна лишается столь значительной доли своихъ наиболѣе подвижныхъ элементовъ, то вполне естественно, что среди остающихся начинаютъ преобладать элементы вялые, индифферентные или, по меньшей мѣрѣ, болѣе податливые. Поэтому массовая англійская эмиграція и повлекла за собою такую перемѣну въ характерѣ англійскаго рабочаго движенія.

Что касается Германіи, то здѣсь при гораздо болѣе многочисленномъ населеніи, эмиграція была значительно слабѣе, чѣмъ въ Англіи. Тѣмъ интенсивнѣе развивалась зато въ послѣднія десятилѣтія ея внѣшняя торговля. Въ 1913 году (послѣдній годъ, статистика котораго не затронута вліяніемъ войны) цѣнность германскаго ввоза выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ: сырья было ввезено на 3½ милліарда, полуфабрикатовъ на 86 милліоновъ, жи-

вотныхъ на 280 милліоновъ, продовольственныхъ припасовъ на сумму до 1,8 милліарда, всего — на 5,6 милліарда марокъ золотомъ. Вывозъ же готовыхъ товаровъ достигалъ суммы въ 4,8 милліардовъ золотомъ. Это — картина, типичная для передового индустріального государства, вывозящаго готовые фабрикаты, гдѣ въ наибольшей степени сконцентрированъ высшій человѣческій трудъ, и ввозящаго на ихъ мѣсто сырье, сельско-хозяйственные продукты и полуфабрикаты, въ которыхъ человѣческій трудъ играетъ относительно меньшую роль.

На почвѣ движимаго конкуренціей капиталистическаго хозяйства возникаютъ крупные экономическіе кризисы; первый такой кризисъ пережила Англія, родина современной крупной промышленности, въ 1825 году, десять лѣтъ спустя по завершеніи наполеоновскихъ войнъ. Возстановленіе всеобщаго мира въ Европѣ ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ имѣло громадный ростъ производства; связанное съ тѣмъ благосостояніе длилось около десяти лѣтъ, но затѣмъ смѣнилось грандіознымъ кризисомъ, приведшимъ къ почти полному застою въ дѣлахъ. Такого рода общіе кризисы повторялись съ тѣхъ поръ приблизительно каждыя десять лѣтъ. Въ связи съ этимъ возникъ рядъ теорій относительно ихъ природы, ихъ причинъ и ихъ будущности, теорій, которыя вскорѣ повели къ оживленнымъ преніямъ также и въ социалистической средѣ.

Два воззрѣнія долго вели между собою борьбу: одно усматривало источникъ кризисовъ въ переизобиліи производствѣ, другое — въ недостаточности потребленія, что далеко не одно и то же. Недостаточность потребленія объясняли тѣмъ, что товаровъ

производится гораздо больше, чѣмъ населеніе, при данномъ своемъ составѣ, въ состояніи купить, вслѣдствіе чего они и остаются непотребленными. При этомъ сторонники такого воззрѣнія исходили изъ той мысли, что, во-первыхъ, средніе слои общества постепенно исчезаютъ — знаменитая теорія бутылочнаго горлышка —, и что, во-вторыхъ, положеніе низшаго слоя, трудящагося класса, вслѣдствіе все увеличивающагося разростанія его, неизмѣнно ухудшается, что, слѣдовательно, численный ростъ этого класса ведетъ къ его обнищанію. Такимъ образомъ, покупательная сила не поспѣваетъ за развитіемъ производства и время отъ времени наступаютъ кризисы, разъ отъ разу обостряющіеся все больше и больше. Теорія перепроизводства опирается отчасти на то же представленіе о круговращеніи хозяйственной жизни, что и теорія недостаточности потребленія: сначала періодъ успѣшнаго хода дѣлъ, который затѣмъ переходитъ въ періодъ лихорадочно расширяемаго производства, — склады переполняются, начинаетъ ощущаться недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, и вынужденныя продажи приводятъ къ краху, за которымъ слѣдуетъ пора всеобщаго застоя въ дѣлахъ. Затѣмъ дѣловая жизнь постепенно справляется, и описанное круговращеніе повторяется уже на болѣе широкомъ базисѣ. Но теорія эта, далѣе, утверждаетъ, что вслѣдствіе анархій свободной конкуренціи на хозяйственномъ рынкѣ происходитъ, дѣйствительно, перепроизводство — не только въ соотношеніи съ покупательной силой населенія, но и въ томъ смыслѣ, что производство въ различнѣйшихъ областяхъ превышаетъ дѣйствительную потребность. Напримѣръ, произ-

водится больше сырья и полуфабрикатовъ, чѣмъ могутъ переработать имѣющіяся въ наличности фабрики. При такой анархїи хозяйственный кризисъ является средствомъ временнаго исцѣленія.

Иная теорія кризисовъ выдвинута англійскимъ философомъ и политико-экономомъ Стэнлей Джевансомъ. Она ставитъ кризисы въ причинную связь съ появленіемъ солнечныхъ пятенъ, повторяющимся каждыя десять-одиннадцать лѣтъ и неблагоприятно вліяющимъ на урожай: при томъ большомъ значеніи, какое имѣетъ для экономической жизни сельско-хозяйственное производство, т. е. цѣны на его продукты, неминуемо сокращается въ этихъ случаяхъ и покупательная сила населенія по отношенію къ продуктамъ промышленности. Теорія эта на социалистическую мысль оказала мало вліянія, хотя и слѣдуетъ признать, что развитіе сельскаго хозяйства имѣетъ для кризисовъ важное значеніе. Вернемся, поэтому, къ обѣимъ, ранѣе отмѣченнымъ теоріямъ, которыя, какъ мы видѣли, при всѣхъ своихъ разногласіяхъ, сходятся въ признаніи какъ самаго факта кризисовъ, такъ и причинной его связи съ капиталистическимъ производственнымъ и хозяйственнымъ порядкомъ. На основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ «Капиталѣ» Карла Маркса въ социалистическихъ кругахъ укоренился тотъ взглядъ, что единообразное повтореніе кризисовъ каждыя десять лѣтъ противорѣчитъ растущей интенсивности производства и хозяйственной анархїи и что, напротивъ, циклъ этотъ долженъ постепенно становиться все короче и короче; сущности капиталистической погони за рынкомъ, при возрастающей производительности труда, соотвѣтствуетъ, поэтому,

иной ходъ развитія — въ видѣ непрерывно суживающейся спирали: кризисы должны становиться все чаще, а размѣры ихъ все больше.

Въ ту эпоху, когда соціалистическое движеніе развивалось въ Германіи съ особенной силой, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, казалось, что взглядъ этотъ въ полной мѣрѣ подтверждается жизнью. Послѣ франко-германской войны въ Германіи наступило на первыхъ порахъ небывалое процвѣтаніе, которое, однако, довольно скоро пришло къ внезапному концу. Уже въ 1873—74 гг. произошелъ большой биржевой крахъ, и за нимъ послѣдоваль глубокой застой въ дѣлахъ, тянувшійся еще и въ восьмидесятыхъ годахъ. Рабочій міръ видѣлъ передъ собой зрѣлище величайшаго обнищанія и заключаль отсюда о банкротствѣ капиталистическаго хозяйства. Марксистскій взглядъ на вещи отгѣснилъ всѣ прежнія соціалистическія теоріи на задній планъ, и сильно укрѣпилось мнѣніе о предстоящемъ полномъ крушеніи буржуазнаго общества. Крушенія этого, однако, не послѣдовало, а произошло нѣчто иное. Съ начала девяностыхъ годовъ наступаетъ періодъ благосостоянія, длившійся гораздо дольше, нежели прежніе періоды этого рода, и долгое время сколько-нибудь значительнаго застоя не надвигалось. Буржуазнымъ экономистамъ, а равно и соціалистамъ, приходилось задаться вопросомъ, какъ объяснить это явленіе и какіе изъ него должны быть сдѣланы выводы. Многіе причину видѣли въ небываломъ развитіи транспортнаго дѣла и мірового хозяйства, которое привело къ колоссальному расширенію рынковъ при значительномъ улучшеніи справочно-информаціоннаго дѣла и тор-

говой статистики. Дѣловая сѣть становилась болѣе обозримой. Далѣе, въ формѣ картелей и синдикатовъ достигнута была въ сильной степени организація капитала или, иначе, предпринимателей, организація, позволявшая предупреждать извѣстные послѣдствія кризисовъ путемъ умышленнаго частичнаго ограниченія производства: тѣмъ самымъ полагались извѣстные предѣлы колоссальному расхожденію между производствомъ и сбытомъ. Я самъ изъ этихъ и еще нѣкоторыхъ другихъ явленій заключалъ тогда, что едва ли, въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ, предстоятъ намъ кризисы, подобные тѣмъ, какіе мы видѣли въ прошломъ, и высказалъ это свое мнѣніе въ работѣ, обратившей на себя нѣкоторое вниманіе. Мнѣ пришлось услышать рядъ возраженій, среди которыхъ особенно выдѣлялись критическія указанія профессора политической экономіи Людвига Поле. Моя работа появилась въ 1899 году, а уже въ 1900-омъ наступилъ новый кризисъ. Поле съ триумфомъ противопоставлялъ это моимъ соображеніямъ. Но фактически кризисъ этотъ миновалъ поразительно быстро и уже въ 1902 году наступило облегченіе, продолжавшееся очень долго, именно, до 1906—1907 г., когда въ дѣлахъ вновь произошла заминка, которая, однако, тоже была непродолжительна и за которой, вплоть до міровой война, значительныхъ депрессій уже не послѣдовало.

Такимъ образомъ, на дѣлѣ, благодаря организаціи капитала и цѣлому ряду родственныхъ причинъ, оказалось, что кризисы прежнихъ лѣтъ больше не повторялись. Свойственные кризисамъ элементы и благопріятствующіе возникновенію ихъ факторы не исчезли, конечно, и сейчасъ, но налицо и силы

противодѣйствующія, которыя въ то время, когда писалъ Карлъ Марксъ, еще не поддавались учету. Впрочемъ, до извѣстной степени смягченію кризисовъ содѣйствовалъ также и грандіозный ростъ вооруженій, вызывавшій все увеличивавшуюся потребность въ рабочей силѣ.

Указаніе на наблюдающуюся тенденцію къ смягченію кризисовъ отнюдь не слѣдуетъ, однако, понимать какъ защиту капиталистическаго хозяйства. Что организація капитала сопряжена съ важными отрицательными сторонами, это я, какъ и другіе, не преминулъ въ свое время оттъннить, и на это же должно быть указано и здѣсь. Тѣ кризисы, что происходили раньше, имѣли одно хорошее послѣдствіе: потребность въ разгрузкѣ рынка посредствомъ удешевленія товаровъ не устранялась, а, напротивъ, возрастала, и интересы массоваго потребленія тѣмъ самымъ выигрывали. На кризисы можно было смотрѣть, какъ смотрятъ врачи на лихорадку: какъ на своего рода реакцію хозяйственнаго организма въ цѣляхъ преодолѣнія вредоносныхъ факторовъ. Такой оптимизмъ былъ преувеличеннымъ, но доля истины тутъ все же была. Но когда предпринимаемый капиталъ организуется и достигаетъ ослабленія кризисовъ, то это дѣлается для того, чтобы при помощи коалицій поддерживать цѣны на высокомъ уровнѣ. При такихъ условіяхъ слабѣетъ или отпадаетъ одинъ изъ главныхъ доводовъ, приводимыхъ въ защиту капиталистическаго хозяйства, именно, вмѣняемое ему въ заслугу постоянное удешевленіе продуктовъ и, тѣмъ самымъ, увеличивающееся потребленіе широкихъ массъ населенія. Польза этого капиталистическаго противоядія, та-

кимъ образомъ, нельзя не счесть весьма условной; средствомъ полного исцѣленія сопровождающихъ капиталистическое хозяйство золь оно служить не можетъ, такъ какъ повышение благосостоянія трудящихся классовъ тутъ въ значительной степени снова аннулируется.

Въ противоположномъ направленіи дѣйствуютъ правда, мѣропріятія самихъ рабочихъ, рабочія организаціи, борьба за заработную плату и т. д.; все это немало содѣйствовало ограниченію власти капитала надъ производствомъ и ослабленію того вліянія, которое давленіе капитала оказываетъ на положеніе массъ. Упомянутыя заслуживаютъ при этомъ растущія требованія рабочихъ. Разумѣется, къ явленію этому можно относиться весьма различно, въ зависимости отъ той или иной точки зрѣнія. Соціалистъ сочтетъ такое повышение требованій весьма желательнымъ. Оужденіе вызоветъ съ его стороны развѣ только неправильное употребленіе, которое рабочіе могутъ сдѣлать изъ своихъ увеличившихся заработковъ. Но не нужно забывать слѣдующаго. При продолжительномъ рабочемъ днѣ, рабочей, въ случаѣ повышения заработной платы, не можетъ такъ скоро измѣнить свой образъ жизни, поэтому доставшійся ему, вслѣдствіе благопріятной конъюнктуры, добавочный заработокъ онъ, дѣйствительно, отчасти растратитъ по-пусту. Для того, чтобы онъ научился находить для него лучшее примѣненіе, необходимо регулярное повышение заработной платы, а не скачки вверхъ и внизъ и паденіе ея уровня въ зависимости отъ конъюнктуры. Помимо того, что рабочіе имѣютъ полное право повышать свои требованія, нельзя упускать изъ виду еще и

другого обстоятельства, именно, того, что съ ростомъ богатства въ буржуазномъ обществѣ постепенно и у рабочаго жизненные потребности сами собой повышаются. Онъ живетъ, вѣдь, въ обществѣ, видитъ, что тамъ происходитъ, и вынужденъ приспособляться къ общему развитію жизненныхъ обыкновений. Жилища извѣстнаго типа, которыми онъ довольствовался въ прежнее время, больше уже не строятся, потому что повысились гигиеническія требованія, да и жилищная полиція устанавливаетъ другія правила. Повышаются социальныя требованія къ рабочему — вынужденъ повышать ихъ, съ своей стороны, и онъ. Это одинъ изъ факторовъ въ постоянной борьбѣ за заработную плату, и это приводитъ насъ къ темѣ о классовой борьбѣ въ современномъ обществѣ.

Прежде, чѣмъ приступить къ этой темѣ, я хотѣлъ бы, однако, высказать нѣкоторыя замѣчанія о воздѣйствіи войны и революціи на ходъ хозяйственнаго развитія. Вообще говоря, было бы преждевременно заниматься тутъ пророчествами, потому что воздѣйствіе это, въ общемъ, пока еще отнюдь не поддается учету, въ виду полной неупорядоченности наступившаго положенія вещей. Невозможно учесть въ полной мѣрѣ ни экономическія послѣдствія противоборствующихъ тенденцій отдѣльныхъ націй, ни послѣдствія тѣхъ перемѣщеній, какія происходятъ внутри общественныхъ классовъ. Нѣтъ у насъ статистическихъ данныхъ о томъ, продолжаетъ ли избраженная выше эволюція классовъ идти по тому же пути, какимъ двигалась она въ послѣднее десятилѣтіе передъ войной. Нельзя, покамѣсть, предвидѣть, предстоитъ ли, напр., и впредь тотъ приростъ

среднихъ по размѣрамъ дохода слоевъ населенія, который наблюдался до войны. Нѣтъ статистическихъ данныхъ относительно численности отдѣльныхъ классовъ въ настоящее время. Какъ сложится въ Германіи классовое разслоеніе общества — предвидѣть тѣмъ болѣе трудно, что германской промышленности приходится считаться съ неподдающимися учету затрудненіями. Возможности внѣшняго сбыта для Германіи сильно сократились, матеріальныя издержки производства для Германіи необычайно возросли. Необходимое ей сырье, руды и проч. Германія вынуждена, въ значительной части, покупать въ странахъ съ высокой валютой, и, поэтому, возникаетъ большой вопросъ — можетъ ли германская промышленность и впредь занимать то мѣсто въ міровомъ хозяйствѣ, какое она занимала до войны. Въ общемъ, тенденція будетъ заключаться, надо полагать, въ ростѣ сельско-хозяйственныхъ занятій, то-есть, въ относительномъ увеличеніи сельско-хозяйственнаго населенія, такъ какъ у Германіи нѣтъ средствъ для того, чтобы покупать за-границей пищевые продукты и предметы потребленія въ прежнихъ широкихъ размѣрахъ. Въ значительной части своей нѣмецкая соціальная политика будетъ состоять теперь въ стараніяхъ о томъ, чтобы въ деревню шло больше населенія, нежели приливаетъ его изъ деревни въ города, въ сферу притяженія промышленности. Съ этимъ вопросомъ связанъ для социализма цѣлый рядъ проблемъ. Простой переходъ рабочихъ въ деревню при господствовавшихъ до сихъ поръ условіяхъ фактически означалъ бы пониженіе ихъ экономическаго, соціальнаго и культурнаго уровня. Должны быть, поэтому, приняты мѣры для предот-

вращенія послѣдствій этого рода. Другое важное явленіе — произведенная паденіемъ валюты колоссальная экспроприация представителей среднихъ классовъ. Этимъ путемъ совершенно пролетаризированы сотни тысячъ мелкихъ рантье. Въ какой мѣрѣ преуспѣли, въ связи съ тѣмъ же паденіемъ валюты, другіе классы и слои, это равнымъ образомъ установить пока еще невозможно. Между тѣмъ, все это имѣетъ важное значеніе для тѣхъ измѣненій, которыя совершаются въ соотношеніи соціально-политическихъ силъ. Такимъ образомъ, мы снова возвращаемся къ вопросу о классовой борьбѣ въ современномъ обществѣ: онъ составитъ предметъ слѣдующей главы и приведетъ затѣмъ къ дальнѣйшему вопросу о господствующихъ въ рядахъ социалистовъ воззрѣніяхъ на государство.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СОЦІАЛИЗМЪ И УЧЕНІЕ О КЛАССОВОЙ БОРЬБѢ.

Споры о классовой борьбѣ въ буржуазномъ обществѣ ведутся въ соціалистической литературѣ подъ вліяніемъ ученія, изложеннаго Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ въ Манифестѣ Коммунистической Партіи. Это произведеніе, написанное Марксомъ и Энгельсомъ въ концѣ 1847 года и вышедшее въ свѣтъ въ началѣ 1848 года, приобрѣло большое значеніе для соціаль-демократіи всѣхъ странъ. Оно переведено на множество языковъ и стало для соціалистическаго движенія своего рода катехизисомъ; и оно, во всякомъ случаѣ, представляется въ высшей степени заслуживающимъ вниманія — уже ради одного его поразительнаго, лапидарнаго языка, но также и въ виду того большого вліянія, которое оно оказало и продолжаетъ оказывать на соціалистическую мысль. Достаточно напомнить, что большевики, которые повсюду называютъ себя коммунистами, ссылаются, главнымъ образомъ, именно на это произведеніе.

Въ этомъ-то коммунистическомъ манифестѣ, въ первомъ абзацѣ, слѣдующемъ тотчасъ же за вступленіемъ, мы читаемъ нижеслѣдующее:

«Исторія всякаго, существовавшаго до сихъ поръ общества есть исторія классово́й борьбы».

«Свободный и рабъ, патрицій и плебей, феодаль и крѣпостной, цеховой мастеръ и подмастерье, короче угнетатель и угнетенный находились въ постоянномъ антагонизмѣ, вели непрерывную, то затаенную, то открытую борьбу, борьбу, всякій разъ оканчивавшуюся революціоннымъ преобразованіемъ всего общества или общей гибелью борющихся классовъ».

Это положеніе навлекло на себя весьма рѣзкія нападки, въ чемъ въ значительной мѣрѣ повинно то довольно примитивное, грубо упрощенное толкованіе, которое давалось ему въ социалистическихъ кругахъ. Многіе понимали дѣло такъ, что вся исторія состоитъ изъ цѣпи ожесточенныхъ классовыхъ столкновеній. Но этого въ разсматриваемомъ положеніи не говорится. Никогда Марксу и Энгельсу — прекраснымъ знатокамъ исторіи — не приходило въ голову выставять столь плоское утвержденіе. Въ дѣйствительности же они стремились только къ уясненію того факта, что черезъ всю исторію человечества — Энгельсъ ввелъ впоследствии ограниченіе: за исключеніемъ первобытной исторіи — тянутся классовые антагонизмы, которые неизмѣнно, раньше или позже, обостряются и приводятъ къ бурной классовой борьбѣ. Марксъ въ 1859 году, въ предисловіи къ своему сочиненію: «Къ критикѣ политической экономіи» далъ, поэтому, болѣе научную форму этой мысли. Примыкая къ теоріи Сень-Симона о смѣняющихся періодахъ человѣческой исторіи — такъ называемомъ органическомъ періодѣ, когда существующія противоположности

сглаживаются и развитіе совершается съ относительной регулярностью безъ большихъ потрясеній и борьбы, и затѣмъ періодъ критическомъ въ собственномъ смыслѣ, когда дѣло доходитъ до революцій, — Марксъ въ сжатыхъ положеніяхъ изображаетъ сущность этой періодичности. Пока существуютъ въ обществѣ классы, существуетъ и классовый антагонизмъ, экономическое развитіе порождаетъ все новыя формы его и доводитъ его до крайняго обостренія. Низшій въ данное время общественный слой стремится ввысь и, если онъ достаточно силенъ для того, чтобы возымѣть желаніе и возможность стать классомъ господствующимъ, то наступаетъ періодъ соціальной революціи, которую опять-таки не слѣдуетъ понимать просто какъ уличную борьбу. Тутъ весь общественный укладъ испытываетъ потрясеніе, соціальная борьба классовъ пріобрѣтаетъ большую интенсивность, чувство обезпеченности покидаетъ господствующіе слои и, наконецъ, такъ или иначе совершается соціальный и политическій переворотъ. О фактахъ этихъ не можетъ быть и спору, зато по поводу приведеннаго положенія коммунистическаго манифеста былъ сдѣланъ упрекъ въ плагиатѣ. Въ подкрѣпленіе этого обвиненія грузинскій соціалистъ В. Черкезовъ цитируетъ слова экономиста Адольфа Бланки, брата коммуниста и революціонера Огюста Бланки. А именно, названный Адольфъ Бланки въ 1825 году писалъ:

«Всегда было только двѣ противостоящія одна другой партіи, партія людей, желающихъ жить своимъ собственнымъ трудомъ, и людей, желающихъ жить чужимъ трудомъ. Патриціи и плебеи, свободные и крѣпостные, рабы и вольноотпущенники,

гвельфы и гибеллины, Алая и Бѣлая Роза, кавалеры и круглоголовые, все это только видоизмѣненные формы одного и того же порядка».

Мѣсто это, дѣйствительно, необычайно похоже на слова коммунистическаго манифеста, и утверждение, что Марксъ учинилъ плагиатъ, могло казаться справедливымъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣнii обоихъ сопоставляемыхъ мѣстъ обнаруживается громадная между ними разница. У Бланки безъ всякаго разбора перемѣшаны совершенно разнородныя противоположенія. Гвельфы и гибеллины противостоятъ другъ другу совсѣмъ не такъ, какъ пролетаріи и капиталистическіе предприниматели. Это — двѣ тождественныя по типу партіи, которыя борются между собой, потому что каждая стремится къ господству, но которыя не выражаютъ собою какого-либо соціальнаго антагонизма. Затѣмъ — свободные и крѣпостные. Тутъ есть различіе, но нѣтъ классоваго антагонизма. У Маркса сказано: «Свободные и рабы». Крѣпостные — уже не рабы. Марксъ и пишетъ поэтому: «Феодаль и крѣпостной»; здѣсь феодальныя отношенія находятъ отчетливое выраженіе. Онъ и Энгельсъ ограничиваются приведеніемъ дѣйствительно однородныхъ различій. Вообще же говоря, подобныя сопоставленія настолько были въ духѣ тогдашней эпохи, что предшественники легко нашлись бы и у Бланки. Марксъ никогда не утверждалъ, что никто до него не высказывалъ тѣхъ же мыслей, что и онъ. Но, какъ бы то ни было, въ марксовомъ сопоставленіи сказывается значительный прогрессъ по сравненію съ перечнемъ Бланки: гораздо точнѣе схвачена сущность экономическаго и соціальнаго антагонизма.

Тѣмъ не менѣе, и у Маркса-Энгельса многое под-
лежитъ критикѣ; не совсѣмъ безукоризненна и ихъ
систематика. Они безъ оговорокъ противопоставля-
ютъ цеховыхъ мастеровъ и подмастерій. Но въ дѣй-
ствительности между мастерами и подмастерьями въ
теченіе столѣтій никакого классоваго антагонизма
не было. Все, что пишется о предполагаемой клас-
совой борьбѣ между мастерами и подмастерьями въ
средніе вѣка, при ближайшемъ разсмотрѣніи ока-
зывается неосновательнымъ. Весьма цѣнное сочи-
неніе о движеніяхъ среди подмастерій въ средніе
вѣка опубликовано Георгомъ Шанцемъ: «Исторія
нѣмецкихъ союзовъ подмастерій». Тамъ приведено
53 документа, но если ближе къ нимъ присмотрѣть-
ся, то становится очевиднымъ, что ни въ одномъ
изъ нихъ нѣтъ рѣчи о настоящей классовой борьбѣ
между подмастерьями и мастерами. Бруно Шен-
ланкъ въ своей книгѣ: «Соціальная борьба три вѣка
тому назадъ» постоянно говоритъ о классовой борь-
бѣ, но не указываетъ ни единого случая подлинной
классовой борьбы между подмастерьями и цеховыми
мастерами. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ эпизодовъ
въ цеховой борьбѣ подмастерій въ средніе вѣка
была борьба, которую вели подмастерья въ цехѣ
пекарей въ Кольмарѣ и которая длилась десять
лѣтъ, съ 1495 до 1505 г. Но изъ-за чего шла эта
борьба? Изъ-за мѣста пекарей въ церковной про-
цессіи. Правда, тогда это былъ вопросъ далеко не
столь маловажный, какъ это кажется теперь. До
реформаціи, въ эпоху, когда церковь еще заполняла
собой всю гражданско-соціальную жизнь, когда про-
цессіи имѣли общественное значеніе и соціальное
положеніе индивидовъ и группъ находило свое вы-

раженіе въ томъ, какое мѣсто они занимали въ процессіи, въ ту эпоху такой споръ имѣлъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ нынѣшнее время. Но классовой борьбы тутъ не было, это была скорѣе борьба одного промысла противъ другихъ. Я прослѣдилъ довольно обстоятельно, изъ-за чего боролись подмастерья въ тѣ времена. Занимаясь исторіей одного опредѣленнаго промысла, я изучилъ цѣлый рядъ документовъ, относящихся какъ къ этому промыслу, такъ и къ другимъ, и ни разу не встрѣтилъ конфликта, который былъ бы проявленіемъ классовой борьбы въ собственномъ смыслѣ. Часто заходила рѣчь о раздорахъ между мастерами и подмастерьями. Но раздоры — это еще не классовая борьба. Столкновенія между подмастерьями и мастерами нерѣдко бывали похожи на тѣ, какія мы въ наше время наблюдаемъ, скажемъ, между студентами и профессорами. У студентовъ возникаетъ порою недовольство противъ университетскихъ правленій и въ своихъ комитетахъ они и даютъ ему исходъ; но никто не станетъ утверждать, что такіе конфликты представляютъ собою классовую борьбу.

Это приводитъ насъ къ вопросу: Что означаетъ вообще «классъ»? Класса не нужно смѣшивать съ сословіемъ. Ихъ смѣшивали долгое время, безъ разбора употребляя одно наименованіе вмѣсто другого. Даже такой ясный умъ, какъ Фердинандъ Лассаль, писатель, обычно весьма тщательный въ выборѣ выраженій, далъ своему знаменитому произведенію, позднѣе получившему названіе «Рабочей программы», слѣдующее заглавіе: «Объ идеѣ нынѣшняго историческаго періода въ ея связи со значеніемъ рабочаго сословія». Это — по истинѣ

классическое произведение, прочесть которое я рекомендую всякому, желающему освоиться съ идейнымъ міромъ социализма, тѣмъ болѣе, что Лассаль былъ мастеромъ стиля. Нѣкоторыя изъ популярныхъ его сочиненій написаны такъ превосходно, что, на мой взглядъ, слѣдовало бы извлеченія изъ нихъ ввести въ школьныя хрестоматіи, въ качествѣ образцовъ хорошаго, яснаго изложенія, а также и въ качествѣ противовѣса той возмутительной порчѣ, какой подвергается нѣмецкій языкъ въ ежедневной печати. Лассаль употребляетъ, слѣдовательно, по отношенію къ наемнымъ рабочимъ выраженіе рабочее сословіе. Но уже въ его время нельзя было болѣе говорить о такомъ сословіи. На сословія общество подраздѣлялось въ средніе вѣка, также и въ позднее средневѣковье. Сословіе — отграниченный отъ другихъ слоев, съ особыми правами, опредѣленными въ законѣ. Приемъ въ ряды сословія ограниченъ, у сословія свои собственные законы, свой правопорядокъ. Въ общемъ, въ предѣлахъ сословія долгое время господствуетъ опредѣленно выраженное равенство имущественнаго положенія, лишь мало-по-малу возникаютъ въ отдѣльныхъ сословіяхъ сколько-нибудь крупныя экономическія различія; ихъ наблюдаемъ мы и въ кастахъ Индіи, которыя вѣдь, представляютъ собою только болѣе рѣзкую форму сословнаго дѣленія или, вѣрнѣе, болѣе рѣзкую предварительную его ступень. Въ Индіи случается, что ниже стоящая каста часто имѣетъ въ своихъ рядахъ очень богатыхъ сочленовъ, а высшія касты — болѣе бѣдныхъ членовъ. Но и бѣднѣйшіе представители высшей касты чувствуютъ себя обезчещенными, если имъ приходится ѣсть за однимъ

столомъ хотя бы и съ богатѣйшимъ членомъ касты, стоящей ниже ихъ. До этого у насъ въ средніе вѣка дѣло, конечно, не доходило, но все же сословія были разграничены гораздо рѣзче, чѣмъ въ настоящее время классы, и каждая отдѣльная профессія, каждый цехъ составляли особое сословіе. Оно отграничивалось отъ всѣхъ остальныхъ и не ощущало никакой солидарности съ другими сословіями. Этотъ цеховой духъ держался вплоть до начала прошлаго столѣтія. Даже еще во время моей молодости, обычно, между подмастерьями-сапожниками и подмастерьями-слесарями или, скажемъ, столярами, было мало чувства солидарности. Въ округѣ Газенгейде въ Берлинѣ они воевали между собою на танцевальныхъ площадкахъ; съ фактомъ общей своей принадлежности къ пролетарскому классу они мало считались. Имъ хорошо извѣстно было различіе между богатымъ и бѣднымъ, между мастеромъ и подмастерьемъ, но они удивились бы, если бы имъ сказали, что сапожный подмастерье ничѣмъ не отличается отъ слесарнаго; они часто чувствовали большую солидарность со своими мастерами, чѣмъ съ подмастерьями другого ремесла. Больше того, когда стало распространяться капиталистическое производство, подмастерья часто оказывались гораздо консервативнѣе по отношенію къ нему, чѣмъ мастера. Они преслѣдовали не приписанныхъ къ цеху ремесленниковъ — въ портновскомъ промыслѣ ихъ звали «чердачными зайцами» — и вели борьбу противъ вторженія машины зачастую съ гораздо большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ мастера. Классъ — нѣчто совершенно иное, чѣмъ сословіе. Классъ это социальный слой, который, правда, тоже фор-

мируется въ силу единообразія условій жизни, но чуждъ обособленности, устанавливаемой закономъ или автономнымъ уставомъ и фактомъ принадлежности къ той или иной профессіи; классъ подверженъ общему соціальному развитію. Образование классовъ совершается наряду съ эволюціей сословій, а позднѣе и внутри самихъ сословій. При извѣстныхъ условіяхъ классъ разрываетъ сословную оболочку. Сословія отмежеваны одно отъ другого вертикальными линіями, классы — горизонтальными, т. е. разграничительной чертой служитъ имущественный уровень и высота дохода. Въ связи съ этимъ приведемъ еще одно мѣсто изъ коммунистическаго манифеста. На стр. 24 послѣдняго нѣмецкаго изданія говорится:

«Современное буржуазное общество, вышедшее изъ крушенія феодальнаго общества, не устранило классоваго антагонизма. Оно только поставило на мѣсто старыхъ — новые классы, новыя условія угнетенія, новыя формы борьбы».

Это, разумѣется, вѣрно, это произошло на дѣлѣ. Феодальное общество разрушилось въ силу цѣлаго ряда обстоятельствъ, которые связаны частью съ развитіемъ міровыхъ сношеній, частью съ эволюціей внутреннихъ хозяйственныхъ отношеній, и слѣдствіемъ которыхъ былъ сильный ростъ городовъ, ихъ значенія и могущества, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиленіе королевскаго абсолютизма, первоначально направленнаго противъ феодальныхъ властителей. Возникаетъ абсолютное государство, и феодальное общество ниспровергается, отчасти при содѣйствіи государственнаго законодательства.

Въ раздѣлѣ «Буржуазія и пролетаріи» коммунистическій Манифестъ продолжаетъ затѣмъ:

«Наша эпоха, эпоха буржуазіи, отличается, однако, тѣмъ, что она упростила классовыя противоположности. Все общество въ цѣломъ все въ большей и большей степени раскалывается на два большихъ враждебныхъ лагеря, на два большихъ, одинъ другому прямо противоположныхъ, класса: буржуазія и пролетаріатъ».

Такъ полагали авторы манифеста, такъ полагали и все социалисты, бывшіе учениками Маркса и Энгельса, такъ полагалъ равнымъ образомъ и Фердинандъ Лассаль. Все они приходили къ тому заключенію, что общество упрощается въ направленіи коренной противоположности: буржуазія и пролетаріатъ, между тѣмъ какъ находящіяся по срединѣ промежуточные социальныя слои исчезаютъ. Въ такомъ предположеніи была, дѣйствительно, доля истины, но оно далеко не исчерпываетъ вопроса. Въ томъ-то и состоитъ большая ошибка, которую совершаютъ также и нынѣшніе коммунисты, что въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» видятъ высшее произведеніе марксова духа и, сообразно съ тѣмъ, придаютъ ему руководящее значеніе. Но «Коммунистическій Манифестъ» — продуктъ ранняго періода развитія Маркса и Энгельса и, какъ ни велика была уже и въ то время ихъ умственная мощь, слѣдуетъ все же и за ними признавать права юности, склонной къ поспѣшнымъ обобщеніямъ. Тому, что они видѣли передъ собой въ Англіи, образцовой странѣ капиталистическаго хозяйства, они предрекли прямолинейный ходъ развитія и обобщили и распространили это на все современное общество. Но въ значительной долѣ своей сдѣланное ими тогда предсказаніе не оправдалось. Если обратиться къ сочиненіямъ,

которыя Марксъ писалъ въ зенитѣ своего идейнаго развитія, то слышится тамъ совсѣмъ иная рѣчь. Въ третьемъ томѣ своего «Капитала» — томѣ, знакомый, правда, только ничтожному меньшинству читателей: если не считать учениковъ Маркса, то едва ли наберется нѣсколько сотъ человѣкъ, прочитавшихъ его — Марксъ, прежде всего, строго отличаетъ еще одинъ факторъ, о которомъ онъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» еще совершенно не упоминаетъ, а именно, онъ различаетъ между землевладѣніемъ и владѣніемъ капиталомъ. Соответственно иначе распредѣляетъ онъ теперь и классы. Онъ говоритъ о трехъ большихъ классахъ современнаго общества, различающихся въ зависимости отъ того, каковъ по своей природѣ источникъ ихъ дохода — является ли таковымъ заработная плата, прибыль или земельная рента, и затѣмъ о множествѣ слоевъ въ предѣлахъ этихъ большихъ классовъ. Въ послѣдней главѣ, озаглавленной «Классы», онъ пишетъ:

«Собственники голой рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, источникомъ дохода для которыхъ служатъ соответственно заработная плата, прибыль и земельная рента, иными словами, наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы составляютъ три большихъ класса въ современномъ обществѣ, покоящемся на капиталистическомъ способѣ производства.

«Въ Англіи современное общество, со своимъ экономическимъ расчлененіемъ, получило, безспорно, наиболѣе полное, наиболѣе классическое развитіе. Тѣмъ не менѣе, даже и здѣсь это классовое расчлененіе выступаетъ не въ чистомъ видѣ. Среднія

и переходныя ступени и здѣсь затушевы-
ваютъ (хотя въ деревнѣ и несравненно меньше,
чѣмъ въ городахъ) повсюду пограничныя линіи».

Уже отсюда видно, что говорить такъ просто о
двухъ большихъ классахъ — «буржуазія и проле-
таріатъ» — не приходится. Марксъ ставитъ вслѣдъ
за тѣмъ вопросъ: «Чѣмъ опредѣляются классы?» и
пишетъ, что на первый взглядъ рѣшающимъ момен-
томъ представляется «тождественность доходныхъ
поступленій и источниковъ поступленій». Однако,
продолжаетъ онъ, «съ этой точки зрѣнія, напр.,
врачи и чиновники тоже составляли бы два класса»
и «то же самое относилось бы и къ безконечному
раздробленію интересовъ и положеній, ко-
торое влечетъ за собою общественное раздѣленіе
труда для рабочихъ, какъ равно и для капита-
листовъ и землевладѣльцевъ, раскалывая, напр., этихъ
послѣднихъ на собственниковъ виноградниковъ, соб-
ственниковъ пахотныхъ земель, лѣсовладѣльцевъ,
собственниковъ рудниковъ, владѣльцевъ рыбныхъ
ловель!»

На этомъ рукопись третьяго тома обрывается.
Марксъ, къ сожалѣнію, не пошелъ дальше первыхъ
фразъ столь важной для его теоріи главы. Оставляя
открытымъ вопросъ, почему именно надъ ней онъ
работалъ такъ мало, мы можемъ сказать лишь то,
что если бы ему и удалось ее закончить, она въ
настоящее время оказалась бы все же уже недоста-
точной. Дѣло въ томъ, что съ той поры, когда
Марксъ писалъ цитированныя строки — его послѣд-
нія работы надъ третьимъ томомъ относятся къ на-
чалу семидесятыхъ годовъ, — ходомъ эволюціи
внесено такъ много измѣненій въ характеръ соціаль-

наго разслоенія, порождено такъ много новыхъ явленій, что та картина, которую онъ могъ тогда нарисовать, въ наше время все-таки оказалась бы неполной и зачастую даже невѣрной. Такъ, напр., вовсе безъ должной оцѣнки остается у него вопросъ о техническомъ и коммерческомъ персоналѣ въ народномъ хозяйствѣ. Мы знаемъ, какъ сильно возросъ этотъ классъ со времени смерти Маркса. Если въ наши дни значительная часть служащихъ, и притомъ не только техническихъ служащихъ, сознаютъ общность интересовъ между собой и рабочими, организуются на тѣхъ же началахъ, что и рабочіе, а зачастую и совсѣмъ причисляютъ себя къ этимъ послѣднимъ, то долгое время дѣло обстояло совершенно иначе; остается и теперь еще довольно большой процентъ коммерческихъ и техническихъ служащихъ, которые, въ силу своего классоваго происхожденія и воспитанія, чувствуютъ себя ближе къ предпринимателямъ, элементы, занимающіе промежуточное положеніе: буржуазные экономисты въ свое время привѣтствовали ихъ въ качествѣ «новаго средняго класса», призваннаго занять мѣсто отчасти исчезнувшаго уже средняго класса предпринимательскаго. Какъ бы то ни было, наканунѣ міровой войны капиталистическое общество дѣйствительно являло совсѣмъ не ту картину, какую могъ въ свое время нарисовать Марксъ.

Классовую принадлежность Марксъ, какъ мы видѣли, связываетъ съ природой источниковъ дохода и подраздѣляетъ эти послѣдніе на земельную ренту, прибыль, заработную плату. Онъ умалчиваетъ о жалованьи и, очевидно, причисляетъ жалованье къ заработной платѣ. Но это значить упускать изъ

виду очень важныя различія, наблюдающіяся, напр., у чиновниковъ, которые, вѣдь, тоже получаютъ жалованье. Чиновничество точно также чрезвычайно разрослось въ новѣйшее время, количество чиновниковъ значительно увеличилось благодаря огромному расширенію административной дѣятельности, и если служащіе и чиновники и ощущаютъ по временамъ общность интересовъ, объединяющую ихъ съ рабочими, то случаются, все же, и расхожденія между интересами тѣхъ и другихъ. Какія значительныя различія наблюдаются среди землевладѣльцевъ, смотря по тому, имѣемъ ли мы дѣло съ чисто сельско-хозяйственнымъ землевладѣніемъ — лѣсными владѣніями, виноградниками, или же съ земельной собственностью въ сферѣ горнаго дѣла и рыболовства, это Марксъ и самъ даетъ понять; мы видимъ, такимъ образомъ, что современное общество отнюдь не соотвѣтствуетъ той весьма простой картинѣ, которая возникаетъ въ представленіи поверхностнаго читателя «Коммунистическаго Манифеста»: здѣсь пролетаріатъ, тамъ буржуазія, а средніе слои исчезаютъ.

Нѣтъ, средніе слои не исчезаютъ, но они измѣняютъ свой характеръ. Въ прежнія времена ремесленный мастеръ зачастую чувствовалъ себя гораздо ближе къ рабочимъ, чѣмъ къ крупнымъ предпринимателямъ, въ которыхъ онъ прямо-таки видѣлъ своихъ враговъ, подавляющихъ его капиталистической конкуренціей. Затѣмъ, для насъ выяснилась также и жизнеспособность крестьянскаго хозяйства, о чемъ Марксъ не упоминаетъ. Мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ этой жизнеспособности, но самый фактъ до овозвѣщиваемо

установленъ статистикой. Въ общемъ можно сказать, что въ сферѣ хлѣбопашества мелкое крестьянское хозяйство не выдерживаетъ конкуренціи съ крупнымъ землевладѣніемъ, если приходится имѣть дѣло съ ровной почвой, легко поддающейся машинной обработкѣ; зато при воздѣлываніи холмистой почвы, а также и въ сферѣ скотоводства, дѣло обстоитъ иначе. Рѣшающее значеніе имѣетъ тутъ то обстоятельство, что трудъ не является процессомъ чисто физическимъ, но включаетъ также и психическіе моменты, такъ что трудъ мелкаго крестьянина, обрабатывающаго свой собственный участокъ, выкармливающаго свою собственную скотину, носить другой характеръ, нежели трудъ работника въ имѣніи крупнаго землевладѣльца или на участкѣ многоземельнаго крестьянина. Даже въ промышленности и торговлѣ предпріятія мелкія и среднія не только удержались, но еще и увеличились числомъ.

Между всѣми этими социальными слоями наблюдается, дѣйствительно, болѣе или менѣе интенсивный классовый антагонизмъ, противоположность интересовъ, а гдѣ есть противоположность интересовъ, тамъ происходитъ всякій разъ и болѣе или менѣе сильная борьба. Тамъ, гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, особенно, гдѣ распространены латифундіи, происходитъ борьба крестьянъ съ крупными землевладѣльцами. Возникаютъ демократическія крестьянскія партіи, видящія утѣшеніе въ томъ, что большое количество земли находится въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Во всѣхъ почти странахъ происходила въ свое время настоящая классовая борьба на этой почвѣ. Въ Германіи борьба эта улеглась уже довольно давно, послѣ того какъ

движеніе въ пользу аграрныхъ пошлинъ установило солидарность интересовъ между значительной частью крестьянъ и крупными землевладѣльцами. Крупные и мелкіе сельскіе хозяева организовались совмѣстно въ цѣляхъ борьбы противъ торговцевъ, а въ сущности также и противъ потребителей. Они требовали высокихъ пошлинъ, чтобы имѣть возможность продавать свои продукты по надлежащей, съ ихъ точки зрѣнія, цѣнѣ; тѣмъ самымъ возникъ антагонизмъ между ними и широкими массами потребителей, которые не являются сами производителями. Въ Германіи мы видѣли, далѣе, союзъ между промышленниками и сельскими хозяевами, широкую коалицію ради выгоднаго обѣимъ сторонамъ таможеннаго тарифа.

Но населеніе въ большинствѣ своемъ состоитъ изъ потребителей, которые въ процессѣ производства не являются предпринимателями — рабочіе являются, правда, производителями, но не предпринимателями; потребителями же являются, точно такъ же, и учителя, чиновники и т. д. На этой почвѣ возникаетъ классовая борьба, которая разыгрывается, правда, не на улицѣ, а въ парламентахъ и въ печати. Но борьба остается борьбой. Борьба сельскихъ хозяевъ противъ потребителей, потребителей противъ производителей, ремесленниковъ противъ торговли и крупной промышленности, все это — разные виды классовой борьбы. Тѣ ремесленные мастера, которые хотятъ сохранить свои привилегіи посредствомъ законовъ о принудительной цеховой организаціи, посредствомъ принудительныхъ ремесленныхъ корпорацій и т. п., борются, смотря по обстоятельствамъ, съ одной стороны противъ рабо-

чихъ, съ другой — противъ торговли. Они ищутъ защиты отъ этой послѣдней, потому что по ихъ мнѣнію торговля давить ихъ, предлагая на рынкѣ продукты по цѣнѣ якобы ниже той, по которой они могутъ ихъ изготовлять. Скрытую, т. е. не проявляющуюся въ обычной формѣ классовую борьбу имѣемъ мы въ области промышленности тамъ, гдѣ крупные капиталисты объединяются въ картели; борьба эта направляется противъ потребителей, потому что картели всегда стремятся къ поддержанію цѣнъ на высшемъ уровнѣ. Наряду съ этимъ происходитъ борьба картелей съ тѣми предпринимателями, которые, принадлежа къ той же самой отрасли промышленности, къ картелю не примкнули (такъ называемые *Aussenseiter*). Извѣстно, къ какимъ грознымъ средствамъ прибѣгаютъ зачастую картели, чтобы либо принудить такихъ упорствующихъ предпринимателей къ присоединенію, либо же совершенно парализовать ихъ дѣятельность. Бывали случаи, когда картели подвергали ихъ своего рода бойкоту и совершенно лишали ихъ доступа къ сырью и вспомогательнымъ матеріаламъ, приемы борьбы, по меньшей мѣрѣ столь же суровые, какъ и тѣ, что примѣняютъ, со своей стороны, и рабочіе въ своей профессиональной борьбѣ. Все это — классовая борьба или частичныя проявленія таковой въ современномъ обществѣ, въ средѣ самихъ предпринимателей и относительно самостоятельныхъ классовъ населенія. Встрѣчаются, далѣе, еще случаи мнимой классовой борьбы. Въ качествѣ примѣра я могъ бы упомянуть, что во время міровой войны многіе, въ томъ числѣ одинъ извѣстный писатель, имени котораго я не хочу называть, изображали борьбу Германіи про-

тивъ Англiи въ видѣ классовой борьбы, причемъ Германiя оказывалась бѣднымъ пролетаріемъ, Англiя же — капиталистическимъ эксплуататоромъ. Это была картина, въ виду настроенiй военнаго времени, весьма заманчивая, но невѣрная. Поскольку борьба имѣла характеръ экономической, это была лишь борьба интересовъ, но не классовая борьба. Если, съ другой стороны, вождь польской партiи въ Верхней Силезiи, Корфантый, побуждалъ свою прессу провозглашать — и во многихъ странахъ утвержденiя эти производили впечатлѣнiе — что борьба, которую онъ ведетъ, является борьбой польскаго пролетарiата противъ нѣмецкаго капитала, то это равнымъ образомъ невѣрно. Если значительное большинство горнорабочихъ въ Верхней Силезiи — поляки, то большинство верхне-силезскихъ рабочихъ по металлу — нѣмцы. Къ тому же въ Верхней Силезiи есть много говорящихъ по польски рабочихъ, которые не сочувствуютъ отдѣленiю ея отъ Германiи. Происходящая тамъ борьба можетъ мѣстами представляться рабочимъ въ видѣ классовой борьбы, но въ существѣ своемъ она является борьбой національной и ничѣмъ больше.

Но изъ всѣхъ этихъ классовыхъ конфликтовъ, которые разыгрываются нынѣ въ обществѣ въ различнѣйшихъ формахъ, временами принимаютъ очень ожесточенный характеръ, а затѣмъ замираютъ и отбѣсняются другими конфликтами, величайшей борьбой остается все же борьба между классомъ рабочихъ, получателями заработной платы, и классомъ предпринимателей. Грандиозные размѣры этой борьбы — естественное слѣдствiе грандиозныхъ размѣровъ современной промышленности. Рабочiй

классъ занимаетъ въ нынѣшнемъ обществѣ все большее мѣсто, бесконечно большее, нежели въ то время, когда писалъ Лассаль. Въ 1907 году у насъ занято было въ промышленности, торговлѣ и транспортномъ дѣлѣ 17 милліоновъ наемныхъ рабочихъ. Гдѣ жили эти рабочіе? Преобладающее большинство — въ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ, какъ разъ тамъ, гдѣ интенсивнѣе всего пульсируетъ духовная и политическая жизнь націи, между тѣмъ какъ сельское хозяйство по большей части стоитъ вдали отъ этой жизни. Въ большихъ же городахъ и промышленныхъ центрахъ рабочіе играютъ все болѣе и болѣе вліятельную роль; они занимаютъ все большее мѣсто въ составѣ населенія и уже въ силу этого одного усиливается воздѣйствіе ихъ на общественное мнѣніе, а въ послѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ они завоевываютъ себѣ права, и на политику. Борьба рабочаго класса ведется въ различныхъ формахъ, будучи борьбой за вліяніе и за власть въ государствѣ и въ самоуправляющихся общинахъ, за вліяніе на законодательство и управление. Обо всемъ этомъ почти не приходится говорить до тѣхъ поръ, пока рабочіе представляютъ собою незначительный по размѣрамъ соціальній слой и пока не пробудилось въ нихъ классовое сознаніе. И теперь еще въ маленькихъ мѣстечкахъ, гдѣ число наемныхъ рабочихъ невелико, большинство изъ нихъ часто остаются политически индифферентными. Но чѣмъ болѣе возрастаетъ число рабочихъ въ центрахъ, тѣмъ большее участіе принимаютъ они въ общественной жизни, тѣмъ больше испытываютъ потребность имѣть свое собственное представительство въ государствѣ и въ общинахъ и приобрести

вліяніе и власть. Вліяніе это крѣпнетъ вмѣстѣ съ ростомъ демократическихъ учрежденій, съ расширеніемъ избирательнаго права, которое въ концѣ концовъ неизбѣжно приходится предоставлять рабочимъ. У насъ въ Германіи уже до революціи рабочіе пользовались немалымъ политическимъ вліяніемъ. Помимо того, что въ 1866 году при основаніи Сѣверо-Германскаго Союза имъ было предоставлено всеобщее, равное и тайное избирательное право, пришлось облегчить имъ также и доступъ въ общины. Подъ конецъ пробита была подъ ихъ натискомъ и нѣкогда столь крѣпкая стѣна прусскаго трехкласснаго избирательнаго права. При расширенномъ избирательномъ правѣ рабочіе во все большемъ числѣ проникли въ публично-правовыя учрежденія и — что столь же важно, если не еще важнѣе — благодаря своей силѣ и численности и интенсивности своей борьбы они пріобрѣли также и значительное вліяніе на широкое общественное мнѣніе. Въ аудиторіяхъ, въ парламентахъ и въ правительствѣ совсѣмъ иначе стали говорить о нуждахъ и требованіяхъ рабочаго класса, чѣмъ то было раньше. Рабочіе добились цѣлаго ряда если и не революціонныхъ, то все же весьма важныхъ по своему соціальному значенію реформъ. Это — одна форма рабочей борьбы, ея политическая сторона. Въ томъ видѣ, какъ она представлялась въ свое время Марксу, борьба эта въ существѣ своемъ была направлена къ революціи, каковую слѣдуетъ тутъ понимать не какъ соціальное измѣненіе, совершающееся въ укладѣ жизни, а въ томъ смыслѣ, что данный классъ посредствомъ возстанія и т. д. добивается господства и оттѣсняетъ классы, господствовавшіе до того. Къ этой цѣли

шло еще движеніе у Маркса, къ ней оно должно было идти, потому что въ то время, когда Марксъ писалъ, рабочіе еще ни въ одной странѣ не имѣли избирательныхъ правъ. Имъ предстояло еще завоевать эти права, и положеніе вещей наводило тогда на мысль, что такое завоеваніе возможно не иначе, какъ только путемъ насильственной революціи. Но послѣ того, какъ избирательныя права были завоеваны — что въ большинствѣ странъ произошло инымъ путемъ — политическая борьба рабочаго класса должна была стать совѣмъ иною. Отчасти это произошло еще при жизни Маркса и Энгельса и они относились къ этому явленію съ возрастающимъ вниманіемъ и интересомъ. Духовно они принимали въ избирательной борьбѣ рабочихъ партій живѣйшее участіе. Но имъ не суждено было быть свидѣтелями отличающей нашу эпоху усиленной дѣятельности рабочихъ въ публично-правовыхъ административныхъ органахъ, въ принудительныхъ товариществахъ, общинахъ, въ государственныхъ и имперскихъ учрежденіяхъ, а также въ ихъ собственныхъ вольныхъ административныхъ корпораціяхъ. Между тѣмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безъ воспитательной подготовки къ управленію вліяніе пролетаріата въ обществѣ можетъ быть, въ концѣ концовъ, лишь ограниченнымъ. Но сама подготовка эта могла быть осуществлена только въ результатѣ болѣе или менѣе демократической эволюціи.

Другую форму классовой борьбы рабочихъ представляетъ прямая борьба въ области экономической; главное орудіе ея — коалиціи рабочихъ, которыя мы называемъ теперь профессиональными союзами, а также и рабочія товарищества, но товарищества

иного типа, нежели существовавшія въ то время, когда писалъ Марксъ. Коалиціонная борьба рабочихъ противъ предпринимателей въ большинствѣ случаевъ является борьбой за высоту заработной платы и за тѣ или инныя формы ея, но бываетъ предметомъ борьбы также и продолжительность и распорядокъ рабочаго времени; равнымъ образомъ ведется борьба и за рабочее право — правовое положеніе рабочихъ въ предприятияхъ и т. д. Въ раннюю пору капитализма всякая борьба такого рода носитъ мятежническій характеръ. Такъ описываетъ ее еще и Марксъ въ своемъ сочиненіи «Ницета философіи». Тутъ на профессиональныхъ союзахъ лежитъ печать почти прямой революціонности. Это было въ сороковыхъ годахъ истекшаго столѣтія. Иначе уже судитъ Марксъ о профессиональныхъ союзахъ двадцать лѣтъ спустя въ одномъ письмѣ отъ 1868 года къ І. Б. фонъ-Швейцеру, тогдашнему предсѣдателю Всеобщаго Нѣмецкаго Рабочаго Союза, занятому въ то время попыткой организовать въ Германіи профессиональные союзы. Въ письмѣ этомъ Марксъ критикуетъ Швейцеровскій планъ, сводившійся къ тому, чтобы охватить все движеніе единой большой организаціей по опредѣленной готовой схемѣ; Марксъ доказываетъ непригодность этого плана, который встрѣтитъ, по его словамъ, противодѣйствіе съ разныхъ сторонъ. Марксъ видитъ уже рабочее движеніе иного типа, съ регулярными прочными профессиональными союзами, но въ ближайшую оцѣнку его не входитъ. Вообще, зачатковъ теоріи профессиональной борьбы мы у него еще не находимъ и видимъ только, что фактъ этой борьбы онъ трактуетъ какъ движеніе пролетаріата, направленное къ достиженію

опредѣленныхъ цѣлей. Проникнуть глубже въ подлинную сущность и внутреннюю природу профессиональной борьбы не было ему дано, потому что въ его время все, что относится къ этой области, находилось еще въ процессѣ образованія, въ зачаточномъ состояніи.

Вокругъ вопроса, цѣлесообразны ли профессиональные союзы или нѣтъ, шла тогда, да и въ позднѣйшее еще время, оживленная борьба въ социалистическомъ лагерѣ. Были среди социалистовъ очень серьезные противники профессиональных союзовъ вообще. Сюда относились, прежде всего, утописты, люди, путемъ фантазіи или отвлеченныхъ разсужденій вырабатывавшіе цѣлые планы новаго общественнаго устройства и только объ ихъ осуществленіи и думавшіе. Въ ихъ глазахъ классовая борьба профессиональных союзовъ была помѣхой, да къ тому же и цѣли, ради которыхъ ведется профессиональная борьба, казались имъ мелочью, не заслуживающей никакого вниманія тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о стремленіи къ идеальному общественному строю. Такимъ образомъ, къ профессиональнымъ союзамъ они относились отрицательно. Противниками послѣднихъ были также и радикальные социаль-революціонеры, которыхъ лучше всего именовать бланкистами и дѣятельность которыхъ была сосредоточена во Франціи. Точно также и въ Англіи въ рядахъ чартистовъ было направленіе, стремившееся къ революціонному перевороту: для этихъ людей профессиональное движеніе было равнымъ образомъ помѣхой. То-есть, борьба рабочихъ за повышеніе заработной платы не была имъ неприятна, борьбу эту они при случаѣ и сами провоцировали, чтобы

добиться такимъ путемъ революціонныхъ возмуще- ній; зато они знать ничего не хотѣли о медленной систематической работѣ профессиональныхъ органи- зацій и по большей части были въ большой враждѣ съ прочно консолидированными профессиональными союзами. Точно также чуждались профессиональ- ныхъ союзовъ или отвергали ихъ и многіе социа- листы. Напр., во Франціи — П. Ж. Прудонъ, даровитый авторъ сочиненія: «Что такое собствен- ность?» Онъ боролся съ профессиональнымъ движе- ніемъ, потому что полагалъ, что у него есть лучшее средство. Онъ желалъ преобразовать хозяйство въ социалистическомъ духѣ путемъ демократической ор- ганизаціи кредита и взаимопомощи. Въ Германіи противникомъ профессиональныхъ организацій былъ среди социалистовъ Фердинандъ Лассаль. Его про- ектъ состоялъ въ томъ, чтобы освободить рабочихъ отъ давленія капитала посредствомъ производитель- ныхъ товариществъ, финансируемыхъ государствомъ. Онъ хотѣлъ, какъ онъ выражался, оградить нѣмец- кихъ рабочихъ отъ бѣдствія, угрожающаго имъ въ видѣ профессион. движенія англійскаго типа. Дру- гое изреченіе его гласило: «Профессиональная борьба рабочихъ — это тщетныя усилія товара «трудъ» принять позу человѣка». Лассаль пришелъ къ такому взгляду потому, что въ его время англійское профессиональное движеніе (въ Германіи были толь- ко незначительныя мѣстныя попытки), какъ тогда казалось, числило за собой почти однѣ только не- удачи. Въ 1852 году въ Англійи разыгралась въ широкихъ размѣрахъ борьба машиностроительныхъ рабочихъ, сильнѣйшаго въ ту пору профессиональ- наго союза; борьба эта вызывала горячее сочувствіе

у друзей рабочего класса, христіанскіе социалисты, принадлежавшіе къ направленію Мориса и Кингслея, доставляли для нуждъ ея крупныя денежныя средства. Тѣмъ не менѣе, тянувшаяся много недѣль борьба окончилась неудачей. Лассаль слѣдилъ за ней съ большимъ интересомъ, какъ мы знаемъ изъ одного письма его къ Марксу, и провалъ произвелъ на него, повидимому, большое впечатлѣніе. Онъ укрѣпился въ своемъ возрѣніи на естественный экономическій законъ заработной платы, согласно которому заработная плата опредѣляется, въ концѣ концовъ, безусловно необходимыми жизненными потребностями рабочаго, такъ что она никогда не поднимается, на сколько-нибудь долгій срокъ, выше этого необходимаго уровня — ее низвела бы въ этомъ случаѣ увеличивающаяся вслѣдствіе усиленной рождаемости и т. д. численность рабочихъ, — а съ другой стороны не можетъ она оставаться долгое время и ниже этого уровня, потому что тогда рабочіе стали-бы эмигрировать, вымирать и т. д. Естественно, что при такихъ условіяхъ профессиональная борьба должна была казаться ему цѣпью безнадежныхъ попытокъ. Правда, въ послѣдній годъ своей жизни онъ горячо принялъ къ сердцу борьбу, которую вели тогда рабочіе одной экипажной фабрики въ Гамбургѣ. Объ этомъ говоритъ онъ въ своей послѣдней, такъ называемой Ронсдорфской рѣчи и съ похвалой указываетъ, въ доказательство энергіи своихъ сторонниковъ, что именно они сыграли въ этой борьбѣ выдающуюся роль. Однако, это не означало еще признанія самихъ профессиональных союзовъ, и такъ какъ ученики всегда ортодоксальнѣе учителей, то среди лассалианцевъ долгое время шли

горячія пренія о томъ, должны ли вообще существовать профессиональные союзы или нѣтъ. Въ 1868 году даровитѣйшій послѣдователь Лассаля, І. Б. фонъ-Швейцеръ, снова возбудилъ этотъ вопросъ, послѣ того какъ уже ранѣе пропагандой интересующей насъ идеи занялись буржуазно-демократическая прогрессивная партія въ лицѣ своего сочлена д-ра Макса Гирша, равно какъ и поддерживавшіе связь съ Интернаціоналомъ социалисты направленія Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта. Въ Германіи происходило тогда сильное движеніе въ пользу основанія профессиональныхъ организацій, но въ рядахъ защитниковъ ихъ наблюдались большія разногласія относительно ихъ задачъ и формъ. Д-ръ Максъ Гиршъ хотѣлъ сдѣлать изъ профессиональныхъ союзовъ средство установленія истинной гармоніи между капиталомъ и трудомъ, то-есть смягченія классовой борьбы, Швейцеръ и точно такъ-же Бебель съ товарищами видѣли въ нихъ, напротивъ, вспомогательные отряды, призванные къ веденію и, по возможности, обостренію классовой борьбы, и только ортодоксальные приверженцы ученій Лассаля противились ихъ введенію. Связанный съ успѣхами промышленнаго развитія Германіи ростъ промышленныхъ центровъ — ихъ количества и ихъ размѣровъ — сказалъ рѣшающее слово. Существовавшіе еще запреты коалицій между рабочими должны были пасть, и профессиональные союзы различныхъ направленій вступили въ жизнь.

Правда, долгое время они насчитывали лишь умѣренное число членовъ и, поэтому, въ отношеніи успѣховъ своей борьбы оставались еще въ полной зависимости отъ рыночной конъюнктуры. Когда

конъюнктура становилась благоприятнее, они достигали улучшений в положении рабочих, но добытые преимущества снова терялись, как только наступала заминка в делах. Кривая заработной платы просто двигалась зигзагом, положение вещей, при котором не повышается ни материальное благосостояние рабочего класса, ни ее причастность к культуре. Но все-же движение продолжается и ищетъ возможно болѣе цѣлесообразныхъ формъ, какъ это въ свое время происходило и въ Англии. Разгорается внутренняя борьба по вопросу о томъ, какъ строить профессиональныя организаціи — въ духѣ ли централизаціи или-же федерализма либо локализаціи, связывать ли съ дѣятельностью профессиональнаго союза также и мѣропріятія по вспомоществованію, или придать ему характеръ чисто боевой классовой организаціи. Споры объ этомъ долгое время ведутся въ рабочихъ кругахъ и сопровождаются по временамъ сильными вспышками страстей. Дѣло принимаетъ тутъ порою не менѣе бурный оборотъ, чѣмъ то бываетъ въ наши дни, и не обходится подчасъ и безъ насилій.

Когда миновала военная эра и эпоха исключительнаго закона противъ социалистовъ, споръ о преимуществѣ локализованнаго или-же централизованнаго союза былъ въ Германіи разрѣшенъ. Профессиональные союзы, построенные на началахъ локализаціи, понесли поражение. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ они сохранили известное число приверженцевъ среди строительныхъ рабочихъ, вообще же въ союзахъ, стоящихъ на почвѣ классовой борьбы, побѣдилъ централистическій принципъ. Далѣе, профессиональные союзы централизованнаго типа по боль-

шей части исполняютъ также и функціи вспомо-
ществованія, которыя придають имъ организаціонную
устойчивость. Тамъ, гдѣ они этихъ функцій не не-
сутъ, профессиональные союзы пріобрѣтають при-
верженцевъ чуть ли не исключительно во времена
хозяйственнаго подъема и успѣшной борьбы за за-
работную плату, а когда времена эти проходятъ,
большая часть новопріобрѣтенныхъ членовъ снова
отливаетъ и утрачиваетъ къ союзамъ интересъ. Чѣмъ
больше лежитъ на союзѣ заботы по вспомошествова-
нію, тѣмъ крѣпче спайка его членовъ. Правда,
союзъ принимаетъ при этомъ нѣсколько консерва-
тивный характеръ, но достигаетъ зато болѣе дѣй-
ствительныхъ результатовъ и, благодаря своей устой-
чивости, можетъ добиться отъ предпринимателей ра-
бочихъ тарифовъ, остающихся въ силѣ на болѣе
или менѣе долгій срокъ. И дѣйствительно, тариф-
ное движеніе приняло въ Германіи очень широкіе
размѣры. Издавна извѣстное въ Англіи, здѣсь оно
долгое время привлекало къ себѣ мало вниманія.
Но когда въ 1903 году впервые былъ предпринятъ
у насъ подсчетъ дѣйствующихъ тарифовъ, продол-
жавшійся съ 1903 до 1905 года, оказалось, что въ
Германіи имѣлось уже 1577 такихъ тарифовъ, нор-
мировавшихъ трудъ 477.000 рабочихъ. Борьба за
заработную плату въ значительной мѣрѣ успѣла
уже, слѣдовательно, принять тотъ обликъ борьбы
за тарифъ, который устраняетъ прежній ея, болѣе
или менѣе анархическій характеръ, консолидируетъ
ее, и который постепенно начинаетъ пользоваться
предпочтеніемъ также и у предпринимателей. Разъ
заключивъ тарифный договоръ, эти послѣдніе могли
считать себя гарантированными, на срокъ его дѣй-

ствія, отъ сколько-нибудь серьезныхъ конфликтовъ по поводу заработной платы и могли, поэтому, съ большей увѣренностью производить свои дѣловыя калькуляціи.

Въ дальнѣйшемъ, тарифные договоры совершенствовались шагъ за шагомъ: не только росло число подчиненныхъ имъ предпріятій и рабочихъ, прогрессировалъ во всѣхъ отношеніяхъ и самый типъ ихъ. Они распространялись уже и на многіе иные вопросы, помимо размѣровъ заработной платы. За заработной платой слѣдуетъ пунктъ, по меньшей мѣрѣ столь же важный для рабочаго: рабочее время; далѣе — вопросы правового положенія его въ предпріятіи, которые тоже нормируются въ разныхъ отношеніяхъ тарифомъ. Рабочій зависитъ не только отъ предпринимателя, но и отъ его служащихъ — отъ мастера, надзирателя и т. д. До возникновенія капиталистическаго производства рабочій, въ поискахъ работы, просто входилъ въ мастерскую, гдѣ встрѣчалъ мастера, едва ли принадлежавшаго къ иному классу общества, нежели онъ самъ. Его встрѣчали привѣтствіемъ, давали ему такъ называемый гостинецъ и нерѣдко приглашали раздѣлить предстоящую трапезу. Нисколько не умаляя своего достоинства, могъ онъ въ поискахъ работы переходить изъ одной мастерской въ другую. Но чѣмъ объемистѣе становились промышленныя заведенія и мастерскія, тѣмъ больше мѣняло свой характеръ пріисканіе труда. Съ шапкой въ рукѣ долженъ былъ стоять рабочій передъ фабрикой и уже привратникъ бросалъ на него косые взгляды. Въ условіяхъ современной промышленности формы пріисканія труда и трудового посредничества прі-

обрѣтають, слѣдовательно, большое значеніе не только съ хозяйственной, но и съ [соціальной точки зрѣнія. Тарифы стали постепенно и на этотъ счетъ устанавливать извѣстныя правила. Взявъ нынче въ руки тарифный договоръ между рабочими и предпринимателями извѣстной отрасли промышленности, часто поражаешься его объему. Первый болѣе крупный нѣмецкій тарифъ, тарифъ книгопечатниковъ, скоро превратился въ цѣлое уложеніе и къ тому же довольно увѣсистое уложеніе. Въ немъ урегулированы всѣ подробности касательно размѣровъ заработной платы, рабочаго времени, прекращенія найма, улаженія споровъ и т. д. Число тарифовъ, заключенныхъ профессиональными союзами, достигло къ 1913 году 10.885, распространявшихся всего на 143.000 съ лишнимъ предпріятій съ 1.400.000 рабочихъ круглымъ счетомъ. Во время войны количество ихъ нѣсколько упало. Но едва война окончилась и пришла революція, какъ оно не только снова увеличилось, но и расширило въ значительной мѣрѣ, подъ влияніемъ революціи, сферу своего дѣйствія. Уже въ 1919 году насчитывалось 41.000 тарифовъ, имѣвшихъ силу для 272.000 предпріятій съ 6 милліонами рабочихъ круглымъ счетомъ. Сейчасъ число тарифовъ еще больше, возросло также и ихъ регулирующее значеніе. Правда, одновременно съ этимъ возникли новыя проблемы.

Въ послѣдній годъ войны были созданы, подъ влияніемъ правительства, трудовыя объединенія (Arbeitsgemeinschaften) между организаціями работодателей и рабочихъ, представлявшія соб ойболѣе развитую форму тарифнаго договора и устанавливавшія извѣстнаго рода общность интересовъ между

организациями предпринимателей, съ одной стороны, и рабочихъ, съ другой. Въ силу этого организованные рабочіе оказывались заинтересованными въ ростѣ цѣнъ, обстоятельство, съ точки зрѣнія народно-хозяйственной, наводившее на размышленія. Въ то же время эти новыя взаимоотношенія, казалось, свидѣтельствовали объ ослабленіи классовой борьбы и вызывали поэтому ожесточенныя нападки со стороны социалистовъ крайняго направленія. Если-бы дѣло касалось единичныхъ организацій особенно благоприятно поставленныхъ рабочихъ, протесты эти были бы не лишены основанія. Но при широкомъ охватѣ, которымъ отличается профессиональное движеніе въ Германіи, и при томъ единствѣ и сплоченности, которыя придаетъ ему Всеобщая Ассоціація Профессиональныхъ Союзовъ, опасенія, лежація въ основѣ протестовъ, представляются сильно преувеличенными. Объ ослабленіи тутъ можно говорить только по отношенію къ внѣшней формѣ борьбы. Въ существѣ же дѣла это означаетъ для рабочихъ немалый шагъ впередъ въ направленіи социальнаго права ихъ выступать передъ предпринимателями въ качествѣ организованнаго класса; что наблюдается теперь даже въ тѣхъ могущественныхъ отрасляхъ крупной промышленности, въ которыя до войны профессиональный союзъ не въ силахъ былъ проникнуть.

Много споровъ было и о томъ, должны ли тарифы быть кратко- или долгосрочными. Для радикальныхъ социалистовъ долгосрочные тарифы, простирающіеся на нѣсколько лѣтъ, были предметомъ ужаса. Краткосрочный тарифъ представляетъ, вѣдь, то преимущество, что рабочій не связанъ имъ, когда

наступает благоприятная конъюнктура, и может отвоевать въ этомъ случаѣ лучшую заработную плату. Само по себѣ это вѣрно, забываютъ тутъ только о томъ, что при такихъ условіяхъ рабочій остается опять-таки въ зависимости отъ конъюнктуры. Измѣнится конъюнктура къ худшему — и только-что пріобрѣтенныя выгоды будутъ, вѣдь, снова утрачены. Удерживать заработную плату на достигнутомъ высшемъ уровнѣ удастся лишь до тѣхъ поръ, пока сохраняется благоприятная конъюнктура, между тѣмъ какъ долгосрочные тарифы даютъ рабочимъ возможность безъ ущерба перенести и дурную конъюнктуру. Но къ этому-то и должны, вѣдь, направляться ихъ стремленія: къ тому, чтобы освободиться отъ давленія конъюнктуры и добиться постоянства въ эволюціи заработной платы, которое гарантировало бы подъемъ всего ихъ культурнаго бытія. Отчасти это уже и достигнуто благодаря профессиональнымъ союзамъ. Они обнимаютъ въ настоящее время въ Германіи круглымъ числомъ 9 милліоновъ рабочихъ, и прочная организація ихъ представляетъ собою оплотъ, не позволяющій колебаніямъ конъюнктуры отражаться на высотѣ заработной платы. Еще до войны германскому союзу строительныхъ рабочихъ удалось однажды, въ самый разгаръ кризиса, заключить съ предпринимателями договоръ, въ которомъ было постановлено, что ни въ одномъ предпріятіи заработная плата понижена быть не можетъ. Это было весьма выдающееся событіе въ области рабочаго движенія, едва ли случавшееся когда-либо въ Англіи. Въ настоящемъ тарифѣ сильнаго профессиональнаго союза можно уже видѣть добрую толику подлиннаго участія рабочихъ

въ промышленности, нѣчто гораздо болѣе значительное, чѣмъ такъ называемое участіе въ прибыляхъ частныхъ предпріятій, особенно, если одновременно происходитъ и завоеваніе политической демократіи.

Значеніе имѣютъ для классовой борьбы также и потребительныя товарищества рабочихъ; такія товарищества въ Германіи появились сравнительно съ недавнихъ поръ, но очень скоро получили большое развитіе. Уже до войны стали они здѣсь превращаться въ то, чѣмъ въ Англии были уже довольно давно — въ вспомогательное средство профессиональной борьбы рабочихъ противъ предпринимателей. Гдѣ рабочая потребительная кооперация сильна — что предполагаетъ, однако, извѣстную численную мощь рабочаго класса — тамъ она служитъ для рабочаго населенія опорой въ его хозяйственной борьбѣ и обнаруживаетъ тенденцію переходить къ собственному производству. Возникаетъ кооперативное производство — не производительные кооперативы въ томъ смыслѣ, какъ представлялъ ихъ себѣ Лассаль, которые должны были работать для прибыли, но предпріятія, устроенныя потребительными товариществами и руководимыя этими послѣдними, какъ представителями даннаго коллектива и въ интересахъ этого коллектива.

Всѣ эти движенія суть формы классовой борьбы рабочихъ въ капиталистическомъ обществѣ. Въ совокупности своей они представляютъ организованную борьбу, которая подчасъ кажется мало революціонной и въ проявленіяхъ своихъ далеко не всегда облекается въ традиціонныя формы экономической и политической борьбы, но которая заключаетъ въ себѣ возможность органическаго освобожденія рабочаго класса.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СОЦІАЛИЗМЪ И ТЕОРЕТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ НА ГОСУДАРСТВО.

Каково вліяніе теорій на образъ дѣйствій людей?

Очень часто приходится въ вопросѣ о взаимоотношеніяхъ между теоріей и практикой сталкиваться съ необычайно пессимистическими воззрѣніями. Сплошь и рядомъ приходится слышать, что на практикѣ поведеніе опредѣляется интересами, страстями и обстоятельствами и что вліяніе теоріи на практическую политику, да и вообще въ соціальной жизни, совершенно ничтожно. Я считаю такой взглядъ ошибочнымъ. Конечно, бываетъ много случаевъ, когда теорія мало или совсѣмъ не вліяетъ на поведеніе, когда, дѣйствительно, рѣшающее слово принадлежитъ интересамъ, предразсудкамъ, страстямъ, и очень велико число людей, которые о теоріи вообще не имѣютъ понятія. Но совершенно отрицать изъ-за этого вліяніе теоріи все-же нельзя. Оно гораздо сильнѣе, чѣмъ полагаетъ большинство, и особенно сильно оно именно въ стремящихся впередъ классахъ общества. Для ихъ образа дѣйствій порою очень большое значеніе имѣетъ то, каковы ихъ теоретическія воззрѣнія по извѣстному вопросу, хотя бы воззрѣнія эти и проповѣдывались передъ ними не въ качествѣ теоріи, а

только въ видѣ доктрины, въ видѣ догмата. Вспомнимъ лишь слѣдующее: часть нашей рабочей молодежи, именно юные рабочіе, въ томъ возрастѣ, когда идеализмъ играетъ у человѣка большую роль, въ страстномъ порывѣ давали увлечь себя на путь насилій, о которыхъ здравое разсужденіе должно было бы имъ, въ сущности, сказать, что они никоимъ образомъ не могутъ привести къ цѣли; мы вправѣ думать, что большинствомъ изъ нихъ руководила не одна лишь слѣпая страсть къ разрушенію или ненависть — и ближайшее разсмотрѣніе показало бы, что рѣшающее вліяніе на ихъ поведеніе оказали теоретическія воззрѣнія, превратившіяся въ предразсудки. Достаточно подумать хотя бы о томъ стимулирующемъ значеніи, какое имѣетъ для образа дѣйствій многихъ рабочихъ понятіе эксплуатаціи рабочаго предпринимателемъ и придаваемое ему дальнѣйшее толкованіе, согласно которому предприниматель является лишь паразитомъ, съ народно-хозяйственной точки зрѣнія совершенно ненуженъ и фактически живетъ только обкрадываніемъ рабочихъ, quasi — воровствомъ затрачиваемой ими силы. Тѣхъ, надъ кѣмъ воззрѣніе это властвуетъ съ силой догмата, кто воспринялъ его какъ аксіому, можно будетъ склонить ко многимъ такимъ поступкамъ, которые при иныхъ обстоятельствахъ показались бы имъ бессмысленными, если не безнравственными. Точно такъ же и теоретическіе взгляды на значеніе государства и на положеніе рабочаго класса въ государствѣ оказывали весьма существенное вліяніе на политическое поведеніе широкихъ массъ.

Представленія о томъ, что такое государство, какова исполняемая имъ роль, каково присущее ему

значеніе, представленія и взгляды эти, коренящіеся, въ конечномъ счетѣ (хотя и не все сознають это), въ такихъ или иныхъ теоріяхъ, имѣють отнюдь не малое значеніе для политической жизни. Въ силу опредѣленнаго воззрѣнія на государство люди становятся во враждебное отношеніе къ нему, и такъ какъ упразднить государство не такъ легко, то это ведетъ порой къ весьма нераціональнымъ выступленіямъ или къ упущенію необходимыхъ мѣропріятій; какъ и съ другой стороны, воззрѣнія противоположнаго характера, чрезмѣрный культъ государства можетъ склонить иныхъ къ солидарности съ такими партіями, которыя на дѣлѣ не только принципиально отвергають ихъ стремленія, но которыя, разъ оказавшись у власти, воздвигли бы передъ ними большія препятствія, чѣмъ какая бы то ни было другая партія. И вотъ, въ соціалистическомъ движеніи мы встрѣчаемся съ двумя, одно другому прямо-таки діаметрально-противоположными, воззрѣніями на государство: одно дружественное, доходящее до культа государства, и другое оппозиціонное, критическое, не останавливающееся передъ прямой враждебностью. Въ многообразныхъ оттѣнкахъ эти два противоположныхъ воззрѣнія проходятъ передъ нами черезъ всю идейную исторію соціализма.

Но что такое вообще государство? Ясно, во всякомъ случаѣ, одно: если мы говоримъ о государствѣ, то мы предварительно должны сговориться о томъ, что мы подъ этимъ разумѣемъ. Дѣло это отнюдь не легкое. Въ государственныхъ наукахъ воззрѣнія на государство сильно расходятся, какъ въ этомъ убѣдится всякій, кто заглянетъ въ соотвѣтствующую литературу. Одинъ изъ моихъ друзей, работающій

въ области государственныхъ наукъ, сказалъ однажды: «Я прочелъ 18 разныхъ книгъ по теоріи государства, и въ каждой изъ нихъ находилъ иное опредѣленіе государства». Существуютъ, однако, основные признаки государства. Рѣшающее значеніе имѣеть тутъ, прежде всего, слѣдующее: государство — обширный коллективъ, господство котораго простирается далеко за предѣлы отдѣльной мѣстности. Если мы греческія государства-города признаемъ, какъ то показываетъ уже самое названіе, за государства, то всѣ мы знаемъ, что, напр., Аѣины господствовали надъ областью Аттики, Спарта — надъ Лакедемономъ. Государство — коллективъ, охватывающій опредѣленную, болѣе или менѣе обширную территорію. Территоріальный моментъ имѣеть для государства рѣшающее значеніе. Гдѣ нѣтъ территоріи, тамъ нѣтъ и государства. Выраженіе «государство въ государствѣ» должно быть, поэтому, понимаемо только въ фигуральномъ смыслѣ. Коллективъ, который охватываетъ выходящую за предѣлы единичной мѣстности территорію, который имѣеть общіе законы и осуществляетъ посредствомъ опредѣленныхъ органовъ верховную власть, это, въ существѣ дѣла, и есть государство — въ этомъ сходятся всѣ опредѣленія. Верховную власть часто обозначаютъ выраженіемъ «суверенитетъ»; но суверенитетъ, какъ абсолютное правовое верховенство, не есть безусловно необходимый атрибутъ государства. Вспомнимъ лишь, что до революціи въ Германской Имперіи имѣлись отдѣльныя, входившія въ составъ ея государства, за которыми характеръ государствъ не отрицался и которыя, однако, не во всѣхъ отношеніяхъ были суверенны. Надъ ними стояла

Имперія, которая въ цѣломъ рядѣ важныхъ вопросовъ осуществляла верховную власть. И было такъ не только въ Германіи, можно указать и другія страны, гдѣ существовали и продолжаетъ существовать такой же порядокъ вещей. Мы видимъ стремленіе — и первые шаги къ тому уже сдѣланы — создать власть, которая стояла бы надъ всѣми нынѣшними государствами и, въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, ограничивала бы ихъ суверенитетъ, которая, слѣдовательно, представляла бы собою надгосударственное государство. Ея назначеніе уже до войны исполнялъ до извѣстной степени тотъ интернаціональный законъ, который въ Германіи обозначаютъ совершенно превратнымъ, въ данной связи идей, наименованіемъ *Völkerrecht* («право народовъ» = международное право). Но этотъ интернаціональный законъ не былъ закономъ нѣкоего государства, онъ возникъ на основѣ соглашеній между государствами, которыя путемъ совершенно свободнаго волеизъявленія обязались соблюдать его. При голосованіи новыхъ положеній каждое отдѣльное государство своимъ «Нѣтъ» могло воспрепятствовать превращенію ихъ въ международное право. Это была, такимъ образомъ, слишкомъ слабая форма объединенія, чтобы можно было характеризовать ее, какъ сверхгосударство. Къ созданію власти, дѣйствительно заслуживающей такого обозначенія, клонились мѣропріятія, среди которыхъ главное мѣсто принадлежитъ учрежденію гаагской третейской палаты; и дѣло близилось уже къ тому, чтобы при созывѣ въ Гаагѣ третейской конференціи этой третейской палатѣ приданъ былъ такой характеръ, при которомъ она стала-бы высшей надъ государствами властью. Война

помѣшала этому, но и то соединеніе націй, которое въ Германіи страннымъ образомъ именуется «союзомъ народовъ», тогда какъ въ дѣйствительности оно представляетъ собою еще только союзъ націй, союзъ правительствъ, а не союзъ самихъ народовъ — *Société des Nations*, говорятъ поэтому французы, *Society of Nations*, называютъ его англичане, — все-же и это соединеніе націй было задумано въ качествѣ организма, долженствовавшего стоять выше отдѣльныхъ государствъ и по опредѣленнымъ вопросамъ попросту ограничивать ихъ суверенитетъ, отъ чего они не перестали бы, однако, быть государствами. Поэтому я говорю: абсолютный суверенитетъ не составляетъ непремѣннаго признака государства; зато признакомъ государства является осуществленіе имъ верховной власти на объемлемой имъ территоріи.

Возьмемъ, послѣ этихъ замѣчаній, къ противоборствующимъ теоріямъ и воззрѣніямъ, опредѣляющимъ отношеніе социалистовъ къ государству. Начнемъ съ оппозиціи противъ государства, оппозиціи, доходящей до вражды: она была слѣдствіемъ, наиболѣе крайнимъ идейнымъ порожденіемъ борьбы противъ всеопекающаго государства, сложившагося на исходѣ среднихъ вѣковъ, — абсолютнаго, почти повсюду монархическо-полицейскаго государства. Эта оппозиція противъ государства — значеніе глашатаевъ и приверженцевъ ея растетъ въ XVIII вѣкѣ, собственно говоря, даже еще раньше, — была теоретическимъ отраженіемъ великаго либеральнаго движенія, которое въ Англіи съ особенной силой проявлялось въ экономической области, но также и въ сферѣ политики, и виднѣйшимъ представителемъ котораго былъ тамъ шотландскій философъ и политико-экономъ Адамъ Смитъ.

Во Франціи либерализмъ, стремившійся къ ограниченію государственныхъ функцій, своего теоретика нашель въ лицѣ фізіократа Кенэ, а своего наиболѣе выдающагося политическаго поборника — въ государственномъ дѣятелѣ Р. Ж. Тюрго; въ Германіи представителемъ его былъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Изъ социалистовъ, желавшихъ упраздненія государства, слѣдуетъ прежде всего назвать французовъ Шарля Фурье съ его школой и Пьеръ Жозефъ Прудона; вѣрнѣ ли мы называть этого послѣдняго анархистомъ или нѣтъ, теоретически онъ во всякомъ случаѣ былъ противникомъ государства. Въ Германіи противникомъ государства былъ даровитый авторъ книги «Единственный и его собственность», Каспаръ Шмидтъ, писавшій подѣ псевдонимомъ Макса Штирнера; въ Россіи — Михаилъ Бакунинъ, а позднѣе Петръ Крапоткинъ. Изъ англичанъ можно было бы назвать Вилліама Годвина, автора книги о политической справедливости. Это — наиболѣе извѣстные изъ социалистическихъ противниковъ государства.

Культъ государства, въ свою очередь, имѣеть два корня; первый изъ нихъ — это протестъ противъ власти денегъ, оппозиція противъ господства финансовой буржуазіи. Сильна она была особенно въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіи и обращалась тенденціозно противъ того общественнаго класса, который у насъ называютъ также «крупной буржуазіей». Политически наиболѣе сильное выраженіе свое эта оппозиція получила въ якобинскомъ теченіи французской революціи. Якобинцы стояли за всемогущество государства, за надѣленіе государства наибольшей властью, какую только можно себѣ

представить. Стремленіе найти защиту для народа въ сильномъ государствѣ имѣло, впрочемъ, своего предшественника на исходѣ среднихъ вѣковъ, во время борьбы буржуазіи противъ феодальныхъ властителей. Классъ, выступавшій въ то время на авансцену, то-есть именно буржуазія, искалъ у центральной власти помощи противъ феодальной знати, подобно тому какъ впоследствии широкіе слои буржуазіи апеллировали къ государству противъ финансовой знати, финансовой аристократіи. Иного рода культъ государства развивается на почвѣ отрицательнаго отношенія къ господству массъ. Я на-мѣренно пользуюсь выраженіемъ «массы», другіе говорятъ о «господствѣ черни», охлократіи, какъ гласитъ греческое названіе. Культъ этотъ возникаетъ, въ особенности, въ связи съ революціями, послѣ того, какъ массы на нѣкоторое время выступаютъ на первый планъ, добиваются, въ извѣстномъ смыслѣ, господства и развиваютъ разрушительную дѣятельность. Онъ представляетъ собою идейное движеніе противъ революціи, клонящееся къ усиленію государства какъ оплота противъ демократіи. Во Франціи такое движеніе привело сначала къ бонапартизму, который былъ смѣсью — можно и такъ сказать: былъ ублюдокомъ — якобинскихъ и автократическихъ стремленій; въ дальнѣйшемъ, однако, дѣло кончилось возстановленіемъ монархіи Бурбоновъ, такъ какъ бонапартизмъ, пользуясь выраженіемъ одного извѣстнаго прусскаго монарха, «слишкомъ отзывался гнуснымъ запахомъ революціи». Съ этой стороны культъ государства — какъ о томъ свидѣтельствуешь, напр., первоначальная романтическая литература — представляетъ собою проявленіе реакціоннаго духа;

онъ, правда, не всегда выражается непременно въ формахъ политической реакціи, но защиту отъ анархіи видитъ только въ сильномъ монархическомъ государствѣ. Явленіе это наблюдалось и въ Англіи въ эпоху великой революціи семнадцатаго вѣка. Тамъ выдающійся философъ Тома Гоббсъ, авторъ «Левіаѳана», выступилъ представителемъ идеи объ абсолютномъ господствѣ государства, идеи, не носившей у него, однако, непременно монархическаго характера. Онъ допускалъ, что суверенитетъ государства можетъ быть осуществляемъ также и парламентомъ или аналогичной инстанціей; но таковой должна принадлежать абсолютная власть, и наилучшей носительницей этой послѣдней является все-же монархія. Своихъ представителей идея эта имѣла также и въ Италіи.

Но — оставляя въ сторонѣ эти консервативныя теоріи романтическо-реакціоннаго направленія — существуетъ и демократическая теорія, признающая за государствомъ политическое всемогущество. Во Франціи классическимъ ея философомъ былъ Жанъ Жакъ Руссо. Демократія не всегда тождественна съ либерализмомъ. Долгое время господствующей идеей ея былъ гнетъ, правда, гнетъ, направленный противъ высшихъ слоевъ, между тѣмъ какъ либерализмъ задается только освободительными цѣлями. Демократическая теорія государства, теоретикомъ которой былъ Руссо, въ Робеспьерѣ нашла своего практика — Робеспьеръ былъ большимъ поклонникомъ Руссо и надъ режимомъ террора витаютъ идеи, заимствованныя изъ писаній Руссо; къ свободѣ ведутъ тутъ террористическія мѣропріятія. Что якобинцы были сторонниками государственнаго всемогущества,

указывалось нами уже выше, и отъ якобинцевъ прямая линія ведетъ къ Гракху Бабефу, духовному отцу и руководителю заговора равныхъ; онъ точно также былъ приверженцемъ демократическаго государства въ наиболѣе крайнемъ его истолкованіи. Въ Германіи въ качествѣ проповѣдника сильнаго государства должны мы прежде всего назвать нашего великаго философа Фихте, который вообще находился, на мой взглядъ, подъ гораздо болѣе сильнымъ вліяніемъ французской революціи, чѣмъ это обычно признается. Объ этомъ свидѣлствуютъ многія его писанія. Въ появившемся въ 1800 году, часто цитруемомъ сочиненіи его о «Замкнутомъ торговомъ государствѣ» можно найти много точекъ соприкосновенія съ Бабефомъ. Не знаю, читалъ ли Фихте болѣе подробно объ этомъ послѣднемъ, былъ ли онъ знакомъ съ его писаніями; но онъ, во всякомъ случаѣ, серьезно занимался литературой французской революціи. Далѣе слѣдуютъ болѣе метафизическія теоріи государства нѣмецкихъ философовъ Гегеля и Шеллинга, совсѣмъ уже консервативно-романтическія государственныя теоріи Бональда, Гентца и т. д.

Переходя къ социалистическимъ поклонникамъ государства, мы встрѣчаемъ классическаго ихъ представителя въ Германіи въ лицѣ Фердинанда Лассаля. Онъ — безусловный приверженецъ государства, и притомъ — въ качествѣ ученика Гегеля; сильное вліяніе оказалъ на него въ этомъ пунктѣ также и Фихте: порою приходится сомнѣваться, кто въ болѣе высокой степени говорить устами Лассаля — Гегель или Фихте. Извѣстно, вѣдь, какое глубокое почтеніе питалъ онъ къ Фихте, и поборникомъ государственной идеи послѣдняго онъ съ необычайной энергіей

выступалъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ. Это въ высокой степени относится уже къ «Рабочей программѣ» — докладу, который въ 1862 году, въ сѣверной части Берлина, Лассаль читалъ въ рабочемъ собраніи о «связи между идеей рабочаго сословія и нынѣшнимъ нашимъ историческимъ періодомъ». Съ воодушевленіемъ прославляетъ онъ въ этомъ, уже цитированномъ мною докладѣ концепцію государства, которую называетъ «государственной идеей четвертаго сословія» — обозначеніе, кстати сказать, ошибочное, потому что въ дѣйствительности онъ разумѣетъ государственную идею современнаго рабочаго класса. Не взирая на этотъ и нѣкоторые аналогичные, коренящіеся въ юридическомъ способѣ мышленія Лассаля, промахи, произведеніе это должно быть причислено къ классическимъ памятникамъ социалистической литературы; классическимъ оно является, прежде всего, въ силу присущаго ему богатства мысли и необычайно яснаго изложенія развиваемыхъ идей, но, далѣе, также и влѣдствіе большого вліянія, которое имѣло оно въ исторіи социализма. Въ этомъ сочиненіи, трактуя о государствѣ, Лассаль прежде всего касается идеи буржуазнаго государства. Въ то время въ Германіи существовало весьма сильное либеральное теченіе; въ шестидесятихъ годахъ девятнадцатаго столѣтія либерализмъ переживалъ вообще пору новаго расцвѣта, отличался извѣстной наивной свѣжестью и провозглашался тогдашними глашатаями своими въ довольно радикальной формѣ. То былъ либерализмъ, которому приходилось еще бороться съ остатками стараго абсолютистскаго полицейскаго государства и который какъ всегда бываетъ во время такой борьбы — под-

часть хваталъ при этомъ черезъ край. Литературные представители либеральной буржуазіи заявляли, что назначеніе государства, въ существѣ дѣла, сводится къ тому, чтобы охранять личность и собственность, все-же прочее оно должно предоставлять свободной игрѣ хозяйственныхъ силъ, что при тогдашнемъ соотношеніи соціальныхъ силъ и распредѣленіи имущества практически означало просто санкціонированіе господства буржуазіи. Эту-то идею объ охранѣ личности и собственности, какъ единственномъ назначеніи государства, высмѣивалъ Лассаль, называя ее «теоріей ночного сторожа», потому что она низводитъ государство до функціи ночного сторожа, вмѣсто того, чтобы признать за государствомъ тѣ функціи, которыя подобаютъ ему сообразно роли его въ исторіи. Совершенно иной характеръ имѣетъ концепція или идея государства, присущая рабочему классу, то-есть, та государственная идея, которую, согласно Лассалю, выработаетъ рабочій классъ въ силу занимаемаго имъ въ обществѣ положенія. Послушаемъ наиболѣе замѣчательныя относящіяся сюда мѣста доклада. Сначала говорится тамъ:

«Совершенно иначе, господа, понимаетъ задачи государства четвертое сословіе, и понимаетъ оно ихъ именно такъ, каковы онѣ и есть въ дѣйствительности».

Вѣроятно, только немногіе изъ его слушателей, принадлежавшихъ къ рабочему классу, дѣйствительно ощущали уже то, что приписываетъ тутъ Лассаль «четвертому сословію». Онъ трактуетъ какъ воззрѣніе рабочаго класса ту концепцію, которая по его мнѣнію должна была въ будущемъ стать идеей рабочаго класса и въ широкой мѣрѣ, дѣйствительно, и стала таковой. Онъ продолжаетъ:

«Исторія, господа, это борьба съ природой, съ нуждой и бѣдствіемъ, съ невѣжествомъ, нищетой, безсиліемъ и, слѣдовательно, съ несвободой всякаго рода, въ которой мы пребывали, когда родъ человѣческій впервые выступалъ на сцену исторіи. Прогрессирующее преодолѣніе этого безсилія — это и есть развитіе свободы, представляющее собой исторію.

«Въ борьбѣ этой никогда не сдѣлали бы мы ни шагу впередъ — никогда не сдѣлаемъ и впредь — если бы вели ее, или захотѣли впредь вести, порознь каждый за себя, каждый въ одиночку.

«Государству принадлежитъ эта функція — осуществить развитіе свободы, развитіе человѣческаго рода на пути къ свободѣ.

«Государство и есть это единство индивидовъ въ составѣ нравственнаго цѣлаго, единство, въ милліоны разъ увеличивающее силы всѣхъ тѣхъ особей, что входятъ въ такое объединеніе, въ милліоны разъ приумножающее тѣ силы, которыми онѣ могли бы располагать въ качествѣ отдѣльныхъ особей.

«Задача государства, такимъ образомъ, не въ томъ, чтобы только защищать личную свободу и собственность индивида — блага, съ которыми онъ, по возрѣнію буржуазіи, якобы уже съ самаго начала вступаетъ въ государство; задача государства какъ разъ въ томъ и заключается, чтобы путемъ объединенія дать индивидамъ возможность осуществить такіа цѣли, достигнуть такой ступени бытія, которыхъ они въ качествѣ индивидовъ никогда достигнуть не могли бы, вооружить ихъ для пріобрѣтенія такой суммы просвѣщенія, могущества и свободы, до которой всѣ они — какъ индивиды — возвыситься бы не могли.

«Задача государства, слѣдовательно, въ томъ, чтобы содѣйствовать положительному развитію и прогрессу человѣческой природы, иными словами, въ томъ, чтобы осуществить въ реальномъ бытіи назначеніе человѣка, т. е. ту культуру, къ созданію которой родъ человѣческой способенъ; задача государства — развитіе и воспитаніе рода человѣческаго къ свободѣ».

Весь этотъ ходъ идей — исполнѣ въ духѣ Фихте, и, въ этомъ плавномъ изложеніи, въ этомъ классически сжатомъ сцѣпленіи мыслей, является едва ли не единственнымъ въ своемъ родѣ во всей социалистической литературѣ. Затѣмъ Лассаль идетъ дальше и показываетъ, чѣмъ было-бы и что стало-бы дѣлать государство подъ властью — онъ не говоритъ: рабочаго сословія, онъ говоритъ: подъ властью идеи рабочаго сословія.

«Въ этомъ», говоритъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, «заключается подлинная нравственная природа государства, господа, его истинная и высшая задача. До такой степени, что во всѣ времена, самой силою вещей, государство болѣе или менѣе выполняло ее — даже и помимо своей воли, даже безсознательно, даже противъ воли его руководителей».

И далѣе говорится:

«Такимъ образомъ, государство, въ которомъ господство приобрѣтаетъ идея рабочаго сословія, въ этой нравственной природѣ государства видѣло-бы свою задачу, не такъ, какъ дѣлали это уже и до сихъ поръ всѣ государства — уступая, безсознательно и часто даже неохотно, силѣ вещей и давленію обстоятельствъ, — но съ наивысшей ясностью и полной сознательностью. По доброй волѣ и съ величайшей

последовательностью выполняло-бы оно все то, что до сих поръ лишь урывками, въ самой скудной формѣ, удавалось исторгнуть у упорствующей воли, и слѣдствіемъ, съ необходимостью отсюда вытекающимъ (хоть время и не позволяетъ мнѣ въ подробности изложить передъ вами природу этой необходимой связи), былъ-бы духовный подъемъ, достиженіе такой суммы счастья, просвѣщенія, благосостоянія и свободы, какой нѣтъ примѣра во всемирной исторіи и передъ которой даже наиболѣе прославленные эпохи былого потускнѣли и отошли бы въ тѣнь.

«Вотъ что должно быть именуемо, господа, государственной идеей рабочаго сословія; таково его пониманіе задачъ государства, отличающееся, какъ вы видите, такъ-же сильно отъ пониманія задачъ государства у буржуазіи, какъ, въ полномъ съ тѣмъ соотвѣтствіи, отличается провозглашаемый рабочимъ сословіемъ принципъ общаго для всѣхъ участія въ опредѣленіи государственной воли — всеобщее избирательное право — отъ соотвѣтствующаго принципа буржуазіи, отъ ценза».

Такова лассалева социалистическая теорія государства. Онъ излагаетъ ее рабочимъ въ качествѣ ихъ собственной теоріи, чтобы привлечь ихъ на ея сторону. И языкъ, которымъ онъ говоритъ, отличается такой ясностью, что излишне было-бы заниматься здѣсь комментироваіемъ его мысли. Въ позднѣйшихъ рѣчахъ своихъ Лассаль неоднократно къ ней возвращается; особенно во время процессовъ, возбужденныхъ противъ него въ связи съ этимъ докладомъ, которому онъ придавалъ, казалось бы, такую умѣренную форму, въ которомъ остерегался какихъ-бы то ни было призывовъ къ насилію. Когда онъ

издалъ это произведеніе въ печати, оно было конфисковано по почину прокурора Шеллинга, сына философа Шеллинга, и Лассаль былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности — по обвиненію въ нарушеніи § 100 прежняго прусскаго уголовного уложенія, такъ называемаго параграфа о ненависти и презрѣніи. Это былъ по-истинѣ каучуковый параграфъ, подъ который можно было подвести все, что угодно. Онъ гласилъ такъ:

«Кто посредствомъ какихъ-либо писаній или устныхъ рѣчей возбуждаетъ въ однихъ классахъ населенія ненависть и презрѣніе къ другимъ классамъ, подвергается наказанію».

Возбужденное преслѣдованіе повело къ двумъ весьма замѣчательнымъ процессамъ, во время которыхъ Лассаль произнесъ знаменитыя рѣчи: «Наука и рабочіе» и «Косвенный налогъ и положеніе трудящихся классовъ». Во второй изъ этихъ защитительныхъ рѣчей, произнесенной лѣтомъ 1862 года, Лассаль еще разъ развиваетъ свою теорію о различіи между государственной идеей рабочаго класса и государственной идеей буржуазіи. Ссылаясь на слова весьма уважаемаго философа и филолога Августа Бека, онъ эту послѣднюю идею называетъ «современнымъ варварствомъ» и говоритъ затѣмъ:

«Государство, исконный огонь Весты для всякой цивилизаціи, я защищаю вмѣстѣ съ вами (т. е. судьями) противъ тѣхъ (либеральныхъ) варваровъ».

Творческая сила, которая служить прогрессу, желаетъ ли она того или нѣтъ, вотъ что такое государство по ученію Фердинанда Лассаля. Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ той социалистической теоріи,

которая была основана Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ. Тамъ государство играетъ существенно отличную роль. Въ болѣе раннихъ сочиненіяхъ и статьяхъ Маркса, написанныхъ въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, онъ выступаетъ еще по большей части сторонникомъ государства, подъ влияніемъ гегелева ученія, хотя въ значительной мѣрѣ и отходить уже отъ Гегеля. Но послѣ того, какъ онъ примкнулъ къ коммунистическому движенію, изучилъ его во Франціи и, равнымъ образомъ, оріентировался относительно англійскихъ условій, появляется у него съ Энгельсомъ — ихъ мы всегда должны называть вмѣстѣ, такъ какъ съ этихъ поръ они работаютъ сообща, показываютъ свои работы другъ другу, такъ что относительно многихъ написанныхъ ими въ дальнѣйшемъ работъ нѣтъ возможности сказать, что авторомъ былъ тотъ или другой изъ нихъ, — появляется въ разработанной ими социалистической теоріи совсѣмъ иное пониманіе государства. Его можно назвать критической идеей государства, которая ничего общаго не имѣетъ съ лассалевымъ преклоненіемъ передъ государствомъ. Уже въ произведеніи, которое Марксъ и Энгельсъ назвали «Манифестомъ коммунистической партіи» и которое написано было зимой 1847 года, государство играетъ роль второстепенную. Въ концѣ тамъ говорится:

«Пролетаріатъ воспользуется своимъ политическимъ господствомъ для того, чтобы постепенно вырвать весь капиталъ изъ рукъ буржуазіи, сосредоточить всѣ орудія производства въ рукахъ государства, т. е. организованнаго въ качествѣ господствующаго класса пролетаріата, и увеличить со всей

возможной быстротой массу производительных силъ».

Въ связи съ этимъ указываются вкратцѣ различныя мѣры, которыя должны будутъ быть приняты для этой цѣли, а въ заключеніе говорится:

«Разъ классовыя различія въ процессѣ эволюціи исчезли и все производство сосредоточено въ рукахъ ассоціированныхъ индивидовъ, общественная власть утрачиваетъ политическій характеръ. Политическая власть въ собственномъ смыслѣ есть организованная власть одного класса въ цѣляхъ угнетенія другого. Если въ борьбѣ съ буржуазіей пролетаріатъ по необходимости объединяется въ классъ, путемъ революціи превращается въ классъ господствующій и въ качествѣ господствующаго класса насильственно упраздняетъ старыя производственныя отношенія, то вмѣстѣ съ этими производственными отношеніями упраздняетъ онъ и предпосылки, обуславливающія существованіе классовой противоположности, вообще упраздняетъ классы и, тѣмъ самымъ, и собственное свое господство какъ класса.

«На мѣсто стараго буржуазнаго общества съ его классами и классовыми противоположностями становится ассоціация, въ которой свободное развитіе каждаго является условіемъ для свободнаго развитія всѣхъ».

Здѣсь авторы совершенно и, можно полагать, намѣренно избѣгаютъ слова «государство». Пролетаріатъ перенимаетъ государственную власть, отнимаетъ у буржуазіи всѣ хозяйственныя и политическія средства вліянія, употребляетъ ихъ по-своему и, когда это совершилось, возникаетъ великая всеобщая ассоціация. О государствѣ рѣчи больше нѣтъ.

Въ позднѣйшихъ работахъ Маркса и Энгельса такое отношеніе къ государству получаетъ еще болѣе рѣзкое выраженіе. Послѣ подавленія революціи сорокъ восьмого года они жили въ изгнаніи въ Лондонѣ. Когда въ шестидесятыхъ годахъ вновь создавалось рабочее движеніе, они прямого участія въ нѣмецкомъ движеніи не принимали. Но въ рядахъ его были у нихъ политическіе друзья, съ которыми они состояли въ перепискѣ; равнымъ образомъ старались они оказывать на движеніе воспитательное воздѣйствіе путемъ статей и книгъ. Однимъ изъ такихъ друзей былъ Вильгельмъ Либкнехтъ, и та фракція, во главѣ которой стояли онъ и Августъ Бебель, долгое время считалась въ Германіи партіей самого Маркса. Но въ тѣхъ органахъ, которые редактировалъ въ то время Вильгельмъ Либкнехтъ, естественно, получали выраженіе преимущественно либкнехтовы же идеи, относительно которыхъ было уже упомянуто, что онѣ испытали сильное вліяніе со стороны французскаго социализма, что Либкнехта совершенно ошибочно принимали за теоретическій рупоръ Маркса. Создавшаяся въ то время подъ духовнымъ руководствомъ Либкнехта социаль-демократическая рабочая партія основала въ 1869 г. газету, которую Либкнехтъ редактировалъ и которой онъ далъ названіе «Der Volksstaat» («Народное государство»); и о «народномъ государствѣ» постоянно говорили на ея столбцахъ какъ самъ онъ, такъ и другіе. Это, однако, отнюдь не отвѣчало вкусамъ Маркса и Энгельса, и въ книгѣ, которую онъ написалъ въ 1876/77 г. при частичномъ содѣйствіи Маркса, подъ заглавіемъ «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft», Энгельсъ воспользовался

случаемъ для полемики противъ идеи народнаго государства, какъ понималъ ее Либкнехтъ; имя послѣдняго при этомъ не называлось. Энгельсъ показываетъ, что послѣ пролетарской революціи развитіе ведетъ не къ народному государству, а къ растворенію, къ отмиранію государства. Тѣ главы книги, которыя специально посвящены социализму, позднѣе были изданы Энгельсомъ въ видѣ брошюры подъ заглавіемъ: «Развитіе социализма отъ утопіи къ научной теоріи», и кто не предпочтетъ прочесть цѣликомъ всю книгу, содержащую необычайно цѣнную трактовку основныхъ вопросовъ философіи, этики, исторической науки, политической экономіи и социальной науки, тому слѣдовало бы по меньшей мѣрѣ пріобрѣсти себѣ эту брошюру. Лучшаго пути къ ознакомленію съ основными идеями социального ученія Маркса-Энгельса нельзя и желать. Въ этомъ то произведеніи своемъ, въ заключительной его части, Энгельсъ высказывается въ сжатой формѣ о томъ, что станется — согласно защищаемому имъ и Марксомъ воззрѣнію — съ государствомъ послѣ того, какъ рабочій классъ, въ кульминаціонной точкѣ развитія капиталистическаго общества, достигнетъ политической власти. Онъ пишетъ:

«Пролетаріатъ овладѣваетъ властью и превращаетъ сначала средства производства въ государственную собственность. Но тѣмъ самымъ онъ упраздняетъ себя самого въ качествѣ пролетаріата, тѣмъ самымъ онъ упраздняетъ всѣ классовыя различія и классовыя противорѣчія и, слѣдовательно, также и государство какъ государство. Прежнему, движущемуся въ классовыхъ противорѣчіяxъ обществу нужно было государство, то-есть организація эксплуатирующаго

въ данное время класса въ цѣляхъ поддержанія необходимыхъ ему внѣшнихъ условій производства, а именно, въ цѣляхъ насильственного удержанія эксплуатируемаго класса въ вытекающихъ изъ существующаго способа производства условіяхъ подчиненія (рабство, крѣпостная зависимость, наемный трудъ). Государство было официальнымъ представителемъ всего общества въ цѣломъ, сплоченіемъ его въ видимую корпорацію; но таковымъ было оно лишь, поскольку было государствомъ того класса, который самъ представлялъ, для своего времени, все общество въ цѣломъ: государствомъ гражданъ-рабовладельцевъ въ древности, феодализма — въ средніе вѣка, буржуазіи — въ наше время. Становясь, наконецъ, дѣйствительно представителемъ всего общества, оно само себя дѣлаетъ излишнимъ. Съ того момента, какъ нѣтъ больше общественнаго класса, который нужно держать въ угнетеніи, съ того момента, какъ вмѣстѣ съ классовымъ господствомъ и вытекающею изъ прежней анархіи производства борьбой за индивидуальное существованіе устранены также и возникающіе на этой почвѣ коллизіи и эксцессы, не къ чему примѣнять больше репрессивныя мѣры и, слѣдовательно, нѣтъ больше надобности въ особой репрессивной власти, въ государствѣ. Первый актъ, при которомъ государство дѣйствительно выступаетъ представителемъ всего общества — завладѣніе средствами производства отъ имени общества — есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній самостоятельный актъ его, какъ государства. Вмѣшательство государственной власти въ общественныя отношенія становится излишнимъ въ одной области за другой и прекращается затѣмъ само собой. На

мѣсто правительственнаго властвованія надъ лицами становится управленіе вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отмѣняется», оно отмираетъ. Въ этомъ содержится оцѣнка фразы о «свободномъ народномъ государствѣ», признаніе, слѣдовательно, какъ временной ея агитаціонной умѣстности, такъ и конечной научной ея несостоятельности; въ этомъ-же — оцѣнка также и требованій такъ называемыхъ анархистовъ, домогающихся безотлагательнаго упраздненія государства».

Какъ видимъ, за государствомъ признается, въ сущности, только переходная, временная роль, роль, по существу, угнетающей или удерживающей въ подчиненіи власти — то-есть та какъ разъ, которую Лассаль называетъ ролью ночного сторожа господствующаго въ данное время класса; и когда вмѣстѣ съ существованіемъ различныхъ общественныхъ классовъ упраздняются классовыя противоположности и поводъ къ принудительнымъ мѣропріятіямъ противъ отдѣльныхъ классовъ, тогда упраздняется, по этой теоріи, и государство. Теорія эта проходитъ черезъ всѣ писанія Маркса и Энгельса; этотъ послѣдній далъ ей позже дальнѣйшее обоснованіе въ сочиненіи: «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства». Порою, правда, Энгельсъ говоритъ о государствѣ и какъ о продуктѣ раздѣленія труда въ обществѣ и руководящемъ органѣ при разрѣшеніи административныхъ задачъ, вызванныхъ этимъ раздѣленіемъ труда, но въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ функцій и ихъ будущности онъ не входитъ, и вслѣдъ за тѣмъ всегда выступаетъ у него государство единственно лишь какъ орудіе угнетенія. Насколько

воззрѣніе это заслуживаетъ признанія, или, иначе, какое изъ обоихъ воззрѣній, въ свое время игравшихъ большую роль въ дискуссіяхъ социалистовъ, воззрѣніе Маркса-Энгельса или же Лассаля, можетъ претендовать на большую правильность, это выяснится, можетъ быть, послѣ того какъ мы выслушаемъ, что говоритъ о государствѣ и самъ Марксъ.

За четырнадцать лѣтъ до того, какъ появилась работа Энгельса о происхожденіи семьи, частной собственности и государства, въ 1871 году, Карлъ Марксъ высказался обстоятельнѣе о государствѣ въ той докладной запискѣ или рѣчи о парижской коммунѣ 1871 года, которую онъ составилъ для генеральнаго совѣта интернаціональной рабочей ассоціаціи. Въ третьемъ раздѣлѣ этого доклада онъ трактуетъ о томъ, что собственно означала парижская коммуна, каковъ былъ ея внутренній смыслъ и ея истинныя намѣренія. Не скрою, что поступалъ онъ при этомъ весьма вольно. То, что передъ дѣятелями коммуны витало лишь въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, то облекъ онъ въ очень ясную и опредѣленную форму логически развивающейся руководящей мысли.

Указавъ, что парижская коммуна была правленіемъ рабочаго класса и порвала съ учрежденіями стараго классоваго господства, съ военной организаціей, полиціей и т. д., онъ продолжаетъ:

«Парижская коммуна должна была, разумѣется, послужить образцомъ для всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центровъ Франціи. Коль скоро коммунальный порядокъ вещей установился бы въ Парижѣ и во второстепенныхъ центрахъ, старое централизованное правительство должно было-бы и въ провинціяхъ уступить мѣсто самоуправленію произво-

дителей. Въ краткомъ наброскѣ обще-національной организаціи, который коммуна не имѣла времени разработать обстоятельнѣе, сказано опредѣленно, что коммуна должна быть политической формой организаціи даже въ самыхъ маленькихъ деревняхъ и что постоянная армія должна быть замѣнена въ сельскихъ мѣстностяхъ народной милиціей, при самомъ краткомъ срокѣ службы. Сельскія общины каждаго округа должны были управлять общими своими дѣлами посредствомъ собранія уполномоченныхъ, созываемаго въ главномъ городѣ округа, а эти окружныя собранія, въ свою очередь, посылатъ депутатовъ въ національную делегацію въ Парижъ; депутаты во всякое время могли бы быть отозваны и были бы связаны опредѣленными инструкціями своихъ избирателей. Тѣ немногія, но важныя функціи, которыя при этомъ оставались бы еще для центрального правительства, должны были быть не упразднены, какъ это утверждаетъ сознательная фальсификація, а ввѣрены коммунальнымъ, т. е. строго отвѣственнымъ должностнымъ лицамъ. Единство націи должно было быть не сломлено, а, напротивъ, организовано путемъ коммунальнаго строя; оно должно было стать дѣйствительностью чрезъ уничтоженіе той государственной власти, которая выдавала себя за воплощеніе этого единства, но желала быть независимой и первенствующей по отношенію къ націи, на тѣлѣ которой она была, вѣдь, только паразитарнымъ наростомъ. Въ то время, какъ угнетенію лишь служащіе органы старой правительственной власти подлежали отсѣченію, законныя ея функціи должны были быть отняты у той силы, что претендовала стоять выше общества, и возвращены

отвѣтственнымъ служителямъ общества. вмѣсто того, чтобы разъ въ три года или въ шесть лѣтъ рѣшать, какой изъ членовъ господствующаго класса долженъ, въ званіи парламентскаго представителя народа, по-пирать его ногами¹⁾, конституированный въ коммуны народъ долженъ былъ пользоваться всеобщимъ правомъ голоса для того-же, для чего служить индивидуальное право голоса всякому другому работодателю, когда онъ пріискиваетъ рабочихъ, надзирателей и бухгалтеровъ для своего предпріятія. И достаточно хорошо извѣстно, что общества обычно не хуже индивидовъ умѣютъ, въ настоящихъ дѣловыхъ вопросахъ, находить подходящаго человѣка, а, допустивъ однажды ошибку, умѣютъ быстро поправить дѣло. Съ другой стороны, ничто не могло быть болѣе чуждо духу коммуны, чѣмъ замѣна всеобщаго права голоса іерархической инвеститурой.»

Достоинство вниманія, насколько изложенныя здѣсь идеи совпадаютъ съ тѣмъ планомъ, который развилъ такъ рѣзко критикуемый Марксомъ Прудонъ въ своей работѣ о федерализмѣ и въ сочиненіи о способности трудящихся классовъ къ политической дѣятельности. Это послѣднее сочиненіе, которое можно назвать политическимъ завѣщаніемъ Прудона, по-нѣмецки ни разу переведено не было. Написано оно въ концѣ 1864 года, когда зарождалась Интернаціональная рабочая ассоціація и въ рабочемъ мірѣ Парижа разгоралась новая политическая жизнь; Прудонъ, котораго подстерегала уже смерть, хотѣлъ дать зачинавшемуся движенію своего рода политическое напутствіе. Онъ былъ, какъ извѣстно, противникомъ

¹⁾ Непереводаемая игра словъ: «Das Volk im Parlament ver- und zertreten». Прим. перев.

государства, хотя и не былъ анархистомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается это слово въ наше время, а отстаивалъ федерализмъ и коммунизмъ. Упраздненіе государства должно было послѣдовать путемъ организациі націи, снизу вверхъ, на федералистическихъ началахъ, въ видѣ свободныхъ коммунъ и ихъ союзовъ. Государство разсматривается тутъ — что при императорскомъ режимѣ во Франціи было достаточно понятно — исключительно какъ угнетающая сила: совершенно такъ-же, какъ семь лѣтъ спустя у Маркса, который называетъ его паразитарнымъ образованіемъ, наростомъ на тѣлѣ общества и служащей угнетенію силой. О какихъ-либо высшихъ задачахъ или функціяхъ государства у Маркса точно такъ-же нѣтъ рѣчи, какъ и у Прудона, между тѣмъ какъ по Лассалю государство выполняло высокую культурную задачу даже тогда, когда вовсе этого и не хотѣло. Гдѣ же истина? На мой взглядъ, развитый Марксомъ планъ совершенно упускаетъ изъ виду вліяніе крупныхъ экономическихъ факторовъ, что особенно поражаетъ именно у Маркса, отличавшагося такимъ пониманіемъ сущности и значенія крупнаго производства. Развиваемое имъ тутъ воззрѣніе имѣетъ совершенно мелкобуржуазный характеръ. Общество съ мелкобуржуазнымъ хозяйствомъ и мелкобуржуазнымъ оборотомъ можно, дѣйствительно, представить себѣ въ формахъ коммунизма. Но страна съ современными промышленными предпріятіями и создавшимися благодаря имъ хозяйственными и социальными зависимостями, перекидывающимися далеко за предѣлы отдѣльной общины, совершенно немыслима въ видѣ простого союза независимыхъ коммунъ.

Вспомнимъ, на примѣръ, хотя бы современное транспортное дѣло во всѣхъ его многообразныхъ развѣтвленіяхъ и множество другихъ хозяйственныхъ организмовъ, сфера дѣйствія и нужды которыхъ обусловливаютъ необходимость принудительнаго законодательства: нельзя допустить, чтобы законодательство это тормазилось вслѣдствіе самоопредѣленія общинъ. Порождаемый крупной промышленностью хозяйственный оборотъ ставить передъ общенациональнымъ законодательствомъ совершенно инныя задачи, нежели тѣ, какія могли бы быть удовлетворительно разрѣшаемы при коммуналистической организаціи. Последняя оказалась бы несостоятельной уже просто въ силу требованій рациональнаго рѣчного хозяйства, гдѣ мѣстные интересы такъ сильно расходятся между собой. У жителей долины и прилегающаго къ устью района совсѣмъ другіе интересы, чѣмъ у жителей горныхъ мѣстностей, гдѣ рѣка беретъ начало. Нерѣдко рѣки затягивались пескомъ изъ-за того, что населеніе соответственныхъ горныхъ округовъ вырубало лѣса. Рѣки, начиная отъ самыхъ истоковъ ничѣмъ не стѣсняемая въ теченіи своемъ, уносили съ собой столько земли, что ниже расположенныя части русла и устье мелѣли. Рѣчное хозяйство, заботящееся о поддержаніи судоходности рѣки, требуетъ законовъ и надзора, не останавливающихся ни передъ какими частными интересами, а то и прихотями общинъ. Появились, вѣдь, даже международныя рѣчныя коммисіи, надзоръ которыхъ распространяется на Дунай, Рейнъ и пр. Въ нихъ часто склонны видѣть, правда, доказательство того, что вопросы этого рода могутъ быть урегулированы и путемъ свободнаго

соглашенія. Но забываютъ при этомъ, что въ основѣ этихъ комиссій лежатъ договоры между государствами и что уже въ ихъ рѣшеніяхъ частные интересы общинъ и округовъ должны были отступить передъ крупными общими интересами. Если бы не было уже налицо государствъ, эти соглашенія никогда бы не состоялись.

Планъ коммунизма игнорируетъ многія изъ значительныхъ законодательныхъ и административныхъ задачъ современнаго государства; впрочемъ, и сами общины не могутъ уже въ настоящее время ограничиваться тѣми мелко буржуазными задачами, которыя имѣлъ въ виду Прудонъ. Для многихъ изъ нихъ земельная политика, пути сообщенія и социальная политика выросли уже изъ этихъ рамокъ. Позреительно напомнить то, что пишущій эти строки говорилъ почти что 25 лѣтъ тому назадъ въ статьѣ, озаглавленной: «Соціально-политическое значеніе пространства и числа»¹⁾. Тамъ показывается, въ какой мѣрѣ пространственное расширеніе территоріи и ростъ населенія уже сами по себѣ создаютъ совершенно новыя потребности и осложняютъ какъ процессъ законодательства, такъ и его задачи.

Въ Германіи это выяснится на опытѣ, когда будутъ сдѣланы попытки осуществить въ дѣйствительности принципиально признанное конституціей германской республики начало непосредственнаго законодательства. Референдумъ даже у себя на родинѣ — въ Швейцаріи — вызываетъ порой затрудненія. Между тѣмъ, когда въ порядкѣ референдума высказываются

¹⁾ Вновь напечатана во второмъ томѣ сборника: «Zur Theorie und Geschichte des Sozialismus». Берлинъ 1904, изданіе 4-ое.

о дѣлахъ своей защищенной отъ международно-политическихъ тревогъ страны граждане маленькаго, искони республиканскаго швейцарскаго союза, то это нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ такое же народное голосованіе, устроенное въ странѣ съ болѣе чѣмъ 60-милліоннымъ населеніемъ и при обстановкѣ столь трудной, какъ та, въ которой находится Германія. Можно въ порядкѣ непосредственнаго голосованія рѣшать вопросы простѣйшаго свойства, но никоимъ образомъ нельзя ввѣрять такому голосованію всѣ государственныя дѣла великой страны, иначе каждый гражданинъ долженъ былъ бы быть образцомъ энциклопедической освѣдомленности.

Государство — не только органъ угнетенія и повѣренный въ дѣлахъ имущихъ классовъ. Выставлять его въ такомъ свѣтѣ — это пріемъ, къ которому прибѣгаютъ всѣ изобрѣтатели анархистическихъ системъ. Прудонъ, Бакунинъ, Штирнеръ, Крапоткинъ, всѣ они постоянно изображали государство только какъ органъ угнетенія и эксплуатаціи, каковымъ оно въ теченіе достаточно долгаго времени, дѣйствительно, было, но вовсе не должно непремѣнно быть. Оно представляетъ собою форму совместной жизни людей и органъ правленія, мѣняющій свой соціально-политическій характеръ вмѣстѣ со своимъ соціальнымъ содержаніемъ. Кто, въ духѣ абстрагирующаго номинализма, неразрывно связываетъ понятіе государства съ понятіемъ о тѣхъ условіяхъ господства, при которыхъ оно однажды возникло, тотъ игнорируетъ возможности развитія и фактическія метаморфозы, которымъ государство подвергалось на протяженіи исторіи.

На практикѣ у соціаль-демократическихъ партій установилась, подъ влияніемъ вызванной рабочимъ движеніемъ борьбы, иная оцѣнка государства. Тутъ

дѣйствительно пустила корни идея народнаго государства, которое не является орудіемъ высшихъ классовъ и слоевъ, а обликъ свой получаетъ, въ силу всеобщаго и равнаго избирательнаго права, отъ все-народнаго большинства. Въ этомъ отношеніи исторія, насколько она для насъ обозрима, оправдала Лассаля, если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя преувеличенія, содержащіяся въ приведенныхъ выше сужденіяхъ его. Правда, и Лассалья нужно понимать *cum grano salis*. Въ своемъ открытомъ отвѣтномъ письмѣ онъ восклицаетъ, обращаясь къ рабочимъ: «Но что же такое государство?» И, приведя статистическія цифры относительно тогдашняго распредѣленія доходовъ, онъ продолжаетъ: «Вамъ, слѣдовательно, нуждающимся классамъ, а не намъ, высшимъ сословіямъ, принадлежитъ государство, потому что изъ васъ состоитъ оно, ваша, бѣднѣйшихъ классовъ, великая ассоціація — это и есть государство!» Изреченіе, весьма напоминающее слова одного французскаго социалиста, про котораго писали въ свое время, будто Лассаль копировалъ его, что, однако, невѣрно. Это — Луи Бланъ, авторъ сочиненія объ организаціи труда. Въ полемической статьѣ, направленной противъ Прудона, онъ писалъ:

«При демократической системѣ правленія государство представляетъ собою власть всего, представленнаго своими депутатами, народа, оно является господствомъ свободы. Государство есть ничто иное, какъ само общество, которое выступаетъ въ качествѣ такового, чтобы препятствовать угнетенію и ограждать свободу. «Человѣкъ изъ народа, государство — это ты!» — «*Homme du peuple, l'état c'est vous!*»

Заключительное восклицаніе, дѣйствительно, почти

тождественно съ тѣмъ, которое произноситъ Лассаль. Сходна и аргументація: государство составилось изъ народа, слѣдовательно, народъ и есть государство. Въ этомъ отношеніи, однако, можно аргументировать и нѣсколько менѣе упрощеннымъ способомъ. Констатировать, изъ какихъ людей состоитъ населеніе государства, еще не значитъ дать объясненіе государству. Только при опредѣленныхъ условіяхъ слово это получаетъ истинное содержаніе. Послушаемъ объ этомъ другого социалиста. Англійскій социалистъ Джэмеъ Рэмсей Макдональдъ опубликовалъ въ 1909 году очень интересную работу о социализмѣ и государственномъ правленіи. Высказываясь противъ Энгельса, онъ говоритъ тамъ слѣдующее:

«Государство — это не правительство и не общество, это организованная политическая личность независимаго народа, организація общественнаго коллектива, направленная къ осуществленію общей его воли при помощи политическихъ средствъ. Ошибочно думать, что государство является только тѣмъ, что сдѣлали изъ него индивиды. Его сдѣлало также и прошлое. . . На государство слѣдуетъ, поэтому, смотреть, какъ на нѣчто органическое»¹⁾.

¹⁾ Въ такомъ же смыслѣ названная выше статья автора настоящей книги говоритъ:

«Какъ въ животномъ мірѣ вмѣстѣ съ дифференціаціей функцій неизбѣжнымъ становится образованіе костнаго остова, такъ и въ общественной жизни — вмѣстѣ съ дифференціаціей хозяйствъ — возникновеніе административнаго аппарата, представляющаго общественный интересъ какъ таковой. Такимъ аппаратомъ было до сихъ поръ и остается понынѣ государство. Такъ какъ дальнѣйшее развитіе производства, какъ то совершенно очевидно, можетъ состоять не въ упраздненіи дифференцированнаго производства, а только въ новомъ сплоченіи на основѣ развитой дифференціаціи — примѣняя это къ людямъ, не въ упраздненіи, а въ до пол-

Передъ судомъ безпристрастнаго историческаго изслѣдованія такое опредѣленіе окажется, я думаю, наиболѣе устойчивымъ. Нельзя ставить Макдональду въ упрекъ, что онъ упустилъ тотъ или иной существенный моментъ, съ которымъ нужно считаться, говоря о государствѣ. Существуетъ, вѣдь, цѣлая литература о государствѣ, о томъ, покоится ли оно на договорѣ, будь то сознательный или молчаливый договоръ, въ который часть населенія вступаетъ просто путемъ пассивнаго примиренія, или же происхожденіемъ своимъ обязано исключительно силѣ. Ставился, далѣе, и вопросъ о томъ, что есть общая воля? Есть ли это воля совокупности всѣхъ тѣхъ, кто входитъ въ составъ даннаго коллектива, или на формированіе ея воздѣйствуетъ и нѣкій болѣе сильный факторъ? Поскольку можно говорить объ общей волѣ, справедливо послѣднее. При этомъ рѣчь идетъ не о какой-либо мистической, сверхчувственной силѣ, а просто объ исторіи, о прошломъ: и оно оказываетъ свое вліяніе на образованіе общей воли, а не только происходящее въ данное время голосованіе извѣстнаго числа людей. Государство — продуктъ развитія, и воздѣйствіе прошлаго сказывается на томъ обликѣ, какой присущъ ему въ каждый данный моментъ. Выскочить изъ государства невозможно. Его можно только измѣнить. Такимъ образомъ, вопросъ о государствѣ приводитъ социалиста къ вопросу о демократіи и системѣ правленія вообще.

неніи и профессиональнаго раздѣленія труда (либо раздѣленія труда въ предѣлахъ профессіи. Эд. Б.), то въ поддающемся предвидѣнію будущемъ административный аппаратъ общества можетъ отличаться отъ нынѣшняго государства только степенью своей» (Ed. Bernstein, «Zur Theorie und Geschichte des Sozialismus», Берлинъ, 1904, т. 2, стр. 73).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

СОЦИАЛИЗМЪ, КАКЪ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ, И ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ.

Мы должны твердо держаться того, что социализмъ нашего времени въ качествѣ классоваго движенія есть движеніе рабочаго класса. Правда, онъ является не только классовымъ движеніемъ, но и движеніемъ, рождающимся изъ социалистической идеологіи. Но представитель какого-либо иного общественнаго класса для того, чтобы сдѣлаться социалистомъ, долженъ либо забыть свой классовый интересъ, либо стать выше его. Рабочему же, таково, по крайней мѣрѣ, убѣжденіе социалистовъ, нужно только сознать свой классовый интересъ — не личный свой интересъ, который можетъ быть и инымъ — чтобы стать социалистомъ. Такъ какъ социалистическое движеніе есть, слѣдовательно, движеніе рабочаго класса, широкаго низшаго социальнаго слоя общества, то оно уже въ силу этого одного является по необходимости демократическимъ движеніемъ. Объ этомъ въ принципѣ разныхъ мнѣній и быть не можетъ, разногласія возможны только о томъ, какъ эта демократія проявляется, какими путями и къ какой цѣли она идетъ. Споръ ведется прежде всего о формѣ ея, и тутъ проблема демократіи соприка-

сается съ проблемой парламентаризма. Неоднократно уже выдвигалось соціалистами, равно какъ и радикальными буржуазными демократами, утверждение о принципиальной противоположности между демократіей и парламентаризмомъ. И въ настоящее время въ органахъ того соціалистическаго направленія, которое называетъ себя коммунистическимъ, можно читать формулу, въ видѣ аксіомы провозглашенную большевистскимъ правительствомъ Совѣтской Россіи: «парламентаризмъ есть форма правленія буржуазіи». Съ другой стороны, мы знаемъ, что какъ Марксъ-Энгельсъ, такъ и Лассаль высказывались въ пользу парламентаризма, когда дѣло заходило о борьбѣ за бюджетное право, право парламента утверждать ассигнованіе денежныхъ средствъ, противъ полу-абсолютистскихъ монархическихъ правительствъ. И въ настоящее время огромное большинство соціалистовъ, не являющихся большевистскими коммунистами, стоитъ за парламентарное правленіе. Необходимо, поэтому, уяснить себѣ, что должны мы понимать подъ парламентаризмомъ и парламентарнымъ правленіемъ.

Начнемъ съ опредѣленія понятія. Что такое вообще парламентъ? Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ гласить: парламентъ есть совѣщательное, а порою и рѣшающее представительное учрежденіе, или, иначе, представительное собраніе, обладающее совѣщательной функціей и, по временамъ, также и правомъ рѣшающаго голоса. Представительный характеръ и совѣщательная функція отъ понятія парламентаризма отдѣлены быть не могутъ; отдѣлимо скорѣе право рѣшенія. Бывали парламенты, которые права постановлять рѣшенія не имѣли. Въ раннюю пору

парламентскаго развитія Англіи тамъ существовали такого рода парламентскія учрежденія. Во Франціи конституція консульства, выработанная Сійесомъ, и превратившаяся позднѣе въ конституцію имперіи, предусматривала различныя парламентскія учрежденія: сенатъ, трибунатъ и пр. Трибунату была предоставлена при этомъ только совѣщательная функція, но не право постановлять рѣшенія. Онъ призванъ былъ обсуждать законы и, смотря по обстоятельствамъ, предлагать ихъ законодательному корпусу; но рѣшающаго голоса у него не было. Идею эту Сійесъ заимствовалъ изъ олигархической венеціанской республики, и сходныя мысли находимъ мы въ буржуазной утопіи Джемса Гаррингтона «Океанія», которая въ разныхъ отношеніяхъ интересна для идейной исторіи парламентаризма. Гаррингтонъ предлагалъ два учрежденія, одно съ совѣщательнымъ, другое съ рѣшающимъ голосомъ. Но при этомъ постановлять рѣшенія долженъ былъ корпусъ, избираемый на демократическихъ началахъ, корпусъ же, выборы въ который производились на основаніи ограниченнаго избирательнаго права, долженъ былъ имѣть только совѣщательное значеніе. Въ этомъ совѣщательномъ корпусѣ, представляющемъ, главнымъ образомъ, имущіе классы, должно было происходить предварительное обсужденіе законовъ, а затѣмъ долженъ былъ постановлять о нихъ свое рѣшеніе народъ черезъ своихъ представителей. Можно сказать, что это — фальсифицированный парламентаризмъ. Но это для насъ сейчасъ не важно. Въ исторіи парламентаризма было много половинчатыхъ и смѣшанныхъ формъ. Смѣшанной формой былъ въ началѣ и англійскій парламентаризмъ, таковъ онъ

въ извѣстныхъ отношеніяхъ еще и понынѣ. Во-первыхъ онъ не является неограниченнымъ господствомъ парламента: наряду съ парламентомъ существуетъ въ Англіи еще и корона, которая по буквѣ закона обладаетъ еще очень многими правами, хотъ и не пользуется большинствомъ изъ нихъ на практикѣ. Какъ бы то ни было, правъ у нея больше, чѣмъ то обычно полагаютъ. Затѣмъ, парламентъ въ Англіи все еще состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты лордовъ, гдѣ преобладаютъ наслѣдственные члены, и палаты общинъ, по англійски — House of Commons, что въ Германіи страннымъ образомъ все еще продолжаютъ переводить выраженіемъ: «нижняя палата», тогда какъ въ дѣйствительности «палата общинъ» обладаетъ правами гораздо болѣе широкими, чѣмъ палата лордовъ. Въ англійскомъ народѣ, сообразно съ тѣмъ, обычно только выборное представительство разсматривается какъ парламентъ. Точно такъ же и въ Германіи. Уже до революціи прусскій народъ въ палатѣ депутатовъ видѣлъ парламентъ въ собственномъ смыслѣ, палата же господъ считалась тутъ чѣмъ-то вродѣ тормазы парламентской работы, да ничѣмъ больше не была она и на дѣлѣ. Въ Англіи палату лордовъ и не называютъ, поэтому, первой палатой, но вполне логично обозначаютъ ее какъ вторую палату.

Эти вторыя палаты и въ другихъ странахъ покоятся зачастую на наслѣдственномъ правѣ или же состоятъ изъ членовъ по назначенію и сословныхъ представителей. Такъ, прусская палата господъ состояла изъ представителей дворянства, землевладѣнія, извѣстныхъ пользовавшихся наслѣдственными правами родовъ, высшаго духовенства, университетовъ,

городовъ; это было, слѣдовательно, сословное представительство. Въ Англіи, какъ уже было замѣчено, членами палаты лордовъ и понынѣ являются по большей части лица, засѣдающія въ силу наслѣдственнаго права, но это по наслѣдству переходящее притязаніе на мѣсто въ палатѣ лордовъ влечетъ за собою одно непріятное побочное слѣдствіе. Кто является наслѣдственнымъ перомъ Англіи, тотъ не можетъ быть депутатомъ въ палатѣ общинъ. Извѣстный либеральный политикъ лордъ Розберри былъ членомъ палаты общинъ до тѣхъ поръ, пока отецъ его былъ членомъ палаты лордовъ. Но отецъ умеръ очень рано, и тогда сыну пришлось отправиться въ палату лордовъ, хотѣлось ли ему этого или нѣтъ, такъ что съ депутатской его карьерой было покончено. Онъ сильно былъ этимъ недоволенъ и объявилъ палату лордовъ позолоченной клѣткой. Утративъ доступъ въ палату общинъ, онъ не могъ оставаться и лидеромъ либеральной партіи: до такой степени является палата общинъ въ современной Англіи первой палатой¹⁾.

Исторически, правда, наслѣдственные или сословныя палаты имѣли вначалѣ первенствующее значеніе. Въ Англіи въ началѣ XIII вѣка возникаетъ сначала палата лордовъ. Но очень скоро лорды привлекаютъ представителей графствъ и городовъ, потому что они были имъ нужны; вскорѣ, однако, представители

¹⁾ Реформы палаты лордовъ путемъ расширенія ея базы домогаются въ Англіи консерваторы. Упорное сопротивленіе оказываютъ этому радикальные либералы, потому что реформированная палата лордовъ легко могла бы стать болѣе опасной для демократіи палатой, чѣмъ неизмѣнная, изъ аристократіи состоящая палата, которую «реформируютъ» посредствомъ все новыхъ и новыхъ ограниченій ея правъ.

эти начинают засѣдать отдѣльно, въ качествѣ палаты общинъ, и постепенно палата эта пріобрѣтаетъ все большее значеніе въ ея взаимоотношеніяхъ съ палатой лордовъ, пока центръ тяжести не перемѣщается окончательно въ широкое, непосредственно избираемое народное представительство. То же самое наблюдается въ настоящее время и тамъ, гдѣ объ палаты выборныя, какъ теперь во Франціи. Тамъ выборными являются и сенатъ и палата депутатовъ, но палата депутатовъ избирается на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права, сенатъ же — косвенно, представителями общинъ, генеральныхъ совѣтовъ и окружныхъ совѣтовъ. Въ Швейцаріи, опять-таки, передъ нами національный совѣтъ и совѣтъ чиновъ. Выборы въ національный совѣтъ производятся по избирательнымъ округамъ на основѣ равнаго, прямого избирательнаго права; въ совѣтъ чиновъ выборы, правда, тоже прямые, но происходятъ они по кантонамъ. Каждый кантонъ посылаетъ двухъ, каждый полукантонъ — одного представителя, тогда какъ подраздѣленіе на избирательные округа, служащія для выборовъ въ національный совѣтъ, сообразуется съ количествомъ населенія. Вслѣдствіе этого, національный совѣтъ состоитъ изъ гораздо большаго числа членовъ, чѣмъ совѣтъ чиновъ; обширнѣе и функціи его. Сходное положеніе въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ народное представительство, именуемое «конгрессомъ», слагается изъ сената и палаты представителей. Сенатъ избирается, въ прямомъ или косвенномъ порядкѣ, штатами, выборы же въ палату представителей производятся по избирательнымъ округамъ. Но и здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ совре-

менныхъ государствахъ, парламентомъ въ собственномъ смыслѣ признается палата всенародная и избираемая болѣе прямымъ порядкомъ.

Что касается правъ и задачъ парламентовъ, то основнымъ правомъ парламента являются его бюджетныя полномочія, право принятія или отклоненія государственной росписи либо налоговъ. Первоначально въ Англіи парламентъ вообще созывался королемъ только тогда, когда послѣднему нужны были новые налоги, и право отказывать въ этихъ налогахъ и было тѣмъ средствомъ, при помощи котораго парламентъ добился всѣхъ остальныхъ своихъ правъ. Уже при Генрихѣ IV, въ 1407 году, палатѣ общинъ удается провести тотъ принципъ, что всѣ законы объ ассигнованіи денежныхъ средствъ должны быть представляемы на ея разсмотрѣніе, а затѣмъ она завоевываетъ право исключительнаго утвержденія ассигнованій. При перемѣнахъ въ соотношеніи дѣйствующихъ въ государствѣ силъ, въ постоянно возобновляемой борьбѣ противъ короны, она пользуется затрудненіями этой послѣдней. Она слишкомъ хорошо знаетъ, что безъ денегъ управлять нельзя. Разъ ассигнованіе денежныхъ средствъ зависитъ отъ парламента, то безъ этого послѣдняго корона ничего не въ состояніи дѣлать; безъ денегъ ей неоткуда взять солдатъ и, значить, безъ парламента она и войнъ вести не можетъ. Опираясь на это, парламентъ выговорилъ себѣ, напр., въ 1628 году, когда предстояла война между Франціей и Англіей, права такъ называемой «Petition of Right». Двѣнадцатью годами позже, въ 1640 году, когда Карль I, бывшій одновременно также и королемъ Шотландіи, собирался вступить въ борьбу со своими возмущившимися шот-

ландцами, англійскій парламентъ снова заявилъ: «Прежде чѣмъ ассигновать тебѣ на это деньги, мы сведемъ съ тобой сначала наши счеты». Карль, который въ теченіе десяти лѣтъ безъ согласія парламента взималъ налоги, вынужденъ былъ признать незаконность такого образа дѣйствій, отмѣнить цѣлый рядъ мѣропріятій, предоставить новыя права и подписать смертный приговоръ канцлеру своему Страффорду; только послѣ этого получилъ онъ деньги. Затѣмъ произошла революція, которая ему самому стоила головы, но закончилась возстановленіемъ королевской власти. Когда же разразилась въ 1688 году вторая революція и призванъ былъ въ страну Вильгельмъ Оранскій, то и онъ также долженъ былъ признать за парламентомъ новыя права, прежде чѣмъ вступить на престоль. Въ 1689 году парламентъ издалъ законъ о мятежѣ, съ той оговоркой, что онъ всегда имѣетъ силу только на одинъ, годъ, какъ что, буде законъ этотъ однажды не былъ бы возобновленъ, солдаты въ Англии могли бы поднять мятежъ, оставаясь безнаказанными. Тѣмъ самымъ у короны отнята была возможность пользоваться арміей какъ орудіемъ въ борьбѣ противъ парламента.

Исторію англійскаго парламента, бывшаго первымъ большимъ общегосударственнымъ парламентомъ, можно раздѣлить на двѣ главныя фазы: первая изъ нихъ — это фаза борьбы парламента противъ королевской власти, т. е. борьба за все большее могущество парламента въ противовѣсъ коронѣ. Наслѣдованіе престола обусловлено протестантскимъ исповѣданіемъ наслѣдующаго. При всемъ томъ у короны все еще оставалась возможность большого вліянія. Въ 1701 году на престоль вступилъ домъ Вельфовъ.

Первый представитель ганноверской династии, Георгъ I, не умѣлъ даже говорить по англійски и мало заботился о государственныхъ дѣлахъ, довольствуясь тѣмъ, что время отъ времени прїѣзжалъ въ Англїю и получалъ свой доходъ. Только съ большимъ трудомъ освоился въ Англїи и Георгъ II. Иначе было съ третьимъ Георгомъ. Тотъ пожелалъ самъ быть своимъ собственнымъ государственнымъ канцлеромъ и сумѣлъ довести дѣло до возстанія и отложенія Соединенныхъ Штатовъ Америки. Но попытки его ослабить вліяніе парламента длились недолго. Въ 1780 году палата общинъ приняла резолюцію о томъ, что могущество короны возрастаетъ и должно быть уменьшено; посредствомъ цѣлаго ряда постановленій это и было достигнуто.

Съ теченіемъ времени, однако, палата общинъ точно такъ же превратилась въ палату привилегированныхъ слоевъ, какъ и палата лордовъ. Избирательное право было очень ограниченное, подача голосовъ — открытая; хоть она и не была введена какимъ-нибудь реакціоннымъ закономъ, а была унаслѣдована отъ среднихъ вѣковъ, когда никому и въ голову не приходило думать о тайномъ голосованіи, она все же стала орудіемъ ужаснѣйшей избирательной коррупціи и привела къ тому, что покупка голосовъ и выборы по приказу производились безъ всякаго стѣсненія¹⁾.

¹⁾ Несмотря на это, англичане лишь съ трудомъ отказались отъ открытой подачи голосовъ. Когда предположено было ввести тайное голосованіе, то противъ этого рѣшительно высказывались не только консерваторы, но и весьма либеральные и социалистически настроенные дѣятели, въ числѣ другихъ также и честный, выдающийся социалистъ-реформистъ Джонъ Стюартъ Милль. Онъ признавалъ недостойнымъ сво-

Точно также росла коррупція и въ парламентѣ, въ распоряженіи котораго, по мѣрѣ превращенія Англіи въ колониальную имперію, оказывалось для раздачи все большее количество хорошо оплаченныхъ должностей. И вотъ, начинается вторая фаза въ исторіи англійскаго парламентаризма: борьба за демократизацію народнаго представительства, и въ связи съ этимъ, борьба палаты общинъ противъ палаты лордовъ.

На значительномъ протяженіи девятнадцатаго столѣтія и отчасти даже еще въ двадцатомъ вѣкѣ англійское избирательное право было, въ общемъ, — сначала фактически, потомъ формально, — привилегированнымъ избирательнымъ правомъ, присвоеннымъ землевладѣнію, сельскому и городскому. Если оставить въ сторонѣ сильно сократившіяся мало-по-малу избирательныя правомочія городскихъ корпорацій и т. д., то избирательное право всегда было связано съ правомъ распоряженія земельнымъ имуществомъ, и всѣ реформы въ области избирательнаго права производились путемъ постепеннаго расширенія понятія землевладѣльца. Вначалѣ право голоса имѣли только лица, владѣвшія землей на правѣ полной собственности, затѣмъ присоединились къ нимъ арендаторы, сидѣвшіе на землѣ по праву наследственной аренды, позднѣе средніе и мелкіе арендаторы вообще и наниматели жилыхъ домовъ — у англичанъ преобладаютъ, вѣдь, дома, занимаемые

боднаго человѣка уклоняться отъ открытой подачи своего голоса. Тайное голосованіе введено было только въ 1872 году и то въ видѣ опыта, но съ тѣхъ поръ никогда уже не отменялось, потому что выяснилось, какія важныя преимущества съ нимъ сопряжены.

однимъ семействомъ, — и, наконецъ, избирательное право предоставлено было также и нанимателямъ комнатъ и частей таковыхъ, такъ что всякій, кто уплачивалъ 10 марокъ наемной платы еженедѣльно, становился избирателемъ, хотя бы онъ занималъ только полъ-комнаты. Но вплоть до міровой войны англійское избирательное право не имѣло характера права, присвоеннаго гражданамъ государства, какъ таковымъ. Съ формальной точки зрѣнія развитие шло тамъ въ обратномъ порядкѣ по сравненію съ Германіей и другими странами континента. Здѣсь избирательныя права появлялись въ качествѣ правъ, предоставляемыхъ гражданамъ государства, но очень часто подъ условіемъ уплаты извѣстнаго количества налоговъ и т. д. Въ Англійи же, напротивъ, участіе въ выборахъ было правомъ землевладѣльца либо представителя какой-нибудь корпораціи — правда, подъ условіемъ принадлежности ихъ къ числу англійскихъ гражданъ¹⁾.

На весьма характерномъ процессѣ борьбы за изби-

¹⁾ И это даже не было непремѣннымъ условіемъ. Когда я жилъ въ Лондонѣ, ко мнѣ явился однажды агентъ консервативной партіи и спросилъ, можно ли ему занести меня въ свой списокъ консервативныхъ избирателей. На мое заявленіе, что я — иностранецъ и не имѣю, поэтому, права участвовать въ выборахъ, онъ возразилъ, что, однако, я значусь въ спискѣ избирателей и такъ какъ юридически все въ порядкѣ — никто, вѣдь не заявилъ отвода противъ моего имени у избирательнаго комиссара, — то я тѣмъ самымъ являюсь избирателемъ и могу принять участіе въ выборахъ, яничѣмъ при этомъ не рискую. Мое возраженіе, что ошибка при составленіи списка не можетъ дать мнѣ права, по закону мнѣ не принадлежащаго, казалось ему, повидимому, невразумительнымъ, и только когда я объявилъ ему, что я къ тому же вовсе не консерваторъ, а социалистъ, онъ со мной распрощался.

рательную реформу въ Англіи мы здѣсь останавливаться не можемъ. Въ связи съ занимающей насъ сейчасъ темой существенно отмѣтить, что въ XIX столѣтіи вслѣдъ за первой большой избирательной реформой на очередь дня вновь выдвигается также и борьба противъ парламентскаго вліянія палаты лордовъ. Эта избирательная реформа, вырванная въ 1832 году у долго сопротивлявшейся палаты лордовъ, слѣдствіемъ своимъ имѣла появленіе въ палатѣ общинъ подавляющаго либеральнаго большинства (486 либераловъ противъ 172 консерваторовъ) и повела, въ силу этого, къ сильному измѣненію во взаимоотношеніяхъ обѣихъ палатъ парламента. Съ начала восемнадцатаго вѣка, послѣ упроченія власти парламента, политическое господство въ Англіи доставалось поочередно партіи виговъ и партіи торіевъ. Обѣ были аристократическими партіями, партіями имущихъ, въ существѣ дѣла представляли собою только два большихъ союза или двѣ категоріи аристократовъ и представителей крупной буржуазіи. Политическое различіе между ними было невелико. Виги по традиціи были до извѣстной степени партіей прогресса, они хотѣли быть партіей жизнеспособной новизны и были нарочитыми адвокатами крѣпнущей буржуазіи. Тори, первоначально приверженцы династіи Стюартовъ, сложились въ такъ называемую партію установлений, королевской власти вообще, наслѣдственной аристократіи, государственной церкви, упроченнаго землевладѣнія и такъ далѣе. Таковы были принципиальныя расхожденія. На практикѣ они сильно стусеивались, потому что рѣшающее слово въ обѣихъ партіяхъ одинаково принадлежало представителямъ высшаго слоя иму-

щихъ классовъ; впоследствии сложился по этому поводу стишокъ, авторомъ котораго былъ, какъ я полагаю, поэтъ Байронъ:

«Strange that such difference should be
Twixt Tweedledum and Tweedledee»,

что по-нѣмецки можетъ быть выражено примѣрно слѣдующимъ образомъ:

«Ein mächt'ger Unterschied, Potz Blitz!
Von Prudelwitz und Strudelwitz»¹⁾.

Во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія и въ первую треть девятнадцатаго обѣ партіи приблизительно уравнивали другъ друга какъ въ палатѣ лордовъ, такъ и въ палатѣ общинъ, а если въ палатѣ общинъ у виговъ оказывалось значительное большинство, то несоотвѣтствіе исправлялось посредствомъ назначенія новыхъ паровъ. Но послѣ большой избирательной реформы этого уже больше нѣтъ. Въ палатѣ лордовъ совершается сильный отливъ изъ лагеря виговъ къ торіямъ и эти послѣдніе получаютъ, въ концѣ концовъ, такое большинство, что назначеніе новыхъ паровъ сколько-нибудь существенно отразиться на немъ уже не могло: для этого пришлось бы назначать по нѣскольку сотъ человѣкъ, что въ законномъ порядкѣ было неосуществимо. Къ серединѣ вѣка дошло уже до того, что торіи — именовавшіеся

¹⁾ По русски англійское двустишіе можно передать примѣрно такъ:

«Что за разница, глядимъ,
Межъ порожнимъ и пустымъ».

Прим. перев.

теперь консерваторами — среди 500 членов палаты лордов насчитывали приблизительно 400 сторонников, либералы же только до 100. Так продолжалось и в дальнейшем, после того как в 1866 году вторая избирательная реформа предоставила избирательные права многим разрядам городских рабочих и либеральная партия постепенно радикализировалась под влиянием коалиции с рабочим классом. Тогда еще сильнее стала для либералов и радикалов потребность перенести центр тяжести и решающее влияние на ход политики — в палату общин. Большим шагом в этом направлении был сделан уже в 1861 году, когда Гладстон провел решение, согласно которому палата лордов должна голосовать не отдельные статьи государственной росписи, а весь бюджет в целом: практически это означало лишение палаты лордов вообще всякого воздействия на бюджет, так как для партии охраны государственного порядка, каковой признают себя консерваторы, пользование революционным приемом отклонения бюджета из-за отдельных разногласий представляется прямо-таки недопустимым.

Один только раз сделали лорды попытку в этом смысле — и больно за нее заплатились. В 1908 году они отклонили бюджет Ллойд-Джорджа, бывшего тогда канцлером казначейства, мотивируя это тем, что включенный в бюджет налоговый закон был не просто финансовым мероприятием, а делом социальным переворотом, что до известной степени было справедливо. На этой почве возникла ожесточенная политическая борьба, вызвавшая необходимость неоднократного производства но-

выхъ выборовъ въ парламентъ; вслѣдствіе разыгравшейся одновременно борьбы по вопросу объ ирландскомъ гомрулѣ, выборы протекали для либераловъ въ особо трудныхъ условіяхъ, но все же, въ концѣ концовъ сохранили за ними большинство, хотя и не особенно значительное. Въ 1911 году былъ заключенъ компромиссъ, согласно которому, если парламентъ, въ предѣлахъ одной легислатуры, трижды — съ промежуткомъ всякій разъ въ одинъ годъ — приметъ одинъ и тотъ же законопроектъ, то послѣдній становится закономъ хотя бы и противъ воли палаты лордовъ. Въ силу этого въ Англии палата общинъ окончательно добилась верховенства. Въ настоящее время палата лордовъ исполняетъ лишь весьма ограниченную функцію своего рода контрольной инстанціи и едва ли и стремится играть болѣе крупную роль. Она требуетъ для себя только возможности, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, добиваться непосредственнаго народнаго голосованія въ формѣ новыхъ выборовъ — въ тѣхъ случаяхъ, когда она приходитъ къ убѣжденію, что палата общинъ вышла далеко за предѣлы мандата, полученнаго ею при выборахъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время палата общинъ почти суверенна. Корона сохраняетъ только вліяніе посредника и совѣтника и даже въ вопросахъ внѣшней политики ничего не можетъ провести противъ опредѣленно выраженной воли палаты общинъ.

По слѣдующимъ причинамъ продолжаютъ англичане придерживаться монархическаго начала. Во-первыхъ, въ теченіе ряда поколѣній ни одинъ носитель короны не доводилъ дѣла до конфликта съ парламентомъ. Происходили они изъ чужеземныхъ

династій и, сознавая это, соблюдали тѣмъ большую сдержанность. Было высчитано, что въ жилахъ Эдуарда VII текла приблизительно только одна семитысячная доля англійской крови. Династія ведетъ свое происхожденіе изъ Германіи, и принцы ея почти всегда вступали въ бракъ съ нѣмками. Въ Германіи принцессъ, вѣдь, былъ богатѣйшій выборъ. Если прочесть имена англійскихъ принцевъ и ихъ титулы, то окажется, что почти всѣ они нѣмецкаго происхожденія. Это — ганноверцы, брауншвейгцы, шлезвигцы, кобуржцы и т. д. Вслѣдствіе этого они во внутренней политикѣ неопасны. Зато носитель короны составляетъ противовѣсъ опасностямъ и эксцессамъ партійнаго владычества. Онъ — представитель интереса, стоящаго выше частныхъ интересовъ партій. Партіямъ всегда грозитъ опасность, подъ вліяніемъ естественнаго стремленія къ самосохраненію, забыть или даже нарушить общіе интересы страны. Напротивъ, носителя короны преемственность его званія ограждаетъ отъ такого рода поползновеній. Преемственность эта даетъ ему, поскольку дѣйствія его соотносятся съ требованіями такта, большой моральный перевѣсъ. Онъ стоитъ въ средоточіи особенно иностранной политики. Къ нему поступаютъ донесенія пословъ, и отъ него же исходитъ назначеніе этихъ послѣднихъ. Правда — по предложенію подлежащаго министра, противъ министерства онъ пойти не можетъ; даже министровъ онъ не можетъ выбирать по своему желанію. Когда Гладстонъ въ 1880 году побѣдилъ консервативную партію и у кормила правленія стали либералы, королева Викторія изво всѣхъ либеральныхъ вождей меньше всего именно его хотѣла видѣть на посту премьеръ-министра, по-

тому что ненавидѣла въ его лицѣ успѣшнаго соперника Дизраэли-Биконсфильда, котораго высоко цѣнила. Она приложила поэтому всѣ старанія къ тому, чтобы достать другого либеральнаго премьеръ-министра. Но это оказалось невозможнымъ. Всѣ тѣ либеральные дѣятели, къ которымъ она могла въ этомъ случаѣ обратиться, заявляли ей, по предварительномъ опросѣ единомышленниковъ, что не имѣютъ возможности образовать министерство и что она должна взять Гладстона, потому что его желаетъ сложившееся въ парламентѣ большинство. И Викторія подчинилась.

Вообще же, назначенія проходятъ черезъ руки монарха, приобретающаго въ силу этого чрезвычайно обширное знаніе лицъ. И еще въ одномъ отношеніи положеніе его представляло особыя преимущества. Пока на континентѣ преобладала монархическая форма правленія, онъ состоялъ въ личныхъ отношеніяхъ съ соответственными монархами и окружавшей ихъ средой и располагалъ, такимъ образомъ, особыми источниками освѣдомленія. Если при этомъ онъ былъ человѣкомъ умнымъ и умѣлымъ, какъ, напр., Эдуардъ VII, котораго въ Германіи до вступленія его на престолъ въ значительной степени недооцѣнивали, тогда онъ могъ оказывать своей странѣ большія услуги и быть дѣйствительно цѣннымъ совѣтникомъ для министровъ. Вопросъ о томъ, былъ ли Эдуардъ VII на самомъ дѣлѣ тѣмъ поборникомъ предшествовавшаго войнѣ окруженія Германіи, какимъ его здѣсь въ свое время считали, я оставляю открытымъ; къ тому же, я держусь того взгляда, что окруженія, въ томъ смыслѣ, какой здѣсь имѣется въ виду, и вообще-то не было. Положеніе Германіи

во время этого такъ называемаго окруженія оставалось вполнѣ благополучнымъ и скорѣе можно было бы сказать, что, въ сущности, Германія, т. е. ея тогдашнее правительство, само сомкнуло вокругъ себя кольцо; но это вопросъ второстепенный. Съ англійской точки зрѣнія, Эдуардъ VII оказывалъ весьма успѣшное содѣйствіе мирному улаженію международныхъ осложненій, въ которыя вовлекалась его страна, и почитатели присвоили ему, послѣ его смерти, наименованіе «миротворца».

Но вѣрнаго средства противъ эксцессовъ парламента въ коронѣ видѣть нельзя. Англичане сохраняютъ монархію, потому что въ ходѣ новѣйшей ихъ исторіи она оправдала себя и носители короны въ рядѣ послѣднихъ поколѣній были достаточно умны, чтобы не выдвигаться на первый планъ, и только въ такихъ случаяхъ возвышали свой голосъ, когда знали, что нація дѣйствительно на ихъ сторонѣ.

Съ господствомъ парламента связанъ, безъ сомнѣнія, рядъ опасностей, какъ это въ Англійи обнаружилось уже въ восемнадцатомъ столѣтіи. Вошедшая въ пословицу продажность тогдашнихъ парламентовъ происхожденіемъ своимъ обязана министру-вигу Роберту Вальполю (1676—1745), который лично былъ совершенно безупреченъ, но считалъ подкупы необходимыми по политическимъ соображеніямъ. При преемникахъ его зло разрослось все шире и шире. Чѣмъ больше оказывалось въ распоряженіи правительства должностей для раздачи — а въ колониальной державѣ, какъ Англія, ихъ становилось все больше — тѣмъ дальше распространялась продажность. Долгое время держалось одностороннее партійное владычество, пренебрегавшее общимъ бла-

гомъ; проведено было также немало плохихъ законовъ. Не слѣдуетъ тутъ, однако, умалчивать о томъ, что личный режимъ неоднократно оказывался ни на волосъ лучше. Режимъ этотъ, съ сопряженнымъ съ нимъ хозяйничаньемъ чиновничества, точно также не ограждаетъ отъ случайностей всякаго рода. Какъ бы ни относиться въ принципѣ къ монархической системѣ правленія, никто не станетъ, вѣдь, отрицать, что въ наше время въ одинъ очень важный, роковой для германскаго народа моментъ — не стану говорить здѣсь, по какимъ причинамъ — носитель короны оказался не на высотѣ положенія. И столь же мало можетъ служить средствомъ противъ изъяновъ парламентскаго строя и наслѣдственная либо сословная палата.

Съ другой стороны, злѣйшіе недостатки, которые ставятся въ упрекъ парламентскому господству, фактически относятся къ тому времени, когда парламентъ избирался на основѣ ограниченного избирательнаго права и былъ палатою привилегированныхъ слоевъ. Англійскій парламентъ, въ сущности, только въ послѣднюю треть девятнадцатаго столѣтія утратилъ характеръ парламента, зиждущагося на привилегіяхъ. Вплоть до 1858 года депутатъ долженъ былъ еще владѣть недвижимостью въ городѣ или въ сельской мѣстности, и притомъ землевладѣніе должно было давать ему довольно солидный доходъ. Сходное положеніе было и во Франціи до 1848 года. Въ эпоху великой революціи, послѣ паденія Робеспьера, избирательное право шагъ за шагомъ ограничивается, Наполеономъ I по видимости возстанавливается, на дѣлѣ же грубо искажается — палата низводится на уровень парламента мамелюковъ. Въ

реставрированной Франці Бурбоновъ только 100 000 гражданъ имѣютъ право голоса, а буржуазно-королевское правленіе, установившееся въ 1830 году въ итогѣ іюльской революціи, увеличиваетъ число это до цѣлыхъ 250 000 при населеніи, насчитывавшемъ свыше 30 милліоновъ. Это попрежнему былъ, слѣдовательно, парламентъ господствующихъ классовъ. Но это не значить, что съ того момента, какъ парламентъ былъ демократизированъ, всѣ изьяны тотчасъ же исчезли. Нѣтъ, много недостатковъ присуще на первыхъ порахъ также и парламенту всеобщаго избирательнаго права. Въ монархической странѣ правительство обладаетъ различнѣйшими средствами для того, чтобы дѣлать выборы. До тѣхъ поръ, пока во власти правительства распустить парламентъ, буде это покажется удобнымъ (напримѣръ, въ такой моментъ, когда народъ находится въ состояніи особеннаго возбужденія по поводу опредѣленнаго событія), до тѣхъ поръ правительство можетъ достигать, до извѣстной степени, искусственныхъ результатовъ выборовъ. Въ Англіи въ 1900 г., во время бурской войны, министръ Чемберленъ распустилъ парламентъ и получилъ блестящее большинство. Это были такъ называемые «хаки»-выборы — прозванные такъ по обмундированію хаки англійскихъ солдатъ. Въ Германіи такіе хаки-выборы бывали нѣсколько разъ. Таковы были выборы 1887 года, когда большую роль сыгралъ искусственно вызванный страхъ передъ французами, и таковы же были выборы 1907 года, во время которыхъ воспользовались для агитаціи возстаніемъ гереро — выборы эти получили поэтому названіе «готтентотскихъ выборовъ». Сюда же относятся и выборы 1878 года,

когда Бисмаркъ, вслѣдъ за покушеніемъ Карла Нобилинга на Вильгельма I, распустилъ парламентъ для того, чтобы добиться исключительнаго закона противъ соціалъ-демократіи. Въ этомъ случаѣ страхъ передъ соціалистами послужилъ средствомъ, позволившимъ правительству получить такое большинство, какое было ему нужно. Такимъ образомъ, и всеобщее избирательное право само по себѣ не является еще средствомъ обезпечить независимость парламента. Но, съ другой стороны, та критика, которой подвергался до сихъ поръ парламентаризмъ, — поскольку дѣло касается Европы, — справедлива лишь условно: именно, поскольку мишенью ея служить такой парламентаризмъ, гдѣ парламентъ не сталъ еще полноправнымъ органомъ достигшей демократическаго самоуправленія страны, гдѣ парламентаризмъ былъ лишь мнимымъ парламентаризмомъ, либо не успѣлъ еще освободиться отъ остатковъ таковаго. Этотъ мнимый парламентаризмъ превосходно живописуетъ Фердинандъ Лассаль во второй части своей работы о конституціонномъ режимѣ (отмѣченной мною въ одной изъ предыдущихъ главъ). Лассаль отнюдь не былъ противникомъ подлиннаго парламентаризма. Напротивъ, онъ проповѣдывалъ рабочимъ необходимость добиться, въ цѣляхъ его установленія, всеобщаго избирательнаго права. Въ упомянутой работѣ встрѣчается, между прочимъ, такая фраза: «Какъ будто бы не въ парламентарномъ режимѣ и только въ немъ одномъ и состоитъ въ дѣйствительности сущность истинно конституціоннаго правленія». Онъ объявляетъ борьбу за парламентъ дѣломъ исключительной важности и внушаетъ рабочимъ необходимость введенія всеобщаго избира-

тельного права, о которомъ восклицаетъ въ «Открытомъ отвѣтномъ письмѣ»: всеобщее голосованіе — не только политическій, но и «основной соціальный принципъ рабочихъ», «основное условіе всякаго соціального исцѣленія». А въ другомъ мѣстѣ онъ относительно избирательнаго права заявляетъ: «Будутъ неудачи разь-другой—это не волшебная палочка, но это копьѣ, исцѣляющее нанесенную имъ рану».

Въ ту эпоху, когда выступалъ Лассаль, все это стояло въ полномъ противорѣчій съ воззрѣніями многихъ соціалистовъ. Въ радикально-революціонныхъ соціалистическихъ кругахъ отношеніе къ парламентаризму было отрицательное, вслѣдствіе того, что избирательное право оказалось-де силой консервативной — исходили при этомъ изъ недоказательнаго примѣра Франціи; въ этихъ кругахъ лелѣжали мысль — путемъ уличной революціи овладѣть той властью, какая была имъ нужна, чтобы силой, въ порядкѣ диктатуры, измѣнить политику страны и ея соціальное устройство. Такихъ взглядовъ держался, въ числѣ прочихъ, и Вильгельмъ Либкнехтъ, память котораго высоко чтитъ нѣмецкая соціаль-демократія, справедливо видя въ немъ своего заслуженнаго передоваго бойца. Либкнехтъ читалъ въ Берлинѣ 31 мая 1869 года докладъ о политической позиціи соціаль-демократіи; при этомъ онъ не только рѣзко полемизировалъ противъ той оцѣнки всеобщаго избирательнаго права, которую внушалъ рабочимъ Лассаль, но и возставалъ противъ участія въ парламентской работѣ. Парламентаризмъ — обманъ и лицемеріе. Соціализмъ, доказывалъ онъ, стоитъ въ непримиримомъ противорѣчій со старымъ государствомъ. Старое государство должно быть сначала разрушено,

тогда только можно будет приступить къ созиданію новаго соціалистическаго общества. По мнѣнію Либкнехта, нужно, правда, разъ уже избирательное право существуетъ, принимать участіе въ избирательной борьбѣ — изъ соображеній агитаціонныхъ, нужно вступать въ парламентъ, но только для того, чтобы произносить протестующія рѣчи и дальше отнюдь не принимать участія въ преніяхъ. Для этого возрѣнія, соотвѣтствующаго опредѣленной фазѣ въ развитіи соціалистическаго движенія и особенно широкимъ распространеніемъ пользовавшагося во Франціи, весьма характерно слѣдующее мѣсто въ брошюрѣ Либкнехта:

«При обсужденіи устава о промышленности, бывшаго главнымъ предметомъ занятій настоящей сессіи, нѣкоторые изъ моихъ товарищей по партіи полагали, что тутъ въ интересахъ рабочихъ и для цѣлей пропаганды слѣдуетъ сдѣлать исключеніе. Я былъ противъ этого. Соціаль-демократія ни при какихъ обстоятельствахъ и ни въ какой области не должна вести переговоровъ съ противниками. Переговоры вести можно только тамъ, гдѣ имѣется общая почва. Вести переговоры съ принципиальными противниками значитъ пожертвовать своимъ принципомъ. Принципы недѣлимы, они или цѣликомъ соблюдаются, или цѣликомъ приносятся въ жертву. Малѣйшая принципиальная уступка является отказомъ отъ принципа. Кто приступаетъ къ переговорамъ съ врагами, тотъ выступаетъ парламентомъ; кто выступаетъ парламентомъ, тотъ вступаетъ въ соглашеніе».

Впослѣдствіи Либкнехтъ, которому было лишь сорокъ три года, когда онъ читалъ этотъ докладъ,

пришелъ къ другому убѣжденію; но уже и въ то время аргументація его, ложность которой очевидна, успѣха не имѣла. Побѣдило воззрѣніе тѣхъ его товарищей, о которыхъ онъ упоминаетъ въ приведенномъ отрывкѣ и наиболѣе значительнымъ изъ которыхъ былъ Августъ Бебель. Въ то время Либкнехтъ считался въ Германіи призваннымъ выразителемъ идей Карла Маркса и Фридриха Энгельса, вмѣстѣ съ которыми онъ до того жилъ въ изгнаніи въ Англіи. Но ни Марксъ, ни Энгельсъ не были согласны съ такимъ трактованіемъ вопроса. Прочтя докладъ, Марксъ написалъ Энгельсу 10-го августа 1869 года:

«Напечатанная въ приложеніи рѣчь Вильгельма (произнесенная въ Берлинѣ) («Политическая позиція соціаль-демократіи»), при всѣхъ ея ошибкахъ, свидѣтельствуемъ о безспорномъ умѣннн повернуть дѣло на свой ладъ. Впрочемъ, это выходитъ очень хорошо. Такъ какъ рейхстагомъ слѣдуетъ пользоваться только какъ средствомъ агитаціи, то не слѣдуетъ никогда агитировать тамъ за что-либо осмысленное и непосредственно касающееся интересовъ рабочихъ!»

Энгельсъ же еще 9-го іюля писалъ Марксу по поводу того же доклада:

«Что за точка зрѣнія у Вильгельма — нельзя отъ нынѣшняго государства ни принимать, ни вырывать уступокъ рабочимъ. Многого же добьется онъ съ этимъ у рабочихъ».

Отцы научнаго соціализма доктринерской точки зрѣнія Либкнехта, слѣдовательно, не раздѣляли. Тѣмъ не менѣе, и они во многихъ отношеніяхъ все еще близко къ нему подходили. Они тоже не думали

еще о настоящей парламентской дѣятельности социаллистовъ. Однако, по мѣрѣ того, какъ развитіе шло впередъ, они со все возрастающимъ интересомъ относились и къ парламентской борьбѣ германской социаль-демократіи. Интересно слѣдить за тѣмъ, какъ шагъ за шагомъ оба эти крупныхъ мыслителя и духовныхъ вождя приходили къ новой оцѣнкѣ дѣятельности рабочаго класса въ парламентѣ; впоследствии, отчасти подъ ихъ вліяніемъ, то же самое совершилось и въ лагерѣ французскихъ социаллистовъ, гдѣ старая революціонистская традиція въ гораздо большей еще степени сохраняла власть надъ умами.

Но если Фридрихъ Энгельсъ, который пережилъ Карла Маркса, въ 1895 году, наклонѣ дней своихъ, въ написанномъ имъ предисловіи къ работѣ Маркса: «Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 гг.», въ болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ когда-либо раньше, высказывалъ свое одобреніе тому, что социаль-демократія въ Германіи воспользовалась всеобщимъ избирательнымъ правомъ не только для проведенія социаль-демократическихъ кандидатовъ, но и для дѣятельности въ парламентахъ, какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ ландтагахъ и общинныхъ представительствахъ, — то по этому поводу слѣдуетъ все же замѣтить, что безоговорочное признаніе это все еще — если можно такъ выразиться — не идетъ дальше количественной стороны дѣла: Энгельсъ имѣлъ при этомъ въ виду внѣшніе агитаціонныя успѣхи, тотъ фактъ, что все большее число социаль-демократовъ проникало въ эти учрежденія, получая тамъ возможность оказывать все большее и большее давленіе на правительства и буржуазныя партіи; но онъ оставлялъ безъ вниманія гегелево слово:

«Количество становится качеством», то-есть то, что увеличившееся число представителей отражается на самомъ существѣ ихъ дѣятельности. Да и трудно было ему оцѣнить эту сторону дѣла, потому что невозможно было, находясь за-границей, вникать должнымъ образомъ въ работу социаль-демократическихъ представительствъ, въ работу, которая, къ тому же, въ разныхъ представительныхъ учрежденіяхъ складывалась по-разному. Общимъ явленіемъ былъ, однако, тотъ фактъ, что тамъ, гдѣ развивала парламентскую дѣятельность сильно разросшаяся социалистическая фракція, дѣятельность эта и въ чисто качественномъ отношеніи измѣняла свой характеръ. При наличности десяти или немногимъ больше депутатовъ, словамъ ихъ въ такомъ парламентѣ, какъ германскій рейхстагъ съ его 397 членами, придають не особенно большое значеніе. Ихъ рѣчи выслушиваются, порой онѣ внушаютъ уваженіе, но необходимости считаться съ ихъ требованіями нѣтъ. Но когда одну и ту же партію представляютъ въ такомъ парламентѣ 100 депутатовъ — послѣдняя при жизни Энгельса цифра не достигала и половины того — или 112 (послѣдняя цифра до войны), то-есть болѣе четверти общаго числа депутатовъ, то при извѣстныхъ условіяхъ отъ ихъ голосовъ зависитъ уже чрезвычайно много; они приобрѣтаютъ большее вліяніе и матеріальное, и моральное. Но одновременно съ тѣмъ возникаетъ передъ ними, просто въ силу приобрѣтеннаго ими вѣса; въ силу наличнаго распредѣленія силъ, необходимость гораздо болѣе интенсивной дѣятельности, все болѣе и болѣе положительнаго сотрудничества въ дѣлѣ законодательства и — поскольку

рѣчь идетъ объ общинныхъ и иныхъ органахъ самоуправленія — въ дѣлѣ управленія. Не всѣмъ представителямъ социаль-демократіи пришлось это по вкусу. Многіе изъ рядовъ старшаго поколѣнія, а также и немалое количество именно молодыхъ членовъ партіи считали нужнымъ держаться старой тактики, и такимъ образомъ парламентская дѣятельность и съ точки зрѣнія качественного своего характера стала предметомъ споровъ въ социаль-демократическихъ кругахъ.

Въ Германіи это по разнымъ поводамъ приводило къ бурнымъ преніямъ въ рядахъ партій. Первый такой случай имѣлъ мѣсто послѣ паденія закона противъ социалистовъ, въ Баваріи, гдѣ сложилось такое положеніе, что отъ голосовъ социаль-демократовъ — тогда во главѣ ихъ еще стоялъ Георгъ фонъ-Фольмаръ — зависѣлъ перевѣсъ въ ландтагѣ, и гдѣ социаль-демократы, ради увеличенія своего вліянія, стали на выборахъ, да и при другихъ обстоятельствахъ, дѣлать большія уступки определеннымъ не-пролетарскимъ социальнымъ группамъ, нежели то казалось допустимымъ согласно социалистической теоріи, какъ ее привыкли понимать въ прежнее время. Въ особенности относилось это къ уступкамъ по адресу крестьянъ, играющихъ въ Баваріи особенно большую роль. Это вызвало крупныя разногласія въ рядахъ социаль-демократіи и въ 1894 году, на партійномъ съѣздѣ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, подало поводъ къ очень оживленнымъ дебатамъ, продолжавшимся съ новой силой годъ спустя, на съѣздѣ въ Бреславлѣ, гдѣ они заняли нѣсколько дней. Дѣло касалось всего комплекса вопросовъ, связанныхъ съ аграрной проблемой, но

практически клонившихся къ выясненію той позиціи, какую надлежало занять въ частности по отношенію къ крестьянамъ: слѣдуетъ ли вообще поддерживать въ нихъ надежду на какую-либо будущность, и возможно ли становиться на сторону имущихъ мелкихъ крестьянъ, не нанося тѣмъ самымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, ущерба сельско-хозяйственнымъ рабочимъ. Становилось яснымъ, что одними только болѣе или менѣе общими — или къ общимъ положеніямъ сводящимися — лозунгами социаль-демократія болѣе обходиться не можетъ, что она вынуждена, напротивъ, вникать глубже въ природу и проблемы экономическаго развитія.

Необходимость эта была тѣмъ болѣе настоятельна, что въ одномъ парламентѣ за другимъ голоса социаль-демократовъ пріобрѣтали съ этого времени такое значеніе, которое на нихъ возлагало подчасъ отвѣтственность за отклоненіе того или иного законодательнаго предположенія, внесеннаго правительствомъ, тѣхъ или иныхъ проектовъ либо резолюцій, предложенныхъ какой-нибудь партіей. Въ теченіе долгаго времени представители социаль-демократіи могли спокойно отвергать всякое законодательное предположеніе либо проектъ, въ которыхъ имъ то-либо не правилось. Не отъ ихъ голосовъ зависѣло, станетъ ли проектъ закономъ или нѣтъ. Но съ ростомъ ихъ силы и значенія, это пріятное состояніе безотвѣтственности прекратилось. Теперь приходилось задумываться надъ тѣмъ, можно ли, допустимо ли брать на себя отвѣтственность за возможную неудачу законодательныхъ работъ.

Больше того: въ одномъ государствѣ, представлявшемъ собою парламентарную республику, случилось,

что во время большого политическаго кризиса социалистъ, до того бывшій однимъ изъ вождей социалистической фракціи палаты, принялъ постъ въ составѣ правительства, то-есть сталъ министромъ. Государствомъ этимъ была Франція, политическимъ дѣятелемъ, о которомъ идетъ тутъ рѣчь, — Александръ Мильеранъ; въ 1900 году, когда борьба между республикой и антиреспубликанскими партіями достигла большой остроты, онъ далъ склонить себя къ вступленію въ министерство Комба. Это послужило поводомъ необычайно бурныхъ пререканій, нашедшихъ отголосокъ во всѣхъ странахъ; гдѣ только были социалистическія партіи, а въ самой Франціи приведшихъ къ расколу партіи. Вслѣдъ за тѣмъ вопросъ былъ подвергнутъ обстоятельному разсмотрѣнію на конгрессѣ вновь возродившагося социалистическаго Интернаціонала, собравшагося въ Парижѣ во время всемірной выставки 1900 года. Одно крыло французскихъ социалистовъ, вождемъ котораго былъ великій Жанъ Жоресъ, хотя и возражало противъ той формы, въ какой состоялось вступленіе Мильерана въ кабинетъ — оно послѣдовало не въ результатѣ тщательно подготовленнаго рѣшенія партіи, а было ей прямо-таки навязано, — но по существу признавало его, при данной обстановкѣ, умѣстнымъ; напротивъ, другое крыло — представителей его называли марксистами или, по имени вождя ихъ Жюля Гэда, гэдистами — усматривало здѣсь недопустимое нарушеніе принциповъ пролетарской классовой борьбы. Произошли страстныя и весьма интересныя пренія, въ заключеніе же 29 голосами противъ 9 (въ числѣ послѣднихъ голосовала фракція гэдистовъ) принята была компромиссная резолюція, въ выра-

боткѣ которой принималъ участіе выдающійся теоретикъ Карль Каутскій, выступившій также и докладчикомъ отъ имени соответствующей комиссіи; резолюція получила поэтому наименованіе резолюціи Каутскаго. Она очень важна для тогдашняго отношенія социалистовъ не только къ парламентской борьбѣ, но и къ формированію правительства, и заслуживаетъ поэтому дословнаго воспроизведенія. Она гласитъ такъ:

«Завоеваніе политической власти пролетаріатомъ въ современномъ демократическомъ государствѣ не можетъ быть достигнуто однимъ ударомъ, но можетъ явиться лишь завершеніемъ длительной и трудной работы въ области политической и экономической организациі пролетаріата, его физическаго и нравственнаго возрожденія и постепеннаго завоеванія избирательныхъ мандатовъ въ общинныхъ представительствахъ и законодательныхъ учрежденіяхъ.

«Но завоеваніе правительственной власти, тамъ, гдѣ она централизована, не можетъ происходить по частямъ. Вступленіе отдѣльнаго социалиста въ буржуазное министерство не можетъ разсматриваться какъ нормальная начальная стадія въ процессѣ завоеванія политической власти, а всегда можетъ быть только преходящей мѣрою, примѣняемой, въ видѣ исключенія, въ обстоятельствахъ, не допускающихъ иного исхода.

«Имѣются ли, въ томъ или иномъ конкретномъ случаѣ, обстоятельства такого рода налицо, или нѣтъ, это вопросъ тактики, а не принципа. Объ этомъ конгрессъ судить не можетъ. Но, во всякомъ случаѣ, опасный экспериментъ этотъ только тогда можетъ принести пользу, если онъ одобренъ сплю-

ченной партійной організаціей и соціалистической министръ является и остается мандатаромъ своей партіи.

«Если же соціалистической министръ становится независимъ отъ своей партіи, если онъ перестаетъ быть мандатаромъ своей партіи, то его вступленіе въ министерство изъ средства усиленія пролетаріата превращается въ средство его ослабленія, изъ средства, благопріятствующаго завоеванію политической власти, въ средство, его замедляющее».

«Конгрессъ заявляетъ, что соціалистъ долженъ выйти изъ буржуазнаго министерства, если организованная партія признаетъ, что оно обнаружило пристрастіе въ экономической борьбѣ между капиталомъ и трудомъ».

Это было въ 1900 году. Въ Германіи оживленныя пренія по поводу сходнаго вопроса велись въ 1902 и 1903 гг., причемъ обстоятельства этого послѣдняго года вновь вызвали интернаціональный откликъ.

Послѣ крупнаго успѣха германской соціаль-демократіи на выборахъ 1903 года, успѣха, вызвавшаго всеобщее изумленіе (число собранныхъ партіей избирательныхъ голосовъ сразу поднялось съ неполныхъ двухъ до трехъ милліоновъ, не взирая на то, что тогдашнее избирательное право было еще нѣсколько ограниченнымъ; количество соціаль-демократическихъ депутатовъ въ рейхстагѣ достигло 81), высказана была мысль — могу спокойно сообщить, что она была высказана мною, — мысль о томъ, что соціаль-демократія, имѣющая теперь право быть представленною въ президіумѣ рейхстага, должна согласиться на замѣщеніе поста вице-президента ея представителемъ, не отступая даже и передъ тѣмъ,

что вице-президентъ этотъ обязанъ былъ бы, согласно тогдашнему обычаю, принять участіе въ формальномъ визитѣ, съ которымъ президіумъ рейхстага каждый годъ являлся къ монарху. Это вызвало въ партіи настоящую бурю и, вмѣстѣ съ другими, болѣе или менѣе родственными поводами, повело къ дебатамъ на съѣздѣ германской социаль-демократіи въ Дрезденѣ, въ томъ же 1903 году; здѣсь обсужденію подверглись всѣ, волновавшіе движеніе, вопросы; вопросы эти не то, что свидѣтельствовали о «поворотѣ» въ тактикѣ партіи — фактически партія успѣла уже вступить на путь развитія, ведшій ко все большей ея парламентаризаціи; но отвѣтъ на эти вопросы въ духѣ реформистской политики явился бы, быть можетъ, нѣсколько преждевременнымъ фиксированіемъ этого развитія. Обсужденію доводовъ, выдвигавшихся представителями этого направленія, которое называли тогда р е в и з і о н и з м о мъ, посвящены были многодневныя пренія на съѣздѣ, и въ центрѣ ихъ стоялъ вопросъ о парламентской политикѣ. Въ заключеніе значительнымъ большинствомъ принята была резолюція, отвергавшая ревизионизмъ: лишь немногіе голосовали противъ нея, тогда какъ большинство членовъ партіи, считавшихся ревизионистами, почли нужнымъ и самимъ голосовать за эту резолюцію, чтобы показать, что на свой счетъ они ее не принимаютъ. Нѣтъ надобности приводить здѣсь текстъ резолюціи, потому что уже въ слѣдующемъ — 1904-мъ — году она подверглась обсужденію на международномъ социалистическомъ конгрессѣ, состоявшемся въ Амстердамѣ.

На этомъ социалистическомъ конгрессѣ крыло, называвшее себя «марксистскимъ», пожелало распро-

странить силу дрезденской резолюции на весь Интернациональ и внесло соотвѣтствующее предложеніе. Противниками его были жоресистская фракція французскихъ социалистовъ и различныя социалистическія партіи и партійныя меньшинства другихъ странъ. Разгорѣлся необычайно сильный и — можно сказать — по содержанию своему знаменательный споръ, увѣнчавшійся въ пленумѣ конгресса ораторскимъ поединкомъ между Жаномъ Жоресомъ и Августомъ Бебелемъ по вопросамъ социалистической политики. Жоресъ всѣми силами возставалъ противъ того, чтобы тактикѣ, которая, по его мнѣнію, быть можетъ и годилась для Германіи, придавать обязательность интернациональную. Нѣмцамъ онъ указывалъ: Вы достигли большихъ успѣховъ благодаря вашей избирательной дѣятельности, создали могучій партійный организмъ, но вѣдь дѣйствительной власти при рѣшеніи важныхъ вопросовъ вашей государственной жизни у васъ нѣтъ, потому что вы не ведете ни революціонной въ собственномъ смыслѣ, ни парламентской политики. Этому противопоставлялъ онъ то значительное вліяніе, которымъ во Франціи пользовалась социалистическая партія благодаря своей парламентской дѣятельности, успѣшное воздѣйствіе ея на судьбы страны, на формированіе правительства и на правительственную политику. Приводимъ, въ сжатой формѣ, страстное восклицаніе его, которое хотя и не имѣетъ прямого отношенія къ разсматриваемому здѣсь вопросу, но освѣщаетъ тогдашнее сужденіе Жореса о крупныхъ европейскихъ проблемахъ:

«Политическое безсиліе германской социаль-демократіи — вотъ, отъ чего страдаетъ міръ, вотъ что

преисполняютъ тревогой всѣ народы Европы. Вы — великая, достойная удивленія партія, но у васъ нѣтъ непосредственнаго вліянія на политику вашей страны».

Такимъ образомъ, политика императорской Германіи уже тогда вызывала въ Европѣ ощущеніе крайней тревоги. Въ своемъ отвѣтѣ, не менѣе внушительномъ съ ораторской точки зрѣнія, Бебель не вошелъ въ обсужденіе этого вопроса, а только указалъ на тѣ успѣхи въ области законодательныхъ реформъ, которыхъ социаль-демократія достигла въ Германіи косвенно путемъ давленія снизу. Побѣда осталась за нимъ. Вопреки возраженіямъ Жореса, 19 головами противъ 5 при 12 воздержавшихся было принято предложеніе, интернационализировавшее дрезденскую резолюцію. Основныя ея положенія гласятъ:

«Конгрессъ самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ ревизионистскія стремленія внести въ нашу прежнюю испытанную и побѣдоносную, на классовой борьбѣ основанную тактику такія измѣненія, которыя на мѣсто завоеванія политической власти путемъ преодоленія нашихъ противниковъ поставили бы политику уступокъ существующему порядку вещей. Слѣдствіемъ такой ревизионистской тактики было бы то, что партія, стремящаяся къ наискорѣйшему преобразованію существующаго буржуазнаго общественнаго строя въ строй социалистическій, партія, слѣдовательно, революціонная въ лучшемъ смыслѣ слова, превратилась бы въ партію, довольствующуюся реформированіемъ буржуазнаго общества. Поэтому конгрессъ, въ противоположность обнаружившимся ревизионистскимъ стремленіямъ, проникнуть убѣжденіемъ, что классовыя противо-

положности не ослабѣваютъ, но непрерывно обостряются».

Слово «поэтому» производитъ здѣсь нѣсколько странное впечатлѣніе, потому что какихъ-либо доказательствъ высказанному утвержденію вовсе не предпослано. Въ дальнѣйшемъ резолюція заявляетъ:

«1. что партія отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за возникающія на почвѣ капиталистическаго способа производства политическія и экономическія условія, и что она поэтому отказывается во всякомъ ассигнованіи средствъ, которыя могутъ способствовать сохраненію власти въ рукахъ господствующаго класса;

2. что, согласно резолюціи Каутекаго, принятой на международномъ социалистическомъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1900 году, социаль-демократія не можетъ стремиться къ участию въ правительственной власти въ предѣлахъ буржуазнаго общества».

Такова, въ общемъ, главная часть этой резолюціи. Я воздерживаюсь отъ всякой дальнѣйшей ея критики — намекъ въ этомъ направленіи мимоходомъ сдѣланъ уже мною выше. Съ однимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться и здѣсь, какъ бы ни относиться къ приведеннымъ положеніямъ: логическую связь между утвержденіемъ и выводомъ найти тутъ трудно. Ревизионисты, голосовавшіе за дрезденскую резолюцію, заявляли: Вы приписываете ревизионистскому движенію нѣчто такое, чего въ немъ вовсе нѣтъ, вы боретесь противъ того, къ чему ревизионисты вовсе не стремятся! Это было справедливо по отношенію къ двумъ первымъ предложеніямъ, которыми началась резолюція. Но противная сторона утверждала, что классовая борьба обостряется, партія не можетъ участвовать въ правительствѣ до тѣхъ поръ,

пока соціаль-демократія не овладѣть политической властью. Соціаль-демократія должна, такимъ образомъ, повсюду сохранять непримиримую позицію.

Однако, ходъ исторіи продолжался. Чѣмъ больше разросталась соціаль-демократія и чѣмъ больше демократизировались въ разныхъ странахъ политическія учрежденія, тѣмъ явственнѣе обнаруживалось то вытекавшее отсюда совершенно неотвратимое слѣдствіе, что участіе социалистовъ въ парламентской работѣ принимало все болѣе и болѣе положительный характеръ. Вліяніе ихъ росло, и все настоятельнѣе становился вопросъ, представившійся однажды и въ прежнее уже время: какъ должна поступать соціаль-демократія въ парламентахъ, когда голосованію подвергается государственнй бюджетъ? Если въ теченіе парламентской сессіи проведенъ, при содѣйствіи социалистовъ, рядъ реформъ и улучшеній, должна ли тогда соціаль-демократія отвергнуть бюджетъ и, при извѣстныхъ условіяхъ, засвидѣтельствовать тѣмъ самымъ, что голоса ея въ сущности не представляютъ цѣнности, что она не дѣлаетъ выводовъ изъ разъ занятой позиціи; должна ли она тѣмъ самымъ, быть можетъ, играть въ руку партіямъ, боровшимся противъ этихъ прогрессивныхъ нововведеній? Въ такой постановкѣ не разъ возникалъ этотъ вопросъ въ южной Германіи. Въ нѣкоторыхъ южно-германскихъ государствахъ соціаль-демократы приобрѣли довольно значительное вліяніе и стали требовать для себя права голосовать за утвержденіе бюджета. Въ одномъ изъ этихъ государствъ — въ Гессенѣ — къ тому же положеніе вещей было таково, что если бы новый бюджетъ не былъ утвержденъ, то въ силѣ остался бы старый бюджетъ. Въ тотъ годъ,

о которомъ идетъ тутъ рѣчь, принята была при содѣйствіи социаль-демократическихъ депутатовъ налоговая реформа, и если бы вслѣдъ за тѣмъ социаль-демократы отклонили бюджетъ, составленный на основаніи ими же занятой позиціи, результатъ былъ бы тотъ, что ихъ голосами и голосами противившихся налоговой реформѣ консерваторовъ — вмѣстѣ они составляли большинство — новый бюджетъ былъ бы отвергнутъ, вся преобразовательная работа сессіи оказалась бы напрасной и старые налоги остались бы въ силѣ. При такихъ обстоятельствахъ социаль-демократическая фракція ландтага сочла нужнымъ голосовать за бюджетъ. Но не повсюду дѣло обстояло такъ ясно, не вездѣ было столь же очевидно для всякаго, что утвержденіе бюджета представляетъ собою независящую отъ принципіальныхъ вопросовъ политики необходимость, и такимъ образомъ вопросъ о бюджетѣ послужилъ поводомъ къ оживленной борьбѣ на различныхъ конгрессахъ германской социаль-демократіи. И такъ какъ въ составѣ Германіи Пруссія одна охватываетъ свыше трехъ пятыхъ населенія, въ Пруссіи же трехклассное избирательное право не допускало социаль-демократію до непосредственнаго вліянія на рѣшенія ландтага, то усвоенное въ силу этого прусскими социаль-демократами отношеніе къ проблемѣ бюджета пріобрѣтало на партійныхъ сѣздахъ такой сильный перевѣсъ, что подъ конецъ, въ 1910 году, на сѣздѣ въ Магдебургѣ принята была резолюція, прямо-таки за прещавшая депутатамъ партіи голосовать за утвержденіе бюджета, — рѣшеніе, которому различныя партійныя организаціи отдѣльныхъ государствъ обѣщали подчиниться.

Но дѣятельность въ парламентахъ продолжалась и силою вещей на практикѣ снова обнаружилось, что социаль-демократія все же не въ состояннн будетъ остаться при этомъ рѣшеннн. Послѣ выборовъ въ рейхстагъ, состоявшихся въ 1912 году, число представителей ея въ рейхстагѣ возросло до 112 и группировка партій сложилась такимъ образомъ, что при голосованнн по поводу важныхъ вопросовъ голоса социаль-демократовъ прнобрѣтали все большее значенн и вслѣдствнн этого возрастала ихъ отвѣтственность. Случалось неоднократно, что при голосованнн новыхъ законовъ или новеллъ къ существующимъ законамъ, даже если они удовлетворяли не всѣмъ, поставленнымъ социаль-демократнн, требованнмъ, больше того — даже если наряду съ улучшеннми въ содержанн ихъ вводились и нѣкоторыя положенн, социаль-демократнн отвергавшнся, фракцн все же признавала необходимымъ голосовать за такн законопроекты, гдѣ улучшенн существенно перевѣшивали¹⁾.

Потомъ разразилась въ началѣ августа 1914 года война, и рѣшенн, прннятое большинствомъ фракцн

¹⁾ Да будетъ мнѣ позволено вспомннть здѣсь одно, относящееся къ этой перемѣнѣ, замѣчанн, слышанное мною отъ Августа Бебеля всего лишь за несколько недѣль до его смерти. Я навѣстнлъ его во время болѣзни, передъ той поѣздкой его въ Пассуггъ, которой суждено было стать роковой для него, и въ разговорѣ мы затронули обсуждавшнй въ то время въ рейхстагѣ законопроектъ, въ цѣломъ своемъ означавшнй улучшенн системы страхованн рабочихъ, но содержавшнй нѣкоторыя постановленн, противъ которыхъ партн протестовала. На мой вопросъ, что думаетъ онъ о позицн, которую намъ слѣдуетъ занять при окончательномъ голосованн, онъ отвѣтнлъ очень рѣшнтельно: «Прннять! Прншли тѣ времена, когда мы могли позволять себѣ отклонять проекты изъ-за такихъ недостатковъ».

въ вопросѣ о вотиrowаніи военныхъ кредитовъ, создало новый предметъ споровъ въ рядахъ социаль-демократіи, но въ то же время отразилось и на отношеніяхъ ея къ парламенту и къ правительству. Вотирующее большинство оказалось на нѣкоторое время въ такомъ положеніи относительно правительства, которое существеннѣйшимъ образомъ отличалось отъ прежнихъ взаимоотношеній между правительствомъ и социаль-демократіей въ Германіи. Такое положеніе вещей до конца, однако, не удержалось. Неспособность императорскаго правительства дать истощенной націи миръ — привела къ революціи, и социаль-демократія сама стала правительствомъ, либо же правительственной партіей въ собственномъ смыслѣ слова. Съ тѣмъ вмѣстѣ явилась и новая проблема: вопросъ о правительственной коалиціи.

Объ этомъ придется говорить въ другой связи. Изображенный тутъ процессъ, рядомъ съ которымъ можно поставить однородныя явленія изъ жизни другихъ странъ, въ нагляднѣйшей формѣ подтверждаетъ то положеніе, что съ усиливающимся проникновеніемъ социаль-демократіи въ парламенты неизбежно измѣняется и качественный характеръ ея парламентской дѣятельности. Совершается это не безъ внутренней борьбы, не безъ временныхъ отходовъ назадъ. Но механика вещей, если позволено такъ выразиться, вновь и вновь выводитъ на путь необходимой послѣдовательности. Происходитъ то, о чемъ говорить цитируемое мною и по другимъ поводамъ изреченіе знаменитаго историка церкви Карла Газе: «Побѣда какой-либо идеи есть порча этой идеи», то есть, когда идея побѣждаетъ (у Газе это относится къ христіанству), она начинаетъ приспособляться къ

исторически даннымъ условіямъ, иными словами, дѣлаетъ этимъ условіямъ уступки — а это въ научномъ смыслѣ и есть порча. Можно было бы, поэтому, сказать, при извѣстномъ взглядѣ на вещи, что дѣйствительно парламентская дѣятельность социаль-демократіи, — дѣятельность, базировавшаяся, вѣдь, на одержанныхъ побѣдахъ, если и не доставившая пока еще побѣды окончательной, — что эта парламентская дѣятельность влекла за собой такое приспособленіе къ реальнымъ условіямъ, надобности въ которомъ не возникаетъ для движенія, отъ парламентской дѣятельности воздерживающагося. Болѣе, чѣмъ сомнительнымъ остается только то, можетъ ли политическое движеніе, чуждающееся парламента, превратиться въ странѣ, живущей парламентскимъ режимомъ, въ нѣчто большее, чѣмъ простая секта, въ состояніи ли оно пріобрѣсти когда-либо то значеніе, котораго достигла социаль-демократія.

При всемъ томъ, мы отнюдь не скрываемъ отъ себя и тѣневыхъ сторонъ, присущихъ парламентаризму! Съ парламентской дѣятельностью связана не только порча идеи въ указанномъ выше смыслѣ — такого рода порча можетъ означать для движенія прогрессъ по сравненію съ абстрагирующей теоріей, выигрышъ въ области реалистическаго познанія, — но при извѣстныхъ условіяхъ опасность порчи грозитъ тутъ и политической морали. Чѣмъ большаго могущества достигаютъ партіи, особенно въ странахъ, управляемыхъ на парламентарныхъ началахъ, тѣмъ въ большей степени могутъ онѣ вліять на раздачу должностей. Достаточно припомнить, что сказано было объ этомъ выше въ примѣненіи къ Англіи XVIII вѣка, достаточно представить себѣ ту политическую кор-

рущію, которая является всѣмъ вѣдомой тайной въ Соединенныхъ Штатахъ, и ослѣпленіемъ будетъ скрывать отъ себя, что и у насъ вмѣстѣ съ парламентарной системой правленія дана возможность коррупціи. Въ этомъ нужно отдать себѣ ясный отчетъ — уже ради одного того, чтобы не ослабѣвала потребность въ созданіи коррективовъ, способныхъ предотвратить опасность. Потому что отказываться отъ самой системы изъ-за связанной съ нею опасности социаль-демократія не можетъ. Вѣдь, жизнь вообще — великій совратитель, всегда угрожающій «порчей».

Но каковы же эти коррективы противъ тѣневыхъ сторонъ парламентаризма? Было время, когда по распространенному въ социалистическомъ Интернаціоналѣ воззрѣнію такимъ противоядіемъ должна была считаться такъ называемая чистая демократія, нашедшая себѣ широкое примѣненіе въ Швейцаріи, именно, непосредственное народное законодательство. Въ Германіи нѣмецкій социалистъ Эмиль Риттинггаузенъ, одно время бывший социаль-демократическимъ депутатомъ въ рейхстагѣ, давно уже защищалъ эту идею въ рядѣ брошюръ, которыя были переведены и на другіе языки, а въ девяностыхъ годахъ агитацію въ пользу ея повелъ французскій социалистъ Жанъ Аллеманъ и добился того, что на цюрихскомъ конгрессѣ социалистическаго Интернаціонала въ 1893 году внесено было предложеніе, сводившееся къ полному упраздненію парламентовъ и замѣнѣ ихъ непосредственнымъ законодательствомъ. Но онъ встрѣтилъ мало сочувствія, потому что то, чего онъ требовалъ, было вещью невозможной! Нѣчто подобное могло быть осуществимо въ маленькихъ швейцарскихъ кантонахъ, насчитывающихъ непол-

ную сотню тысяч жителей, гдѣ внѣшней политики не ведется, крупныхъ проблемъ не возникаетъ. Но въ большомъ государствѣ, съ милліонами жителей, съ территоріей какъ во Франціи или Германіи или Пруссіи, попытка разрѣшать всѣ задачи законодательства и государственнаго управленія путемъ непосредственнаго народнаго голосованія потерпѣла бы крушеніе уже влѣдствіе тѣхъ законовъ пространства и числа, о которыхъ я говорилъ уже выше. Чтобы справиться со всей потребной тутъ работой, гражданамъ такой страны въ дни голосованія всякій разъ приходилось бы высказываться о цѣлыхъ печатныхъ листахъ проектовъ, большинства изъ которыхъ они вовсе не въ состояніи продумать, потому что никоимъ образомъ нельзя отъ каждаго участника голосованія ожидать необходимаго пониманія существа и значенія каждаго отдѣльнаго проекта. Уже по одному этому нельзя видѣть тутъ замѣны парламентаризма; противъ непосредственнаго народнаго вотума въ большихъ государствахъ говорить и еще одно соображеніе: гдѣ голосуютъ милліоны людей, тамъ чувство отвѣтственности, вытекающей изъ подачи голоса, у каждаго отдѣльнаго участника голосованія, естественно, будетъ невелико. Обо всѣхъ этихъ вопросахъ Карль Каутскій написалъ въ то время книгу, и сейчасъ еще заслуживающую, на мой взглядъ, вниманія, подѣ заглавіемъ: «Парламентаризмъ, непосредственное законодательство и социаль-демократія». Далѣе, авторъ настоящихъ строкъ писалъ на эту тему какъ въ статьѣ «Соціально-политическое значеніе пространства и числа», такъ и въ брошюрѣ «Парламентаризмъ и социаль-демократія», гдѣ мною развиты сходныя съ вышеизложеннымъ

мысли и сдѣланы нѣкоторые выводы относительно будущности парламентаризма, который едва ли окажется послѣднимъ словомъ эволюціи.

Среди многихъ коррективовъ, предлагавшихся для устраненія его изъяновъ, средствомъ особенно важнымъ является, несомнѣнно, ограниченіе самой возможности злоупотребленій со стороны центральной власти путемъ усиленія мѣстнаго и окружного самоуправления и путемъ демократизаціи подлежащихъ административныхъ учреждений. Мысль, которую оформилъ, какъ было уже замѣчено, впадая въ сильныя преувеличенія, Прудонъ въ своей работѣ о «Федерализмѣ», но которую въ широкой мѣрѣ воспринялъ и Карлъ Марксъ въ своей «Гражданской войнѣ во Франціи». Приводимъ еще разъ цитированное уже выше мѣсто изъ этой работы:

«Въ краткомъ наброскѣ обще-національной организаціи, который коммуна не имѣла времени разработать сбстсательноѣ, сказано опредѣленно, что коммуна должна быть политической формой организаціи даже въ самыхъ маленькихъ деревняхъ и что постоянная армія должна быть замѣнена въ сельскихъ мѣстностяхъ народной милиціей, при самомъ краткомъ срокѣ службы. Сельскія общины каждаго округа должны были управлять общими своими дѣлами посредствомъ собранія уполномоченныхъ, созываемаго въ главномъ городѣ округа, а эти окружныя собранія, въ свою очередь, посылать депутатовъ въ національную делегацію въ Парижъ; депутаты во всякое время могли бы быть отозваны и были бы связаны опредѣленными инструкціями своихъ избирателей.»

И Марксъ самъ прибавляетъ: «Коммунальная система управленія возвратила бы общественному ор-

ганизму всё тѣ силы, которыя до сихъ поръ поглощаль . . . паразитарный наростъ «государство».

Слѣдовательно, и онъ также желательнымъ считаетъ мощное развитіе мѣстнаго и окружного самоуправленія, легче поддающагося наблюденію, и затѣмъ снизу воздвигаемую федеративную систему: послѣдняя инстанція ея и являлась бы центральнымъ органомъ, при этомъ, однако, не центральный органъ устанавливалъ бы кругъ задачъ для тѣхъ начальныхъ инстанцій, а, наоборотъ, эти послѣднія предуказывали бы компетенцію центрального органа. Оказалась ли бы подобная національная организація возможной на нынѣшней ступени соціального развитія и дала ли бы она ожидавшіеся результаты, представляется мнѣ сомнительнымъ, но указаніе на необходимость широкаго развитія демократическаго самоуправленія — это, безспорно, мысль, заслуживающая всяческаго вниманія, и, до извѣстной степени, уже осуществившаяся и успѣвшая принести добрые плоды. Эти мѣстныя самоуправляющіяся организаціи были названы принудительными товариществами, потому что по закону въ составъ ихъ входитъ каждый житель данной мѣстности либо округа, желаетъ ли онъ того или нѣтъ. Къ нимъ присоединяются, въ качествѣ административныхъ органовъ, вольныя товарищества, исполняющія въ настоящее время важныя функціи въ различныхъ областяхъ и превращающіяся въ части публично-правовой системы управленія. Въ качествѣ таковыхъ добились признанія организаціи рабочихъ, какъ ни ненавистны были онѣ вначалѣ, въ первую очередь профессиональные рабочіе союзы, но затѣмъ также и потребительныя товарищества рабочихъ, и вольныя

объединенія, преслѣдующія цѣли физическаго и культурнаго развитія. Но и въ другихъ классахъ населенія образовались товарищества — вспомнимъ сельскія товарищества, — исполняющія общественныя функціи и являющіяся, поэтому, составнымъ элементомъ великой системы общественнаго самоуправления. Дѣлается это не по одной какой-либо схемѣ, процессъ идетъ тутъ разными путями, но административная самостоятельность населенія растеть, управленіе сверху умалается въ своемъ значеніи, хотя — это нужно сказать тѣмъ, кто полагалъ возможнымъ упразднить государство — управленіе это не исчезаетъ! Центральныя законодательныя и административныя функціи просуществуютъ еще немалую толику времени. Только шагъ за шагомъ расширяетъ самоуправленіе свои функціи на основаніи выработанныхъ совмѣстно законовъ. Парламентъ не упраздняется цѣликомъ и сразу. Но мы вступаемъ въ полосу развитія, позволяющую надѣяться, что въ значительной своей части тѣ опасности, которыя казались органически связанными со старымъ парламентаризмомъ, будутъ все болѣе и болѣе ослабѣвать и подъ конецъ будутъ преодолены. Нужно научиться, слѣдовательно, понимать эти вопросы не догматически, а какъ проблемы эволюціоннаго процесса.

Кто пожелаетъ уяснить себѣ тѣ измѣненія, которыя наступаютъ въ системѣ управленія по мѣрѣ роста организма, тотъ можетъ прослѣдить это путемъ изученія «конституціонной исторіи» — проще говоря, исторіи уставовъ — рабочихъ организацій. Обычно рабочія организаціи начинаютъ съ крайней демократіи, въ большинствѣ случаевъ преобладаетъ

непосредственное законодательство и избраніе должностныхъ лицъ на общемъ собраніи членовъ. Но чѣмъ больше онѣ разрастаются, тѣмъ настоятельнѣе становится необходимость въ созданіи представительныхъ органовъ и въ передачѣ имъ опредѣленныхъ полномочій власти и руководства. Масса только черезъ посредство своихъ довѣренныхъ людей осуществляетъ при этомъ родъ постоянного контроля. Самая же организація превращается въ организмъ, представляющій собою своего рода демократическое государство. На примѣрѣ свободнаго рабочаго движенія видно, какъ численный ростъ, увеличивающееся количество, принуждаетъ равноправныхъ сочленовъ къ качественному измѣненію строя своей организаціи. Кто этого не уразумѣетъ и не признаетъ вытекающихъ отсюда послѣдствій, тотъ никогда не уразумѣетъ и того, что содержится въ терминѣ «научный социализмъ». Означаетъ этотъ терминъ, какъ было показано въ первой главѣ, социологическое эволюціонное ученіе: съ этой точки зрѣнія социалистическое движеніе есть такое движеніе, которое въ ходѣ своемъ само находитъ для себя формы и при этомъ остается въ тѣсной зависимости отъ органическихъ законовъ социальнаго развитія. Идея, которая въ наши дни опять-таки стала предметомъ споровъ въ сферѣ современнаго социализма; споры эти породило появленіе такъ называемаго большевизма, и этимъ вопросомъ мы теперь и займемся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА.

Каковы основные идеи доктрины, известной намъ подъ именемъ большевизма? На что она опирается?

Въ первомъ томѣ большого труда своего: «Капиталъ» Карлъ Марксъ описываетъ въ 25-ой главѣ, въ шестомъ раздѣлѣ, посвященномъ генезису промышленнаго капитализма, различные методы такъ называемаго «первоначальнаго накопленія» капитала, то есть первоначальнаго образованія капитала. Въ противоположность воззрѣнiямъ буржуазныхъ экономистовъ, усматривающихъ въ образованiи капитала результатъ «сбереженія», Марксъ выясняетъ, что капиталъ возникъ совсѣмъ инымъ путемъ, и о способахъ этого, въ дѣйствительности совершавшагося, первоначальнаго накопленія капитала пишетъ:

«Въ Англіи имъ приданъ былъ въ концѣ XVIII вѣка характеръ систематическій посредствомъ колониальной системы, системы государственныхъ долговъ, современной налоговой системы и системы покровительственныхъ пошлинъ. Методы эти частью покоятся на грубѣйшей силѣ, какъ, напр., колониальная система. Всѣ они, однако, пользуются государственной властью, концентрированной и организо-

ванной общественной силой, чтобы тепличными мѣропріятіями споспѣшествовать процессу преобразованія феодальнаго способа производства въ капиталистическій и сокращать переходныя стадіи. Сила служить повивальной бабкой всякаго стараго общества, въ чревѣ своемъ носящаго новое. Она сама является экономическимъ факторомъ».

Подчеркнутое здѣсь заключеніе цитируемаго мѣста сыграло своеобразную роль въ социалистическомъ движеніи нашего времени, у тѣхъ партій, которыя свои теоретическія основоположенія возводятъ непосредственно къ Марксу. Французскими социалистами, которые называли себя марксистами и изъ вождей которыхъ одинъ, Поль Лафаргъ, былъ зятемъ Карла Маркса, другой же, Жюль Гадъ, связанъ былъ съ Марксомъ дружескими отношеніями, отмѣченное мѣсто, въ догматическомъ истолкованіи, выдвигалось въ качествѣ доказательства того, что вся социалистическая дѣятельность должна быть направлена на завоеваніе политической власти посредствомъ революціоннаго примѣненія силы. Нужно, однако, замѣтить, что Марксъ въ этомъ мѣстѣ просто констатируетъ историческій фактъ, но вовсе не выставляетъ формулы, подлежащей непосредственному примѣненію¹⁾.

¹⁾ Какъ далеко былъ Марксъ отъ согласія съ тѣмъ толкованіемъ, какое Лафаргъ придавалъ его утвержденіямъ; явствуетъ изъ его письма къ Фридриху Энгельсу отъ 11-го ноября 1882 года. Марксъ пишетъ тутъ своему другу, что Лафаргъ въ дѣйствительности является ученикомъ Бакунина, и съ раздраженіемъ восклицаетъ: «Лонгэ (другой зять Маркса) въ качествѣ послѣдняго прудониста и Лафаргъ въ качествѣ послѣдняго бакуниста! Que le diable les emporte!»

Это то констатированіе историческаго факта фракція русскихъ социалистовъ, именующая себя большевиками, обращаетъ въ императивъ для всей социалистической политики: чтобы создать новое общество, мы должны располагать силой, иного пути нѣтъ, всѣ помышленія и стремленія наши должны быть направлены на завоеваніе политической власти. Воззрѣніе это, правда, могло найти опору въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коммунистическаго Манифеста. Тамъ говорится, напр., въ заключеніи, гдѣ рѣчь идетъ о завоеваніи политической власти пролетаріатомъ:

«Мы уже видѣли выше, что первымъ шагомъ въ рабочей революціи является превращеніе пролетаріата въ господствующій классъ, завоеваніе демократіи.

«Пролетаріатъ воспользуется своимъ политическимъ господствомъ для того чтобы постепенно вырвать весь капиталъ изъ рукъ буржуазіи, сосредоточить всѣ орудія производства въ рукахъ Государства, т. е. организованнаго въ качествѣ господствующаго класса прелетаріата, и увеличить со всей возможной быстротой массу производительныхъ силъ».

«Происходить это можетъ, разумѣется, вначалѣ только посредствомъ деспотическаго вмѣшательства въ право собственности и въ буржуазныя производственныя отношенія, слѣдовательно, посредствомъ мѣропріятій, которыя экономически представляются недостаточными и несостоятельными, но которыя въ ходѣ движенія переступаютъ свои собственные предѣлы и являются неизбѣжными въ качествѣ средствъ, ведущихъ къ перевороту во всемъ способѣ производства».

Вслѣдъ за тѣмъ перечисляется рядъ мѣропріятій, соотвѣтствующихъ извѣстнымъ мѣропріятіямъ буржуазіи во время прежнихъ революцій. Далѣе, представители этого образа мыслей ссылаются на одно мѣсто въ письмѣ Карла Маркса по поводу проекта объединительной программы германской социаль-демократіи 1875 г., проекта готской программы. А именно, Марксъ говоритъ тамъ:

«Между капиталистическимъ и коммунистическимъ обществомъ лежитъ періодъ революціоннаго преобразования перваго во второе. Этому соотвѣтствуетъ и въ политической области переходный періодъ, когда государство не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ революціонной диктатурой пролетаріата».

Большевики и это мѣсто равнымъ образомъ подвергаютъ догматическому истолкованію. Партія эта, которая въ настоящее время въ качествѣ партіи русскихъ коммунистовъ стоитъ во главѣ третьяго или коммунистическаго Интернаціонала, прежде называла себя также и партіей максималистовъ. Споры въ средѣ русскихъ марксистовъ повели къ образованію двухъ направленій: одни хотѣли вести борьбу россійской социаль-демократіи подъ руководствомъ «программы-минимумъ», содержащей минимальныя социалистическія требованія и сходной съ той программой, которую выработали въ свое время французскіе марксисты, при содѣйствіи Маркса, написавшаго для нихъ вступленіе; другіе отстаивали ту точку зрѣнія, что необходимо выставить максимумъ требованій въ качествѣ неизмѣннаго сигнала для социалистическаго движенія. Изъ этихъ двухъ направленій послѣднее и есть большевистское, между тѣмъ какъ представительницей перваго является

фракція или партія меньшевиковъ — обозначенія, отвѣчающія понятіямъ «больше» и «меньше» и имѣющія въ виду частью объемъ требованій, частью количественное соотношеніе приверженцевъ того и другого направленія. Споръ въ значительной степени сводился къ схоластическому манипулированію изреченіями Маркса, причѣмъ одна сторона игнорировала тотъ фактъ, что все марксово ученіе есть по преимуществу ученіе эволюціонное и что Марксъ самъ съ теченіемъ времени продѣлалъ извѣстную эволюцію. Энгельсъ неоднократно признавалъ, что имъ и Марксомъ допущены были въ первый періодъ ихъ дѣятельности значительныя ошибки касательно хода и быстроты развитія. <Но падаетъ ли въ силу этого самое ученіе Маркса? Отнюдь нѣтъ. Великая, непреходящая заслуга марксизма, возвышающаяся надъ всеми частными его примѣненіями, заключается именно въ томъ, что марксизмъ создалъ для ученія о соціальной эволюціи новую основу, несокрушимую въ главной своей мысли, каковой является теорія объ опредѣляющемъ вліяніи способа производства. У Маркса присущая его ученію идея органическаго развитія неоднократно получала очень опредѣленное выраженіе. Примѣромъ можетъ служить предисловіе къ вышедшему въ 1859 году труду его «Къ критикѣ политической экономіи», а также и относящееся къ 1866 году предисловіе къ «Капиталу». Въ этомъ послѣднемъ Марксъ — и это весьма характерно для его взгляда на вещи — говоритъ, что даже у господствующихъ классовъ современной эпохи пробуждается сознаніе, что нынѣшнее общество не есть «твердый кристаллъ», а представляетъ собою «организмъ, способный къ преобразованію и въ

процессѣ постояннаго преобразованія пре-
бывающей». Тутъ указана та противоположность
основныхъ возрѣній, которая отдѣляетъ рѣшитель-
ное большинство социаль-демократическихъ партій
нашего времени отъ партіи большевиковъ и ихъ за-
падно-европейскихъ ревнителей.

Большевицкая партія вышла изъ марксистской
школы русскаго социализма — и заслуживаетъ вни-
манія то обстоятельство, что какъ разъ тѣ три лица,
въ которыхъ можно видѣть истинныхъ основателей
этой школы, покойный Георгій Плехановъ, недавно
скончавшаяся Вѣра Засуличъ и здравствующій по-
нынѣ Павелъ Аксельродъ, были — а Аксельродъ и
посейчасъ остается — противниками большевиковъ.
Если выше я замѣтилъ, что большевики, ссылаясь
на Маркса, зачастую прибѣгаютъ къ схоластическимъ
методамъ, то считаю нужнымъ прибавить, что подъ
схоластикой я разумѣю такое направленіе ума, та-
кую умственную дѣятельность, которая состоитъ въ
пріисканіи для заранѣе установленныхъ положеній
или идей дедуктивныхъ доказательствъ при помощи
искусственныхъ пріемовъ толкованія, зачастую —
при помощи натяжекъ, причемъ моментъ индукціи,
повѣрка фактами, оттѣсняется далеко на задній планъ,
а то и вовсе оставляется безъ вниманія. Между тѣмъ,
существенное свойство выработаннаго Марксомъ и
Энгельсомъ ученія о социальной эволюціи какъ разъ
въ томъ и заключается, что основное значеніе при-
дается тутъ тѣсной, можно съ полнымъ правомъ ска-
зать — органической связи социаль-полити-
ческихъ моментовъ съ фактами экономического
развитія, иными словами — производственныхъ
отношеній. Исходя изъ этой точки зрѣнія,

авторы Коммунистическаго Манифеста, какъ ни революціонно было для того времени ихъ мышленіе и какъ рѣшительно ни стали они на сторону коммунистическихъ идей передоваго крыла тогдашняго рабочаго движенія, все же высказались, при разработкѣ своей теоріи, противъ радикальныхъ социалистовъ того времени, которые считались революціонными коммунистами, но въ дѣйствительности могли претендовать только на званіе «утопистовъ социалистической революціи». Къ числу ихъ принадлежалъ несомнѣнно даровитый, но лишенный научной подготовки нѣмецкій коммунистъ Вильгельмъ Вейтлингъ, авторъ сочиненія «Гарантіи гармоніи и свободы», появившагося въ 1842 году и нашедшаго весьма сочувственную оцѣнку у Маркса, что, однако, впоследствии не помѣшало Марксу рѣзко выступить противъ Вейтлинга, когда тотъ въ своей агитаціи среди рабочихъ сталъ туманить головы преувеличеннымъ радикализмомъ. Интересно это потому, что идеи Вейтлинга представляютъ сходство со многими изъ тѣхъ лозунговъ, которые въ наши дни проповѣдуются въ рабочей средѣ приверженцами большевизма.

Зимою 1846—1847 г. Вейтлингъ пріѣхалъ въ Брюссель, гдѣ жили въ то время Марксъ и Энгельсъ, работавшіе тамъ свою теорію и полемически ее отстаивавшіе. При одной встрѣчѣ между Марксомъ и посѣтившимъ его Вейтлингомъ присутствовалъ русскій писатель Анненковъ, который въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ рѣзкое столкновеніе, между ними происшедшее. Вейтлингъ, вышедшій изъ рабочаго класса, въ спорѣ съ Марксомъ ссылался преимущественно на это обстоятельство и, вообще,

выдвигалъ элементъ чувства въ своей теоріи; и характерно, какъ энергично, по словамъ Анненкова, подчеркивалъ Марксъ въ противовѣсъ Вейтлингу необходимость конкретнаго научнаго мышленія; одинъ разъ, ударяя кулакомъ по столу, онъ гнѣвно воскликнулъ: «Никогда еще никому не помогло невѣжество!»

Четырмя годами позже, послѣ революціи, Марксъ вынужденъ былъ вести борьбу съ прежними своими боевыми товарищами, которые, подобно Вейтлингу, тоже ссылались на чувство и волю. Это была руководимая Карломъ Шапферомъ и А. Виллихомъ фракція союза коммунистовъ. Такая же противоположность возрѣній вновь обнаружилась въ 1870—1872г.г. въ Международной Ассоціаціи Рабочихъ, во время борьбы, которую Марксъ велъ противъ русскаго социалистическаго революціонера Михаила Бакунина и особенно противъ его — нельзя сказать «ученика» или даже только «товарища», хотя онъ и имѣлъ большое вліяніе на Бакунина — противъ его временнаго соратника студента Нечаева, котораго можно считать предшественникомъ большевизма. Идеи его изложены и подвергнуты критикѣ въ написанной, главнымъ образомъ, Энгельсомъ — въ согласіи съ мнѣніями Маркса — работѣ, подъ заглавіемъ: «Заговоръ противъ Интернаціонала». Съ крайней рѣзкостью выступаетъ эта брошюра противъ революціоннаго романтизма Бакунина, Нечаевымъ еще преувеличеннаго до послѣдней степени, такъ что получалось что-то въ родѣ социализма въ духѣ Ринальдо Ринальдини. Бакунинъ восхвалялъ въ особенности русскихъ разбойниковъ и дошелъ до того, что заявилъ: когда дѣлаютъ революцію, надо отпереть каторжныя тюрь-

мы. Спекуляція на элементы, враждующіе съ упорядоченнымъ общественнымъ строемъ независимо отъ всякихъ соображеній теоретическаго и моральнаго свойства и т. п. Отклоненіе фантазій этого рода, подчеркиванье связи между эволюціей въ направленіи къ социализму и эволюціей хозяйства вообще, то-есть, въ конечномъ счетѣ, эволюціей способа производства, является руководящей идеей марксова ученія. Въ этомъ отношеніи гораздо важнѣе многихъ, часто цитируемыхъ выдержекъ, приведенное уже выше мѣсто изъ предисловія къ «Капиталу», гдѣ говорится о томъ, что нынѣшнее общество, общество либеральной политической экономіи, «не есть твердый кристаллъ, а представляетъ собою организмъ, способный къ преобразованію и постоянному процессу преобразованія подверженный». Въ другомъ мѣстѣ «Капитала», говоря о фабричномъ законодательствѣ и о значеніи закона о десятичасовомъ рабочемъ днѣ для рабочихъ ланкаширскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, Марксъ замѣчаетъ:

«Тѣмъ не менѣе, принципъ¹⁾ одержалъ побѣду, побѣдивъ въ тѣхъ крупныхъ отрасляхъ промышленности, которыя въ наибольшей степени являются дѣтищемъ современнаго способа производства. Ихъ поразительное развитіе въ 1853—1860 годахъ, шедшее рука объ руку съ физическимъ и моральнымъ возрожденіемъ фабричныхъ рабочихъ, бросалось въ глаза даже самому невоспримчивому наблюдателю».

А въ связи съ ранѣе цитированной фразой въ предисловіи онъ говоритъ:

¹⁾ Законодательнаго ограниченія рабочаго времени. Эд. Б.

«Въ Англіи процессъ преобразованія (processъ соціального преобразованія) вполнѣ осязателенъ. На извѣстномъ уровнѣ развитія онъ долженъ будетъ перекинуться и на континентъ. Тамъ онъ будетъ протекать въ болѣе жесткихъ или въ болѣе гуманныхъ формахъ, въ зависимости отъ степени развитія самого рабочаго класса. Помимо высшихъ мотивовъ, господствующимъ сейчасъ классамъ ихъ собственный интересъ предписываетъ, поэтому, устраненіе всѣхъ, поддающихся законодательному воздѣйствію, преградъ, препятствующихъ развитію рабочаго класса. По этой причинѣ я отвелъ такъ много мѣста въ этомъ томѣ м. пр. исторіи, содержанію и результатамъ англійскаго фабричнаго законодательства. Націи должны и могутъ учиться одна у другой».

И въ этомъ также сказывается, я сказалъ бы, сильная реформистская примѣсь въ революціонномъ по ходу идей ученіи Маркса. Чѣмъ дальше идетъ онъ по пути духовнаго развитія, тѣмъ болѣе точную формулировку получаетъ у него мысль о связи между уровнемъ экономическаго развитія и возможностями вмѣшательства путемъ политическихъ и правовыхъ мѣропріятій. Въ 1875 году онъ говоритъ въ своемъ письмѣ, посвященномъ проекту готской программы тогдашней объединенной соціаль-демократіи:

«Право никогда не можетъ быть выше, чѣмъ экономическій укладъ и обусловленное имъ культурное развитіе общества».

Большевизмъ же — подчеркиваю еще разъ: въ своей доктринѣ! — все это игнорируетъ либо обходить. Большевизмъ опирается либо на Коммунистическій Манифестъ съ его лапидарно рѣзкими, но относящимися къ раннему періоду развитія Маркса

и Энгельса изреченіями, въ которыхъ они старались «*épater le bourgeois*» — ошеломить мѣщанина; либо же онъ вырываетъ позднѣйшія заявленія Маркса изъ общей связи ихъ съ текстомъ и даетъ имъ самое неуклюжее, самое грубое толкованіе. Такъ, напр., Марксъ говоритъ въ предпоследней главѣ перваго тома «Капитала», гдѣ дается характеристика исторической тенденціи капиталистическаго накопленія:

«Концентрація средствъ производства и обобществленіе труда доходятъ до извѣстной точки (въ ходѣ капиталистическаго развитія), на которой они становятся несовмѣстимы съ своей капиталистической оболочкой. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспроприаторы экспроприруются.»

Слѣдовательно, когда развитіе само окажется несовмѣстимымъ съ капиталистической оболочкой, тогда экспроприаторы — такъ называетъ Марксъ капиталистовъ, потому что въ процессѣ конкуренціи крупные капиталисты экспроприруютъ мелкихъ — подвергнутся экспроприаціи. Изъ этого, изображающаго извѣстную историческую перспективу, положенія, большевики сдѣлали лозунгъ: «Грабь награбленное!» и рабочіе поняли его въ буквальномъ смыслѣ, прибѣгая для его осуществленія зачастую къ самымъ крутымъ мѣрамъ. Предприниматели изображаются не какъ экспроприаторы въ экономическомъ, а какъ похитители въ моральномъ смыслѣ — попросту какъ воры. И дѣлается это въ прямомъ противорѣчьи со словами Маркса, который въ предисловіи къ «Капиталу», указывая на то, что въ книгѣ его немало достается капиталисту и землевладѣльцу, что выступаютъ они тамъ не въ розовомъ свѣтѣ, опредѣленно заявляетъ:

«Но дѣло сводится тутъ къ персонификаціи экономическихъ категорій. Съ моей точки зрѣнія, разсматривающей развитіе экономического общественнаго уклада какъ естественно-историческій процессъ, меньше чѣмъ съ какой бы то ни было другой точки зрѣнія можно возлагать на отдѣльное лицо отвѣтственность за отношенія, соціальнымъ порожденіемъ которыхъ оно остается, какъ бы высоко ни поднималось оно надъ ними въ субъективномъ смыслѣ».

Во всѣхъ отношеніяхъ, говорю я, большевистская доктрина придала тутъ марксову ученію характеръ болѣе грубый, можно сказать: варварскій. Историческая, значить, вплоть до достиженія извѣстной высоты экономического развитія необходимая функція предпринимателя, какъ движущаго агента производства, пошла тутъ на смарку — тоже въ противность Марксу, который въ третьемъ томѣ своего «Капитала» (съ которымъ, правда, знакомы только очень немногіе), въ одной изъ послѣднихъ главъ, въ гл. 24-ой, трактующей объ источникахъ дохода, разъясняетъ, что прибавочный трудъ самъ по себѣ, въ качествѣ труда, превышающаго мѣру данныхъ потребностей рабочаго, долженъ существовать при всякихъ условіяхъ, и высказываетъ вслѣдъ за тѣмъ слѣдующее, уже цитированное нами, мнѣніе:

«Одной изъ цивилизаторскихъ сторонъ капитала является то, что понужденіе къ этому прибавочному труду производится имъ при такихъ условіяхъ и такимъ способомъ, которые для развитія производительныхъ силъ и общественныхъ отношеній и для созданія элементовъ новаго, высшаго уклада болѣе благопріятны, нежели то было при господствѣ прежнихъ формъ рабства и крѣпостной зависимости».

Марксъ, слѣдовательно, снова показываетъ, что капиталъ, на который онъ въ другихъ отношеніяхъ съ такой рѣзкостью нападаетъ, исполняетъ въ процессѣ общественнаго развитія важныя, содѣйствующія прогрессу функціи, функціи цивилизаторскія, какъ онъ то опредѣленно заявляетъ.

Всѣмъ этимъ и всѣми вытекающими отсюда для экономической политики выводами большевизмъ спокойно пренебрегъ и всемогущимъ творческимъ началомъ призналъ силу. У руководящихъ большевиковъ можно найти рядъ мѣстъ, гдѣ съ возрастающей категоричностью — не столько еще у Ленина, какъ у Бухарина, Зиновьева и другихъ — приписывается силѣ прямо-таки чудодѣйственное, всеисцѣляющее значеніе. Нужно только имѣть силу, а обладая ею, можно направлять ходъ развитія по своему желанію!

Вотъ нѣсколько доказательствъ тому.

Марксъ говоритъ въ 1859 году — это опять-таки важно — въ предисловіи къ книгѣ «Къ критикѣ политической экономіи»:

«Общественная формація никогда не погибаетъ, прежде чѣмъ не развились всѣ производительныя силы, для которыхъ она достаточно просторна, и новыя, высшія производственныя отношенія никогда не устанавливаются, прежде чѣмъ матеріальныя условія существованія ихъ не выношены въ лонѣ стараго общества».

Въ предисловіи къ первому тому «Капитала» читаемъ:

«Даже и прослѣдивъ естественный законъ существа данному обществу движенія — а предлагаемый трудъ послѣднюю конечную цѣль свою видитъ

въ раскрытіи закона экономическаго движенія современнаго общества — общество это не въ состояніи ни перескочить, ни декретировать отмѣну естественныхъ фазъ развитія. Но оно въ состояніи сократить и смягчить родовыя муки.

Такъ говорится у Маркса. Возьмемъ теперь брошюру Н. Бухарина: «Программа коммунистовъ (большевиговъ)». Тамъ безъ дальнѣйшихъ околичностей, въ качествѣ дѣла нынѣшняго же дня, возвѣщается социалистическая революція при посредствѣ диктатуры рабочаго класса въ Россіи — этой, въ общемъ, мало развитой еще странѣ; сопровождается это такимъ замѣчаніемъ: «Диктатура рабочаго класса означаетъ власть рабочаго класса, которая удушаетъ буржуазію и помѣщиковъ», а далѣе слѣдуетъ:

«Эта власть рабочихъ можетъ вырости только изъ социалистической революціи рабочаго класса, разрушающей буржуазное государство и власть буржуазіи».

И это написано въ странѣ, въ которой буржуазнаго государства, какъ извѣстно, и вообще-то еще не было! Въ дальнѣйшемъ говорится, что диктатура должна быть «желѣзной», слово, которое какъ въ этой брошюрѣ, такъ и во всей литературѣ большевизма повторяется несчетное количество разъ и толкуется въ смыслѣ самой грубой безпощадности. Нѣсколькими страницами дальше читаемъ:

«Мы видимъ теперь, что нарушеніе всякаго рода свободъ по отношенію къ противникамъ революціи представляется необходимымъ. Во время революціи не можетъ быть свободъ для враговъ народа и революціи».

Врагами же народа изображаются не только всё безъ различія буржуазныя партіи, но и тѣ социалисты (меньшевики и социалисты-революціонеры), которые стоятъ на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ большевики. Это — наиболѣе крайній терроризмъ, какой только можно вообразить. Въ брошюрѣ Льва Троцкаго «Совѣтская власть и международный имперіализмъ» — докладъ, прочитанный Троцкимъ передъ неподготовленными русскими рабочими — значится:

«Въ серединѣ же стояли бы политики, которые поворачиваются то налево, то направо. Это — представители меньшевиковъ и правыхъ социалистовъ-революціонеровъ; они сказали бы: «Власть должна быть раздѣлена пополамъ».

Это рассказываетъ онъ рабочимъ! И затѣмъ продолжаетъ:

«Но, товарищи, власть это, вѣдь, не кусокъ хлѣба, который можно разрѣзать на двѣ половинки и снова передѣлать на четыре части».

Что за сравненіе и что за отрицаніе исторіи! Преслѣдуемая при этомъ цѣль обнаруживается въ слѣдующей фразѣ. Троцкій поучаетъ:

«Власть — это инструментъ, при помощи котораго данный классъ, укрѣпляетъ свое господство. Инструментъ этотъ либо служить рабочему классу, либо же онъ служить противъ рабочаго класса».

Тѣмъ самымъ вычеркивается изъ жизни народовъ всякое развитіе, отъ одного общественнаго строя къ противоположному переходовъ нѣтъ, развитія нѣтъ, а бываетъ только насильственный переворотъ. Въ томъ же духѣ продолженіе гласитъ:

«Гуть выбора нѣтъ. До тѣхъ поръ, пока существуютъ два врага — буржуазія и пролетаріатъ и

съ нимъ бѣднѣйшее крестьянство — и до тѣхъ поръ, пока оба эти врага борются другъ съ другомъ, у нихъ, разумѣется, общаго оружія быть не можетъ. Нельзя, вѣдь, предположить, что одна и та же пушка можетъ одновременно служить и той и другой арміи».

Чтобы должнымъ образомъ оцѣнить существо этой аргументаціи, надо помнить, при какихъ обстоятельствахъ излагались эти доводы, и на какомъ уровнѣ развитія стояла та страна, въ которой они виѣдрялись въ сознаніе рабочихъ. Никогда Марксъ и Энгельсъ не излагали рабочимъ политическихъ вопросовъ въ формѣ такихъ дѣтски-простоватыхъ противопоставленій. Даже въ тѣ времена, когда Германія стояла экономически на значительно высшей ступени, нежели Россія 1918 года, — уже не говоря о культурномъ развитіи, — они все-таки указывали на необходимость для социалистическаго пролетаріата оказывать временную поддержку прогрессивной буржуазіи.

Дедукціи въ родѣ только что приведенныхъ, приспособленныя къ уровню пониманія весьма наивныхъ и неразвитыхъ людей, проходятъ черезъ весь докладъ (въ качествѣ агитаціонной брошюры переведенный на всѣ языки) и чередуются со столь же поразительными утвержденіями о причинахъ и дѣйствующихъ силахъ міровой войны. Въ томъ же духѣ рассуждаетъ Троцкій, далѣе, объ осуществленіи политической власти большевиками и въ слѣдующихъ доводахъ находитъ оправданіе ихъ промахамъ:

«Нѣкоторые говорятъ: для чего же вы захватили власть, если вы до того не научились ею пользоваться? Но мы на это отвѣчаемъ: Какъ было намъ

изучить столярное ремесло, разъ въ рукахъ у насъ не было столярныхъ инструментовъ? Чтобы научиться управлять страной, нужно взять правило въ руки, нужно завладѣть государственной властью. Никто еще не научился ѣздить верхомъ, сидя въ комнатѣ. Чтобы научиться этому, нужно осѣдлать лошадь и сѣсть на нее. Возможно, что лошадь встанетъ на дыбы и сброситъ сѣдока — не разъ и не два. Мы поднимемся, снова осѣдлаемъ ее и снова поѣдемъ, и такимъ способомъ сумѣемъ научиться».

Если бы подобные опыты касались только тѣхъ лицъ, которымъ хочется научиться ѣздить верхомъ — читай управлять — то можно было бы сказать: что жъ, превосходно. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда надъ цѣлымъ государствомъ наугадъ производятся насильственные хозяйственные эксперименты, съ той мыслью, что, дескать, дѣло можетъ быть и не пойдетъ, но что жъ — тогда мы продѣлаемъ это сызнова; когда такъ поступаютъ съ громаднымъ народомъ, обрекая, можетъ стать, многія сотни тысячъ на голодъ, нужду и гибель. Есть и для соціального реформатора, революціонера, категорическій императивъ! Къ этой сторонѣ дѣла большевики равнодушны, научнымъ ученіемъ великихъ мыслителей, на которыхъ они ссылались, они пренебрегаютъ тамъ, гдѣ оно имъ не подходитъ: это служить характернымъ свидѣтельствомъ тому, какого элемента не достаетъ въ мышленіи большевиковъ.

Констатируя это, я не имѣю въ виду такъ или иначе заподозривать движущіе мотивы большевиковъ. Какъ во всякомъ революціонномъ движеніи, такъ, разумѣется, и въ этомъ имѣется большое число идеалистовъ. Но имѣются тамъ, несомнѣнно, также и

натуры иного склада. Однако, этотъ моментъ я оставляю въ сторонѣ. Здѣсь рѣчь идетъ о доктринѣ, о точкѣ зрѣнія, и о томъ, какъ отражается она на образѣ дѣйствій большевиковъ. Но тутъ-то именно и обнаруживается, какъ далеки они отъ точки зрѣнія великаго учителя и мыслителя Карла Маркса! Они почти совершенно не признаютъ для своей дѣятельности момента соціальной обусловленности. Въ ихъ глазахъ достаточно того, чтобы въ странѣ были вообще налицо крупная промышленность и достаточно многочисленный пролетаріатъ, способный играть активную роль при захватѣ власти. Всѣхъ же тѣхъ соціалистовъ, будь то марксисты или нѣтъ, которые подчеркиваютъ значеніе извѣстной зрѣлости пролетаріата и извѣстной высоты экономическаго развитія въ качествѣ предпосылки соціалистическаго преобразованія, большевики въ различнѣйшихъ своихъ писаніяхъ подвергаютъ издѣвательству, осыпаютъ насмѣшками или же бранью. Этой послѣдней участи подвергся, напр., такой, можно сказать, истинный марксистъ, какъ Карлъ Каутскій, котораго Ленинъ съ товарищами безъ обиняковъ объявляютъ ренегатомъ, потому что онъ критически отнесся къ ихъ методамъ; о своей скромной особѣ пишущій эти строки предпочитаетъ совершенно умолчать.

Значеніе воли въ исторіи представляется большевизму едва ли не безграничнымъ. Въ томъ и состоитъ роковой порокъ въ политикѣ большевиковъ, что они ведутъ себя такъ, какъ если бы никакихъ предѣловъ для воли революціоннаго реформатора не существовало. Руководяція начала ихъ мѣропріятій гораздо ближе напоминаютъ первоначальный царизмъ, нежели марксизмъ; по отношенію къ послѣднему они

являются лишь карриатурой. Вѣдь, важнѣйшая черта въ творествѣ Маркса и Энгельса въ томъ и заключается, что ученіе ихъ есть научно обоснованное ученіе о границахъ, поставленныхъ волѣ въ исторіи человѣческаго общества. Ученіе это часто называли, поэтому, фаталистическимъ, но это совершенно невѣрно. Марксизмъ далекъ отъ того, чтобы отрицать значеніе воли въ исторіи, и необходимость ея ему ясна. Былъ одинъ демократическій поэтъ, теперь давно забытый, но въ свое время пользовавшійся большимъ вниманіемъ и воодушевлявшій не одного изъ читателей своихъ, рано умершій Фридрихъ фонъ Салле, авторъ «Мірскаго Евангелія». Въ своемъ стихотвореніи «Историческое развитіе» онъ восклицалъ, въ эпоху политическаго застоя въ Германіи:

Man sagt uns: Jugend mit zu heißem Blute
Auf schwärmerischen Schöpfungsdrang verzichte,
Geschichtlich nur entwickelt sich das Gute, —
Doch spricht, wo nichts geschieht, ist das
Geschichte?

(Пусть юность усмирить горячее волненье,
И жажду творчества, и чаянье свободы.
Лишь медленно идутъ впередъ народы.
Но тамъ, гдѣ все стоитъ — найдете-ль вы
движенье?)

Эту точку зрѣнія Марксъ всецѣло признаетъ, она вполне отвѣчаетъ его теоріи. Но чего бы мы ни добивались, осуществить это возможно только сообразуясь съ наличными силами и условіями развитія.

Этому предмету Фридрихъ Энгельсъ посвятилъ въ полемическомъ сочиненіи своемъ, направленномъ противъ Дюринга, нѣсколько важныхъ главъ, ко-

торыя какъ разъ въ наши дни вновь пріобрѣли большую актуальность. Подъ одну изъ нихъ въ особенности подпадаетъ и методъ большевиковъ, съ ихъ склонностью по внѣшнимъ признакамъ ставить на одну доску совершенно разнородныя вещи и оставлять безъ должнаго вниманія историческую обусловленность соціальныхъ установленій. У Дюринга рѣчь шла о рабствѣ въ Греціи, на которомъ зиждилась вся греческая культура, и рабство это приравнивалось къ наемному труду. На это Энгельсъ отвѣчаетъ:

«Если наемная кабала — то же самое, что рабство, то можно было бы сказать, что и людоедство тождественно съ этой кабалой, потому что первоначальной стадіей было не рабство, а поѣданіе побѣжденныхъ. Какъ часто, на протяженіи исторіи, голая сила ни противустояла экономическому развитію, — сила эта либо идетъ вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ и тогда исполняетъ свое назначеніе, либо же она направляется противъ экономическаго развитія, и тогда, смотря по обстоятельствамъ, гнетъ (особенно, когда менѣе развитые народы нападаютъ на народы культурные) приводитъ къ крушенію всей культуры, или же съ теченіемъ времени экономической моментъ все-таки беретъ верхъ надъ насиліемъ, насиліе терпитъ пораженіе».

Вотъ это и пришлось большевикамъ узнать на опытѣ, они и сами долѣе не могутъ это оспаривать: гдѣ насильственныя мѣропріятія ихъ не считались съ экономической обусловленностью, тамъ они потерпѣли самое жалкое крушеніе. Но опытъ этотъ, къ сожалѣнію, безчисленными жертвами долженъ былъ оплатить русскій народъ.

Великая заслуга Маркса и Энгельса — именно въ установленіи границъ для значенія воли въ исторіи. Границы эти проводятся ими въ двоякомъ направленіи — при извѣстныхъ условіяхъ онѣ обращаются противъ революціи, но съ другой стороны онѣ говорятъ и въ пользу революціи. На подаренномъ мнѣ Фридрихомъ Энгельсомъ листкѣ изъ наслѣдія Маркса, содержащемъ отрывокъ изъ перваго марксова наброска къ Коммунистическому Манифесту (никогда не появлявшагося въ печати), записано, между прочимъ, восклицаніе, съ которымъ Марксъ обращается къ представителямъ стараго общества, полагающимъ, что основы этого общества непоколебимы: «Вы — обращенные вспять утописты!» Это значить: вы хотите задержать развитіе, вы отрицаете, что можетъ существовать иная общественная форма за предѣлами вашей, вы утверждаете, что ваша — послѣдняя; но разсуждая такимъ образомъ, вы становитесь обращенными вспять утопистами! Съ величайшей отчетливостью оттѣняетъ онъ могущество воли. Онъ удерживаетъ, правда, рабочихъ отъ такихъ шаговъ, для которыхъ, при данныхъ обстоятельствахъ, отсутствуютъ еще необходимыя объективныя предпосылки. Но онъ же и поддерживаетъ въ нихъ энтузіазмъ, не позволяетъ имъ падать духомъ. Объ этомъ явственно свидѣтельствуетъ проникнутое духомъ марксизма рабочее движеніе. «Побѣда съ нами!» вотъ его лейтмотивъ, не покидающее его ощущеніе: «Мы все-таки побѣдимъ! Мы боремся за дѣло, которому принадлежитъ будущее!» < Но игнорированіе предѣловъ, ограничивающихъ могущество воли, является роковой ошибкой въ политикѣ большевизма. Этимъ объясняются многочисленные хозяйственно-полити-

ческие промахи ихъ, въ совершеніи которыхъ имъ приходится вновь и вновь сознаваться. Большевицкая политика состоитъ въ непрерывномъ неуклюжемъ экспериментированіи. Цѣлая литература засвидѣтельствовала это неотразимыми доказательствами. Конечно, въ постановленіяхъ и проектахъ большевиковъ можно найти много подкупающаго: грандіозные планы въ области воспитательнаго дѣла и соціальнаго обезпеченія, въ области организаціи производства и циркуляціи, въ области добыванія и использованія ископаемыхъ сокровищъ, и прочее. Но все это и безъ того можно найти въ литературѣ социализма. Произведенія социалистическихъ утопистовъ XVIII-го и начала XIX-го столѣтія полны зачастую грандіозныхъ мыслей и остроумныхъ проектовъ. Необычайно много затрачено тамъ ума и духовнаго напряженія, на бумагѣ многое превосходитъ придумано! Кое-что успѣло и осуществиться съ теченіемъ времени, хоть и не въ томъ объемѣ и не такимъ способомъ, какъ то представляли себѣ спекулятивно разсуждавшіе авторы.

Въ Россіи же, въ настоящее время, отсутствуютъ чуть ли не всѣ тѣ предварительныя условія, которыя потребны для большевицкихъ плановъ, и притомъ отчасти большевики сами ихъ уничтожили своимъ игнорированіемъ необходимыхъ духовныхъ предпосылокъ. Такъ, напр., достигнувъ господства, они поощряли рабочихъ къ фактическому завладѣнію фабриками, причемъ, однако, экономической ответственности рабочіе на себя не принимали. И каковы же были результаты? Фабриканты не выдержали и фабрики погибли! Рабочіе просто были не въ состояніи самостоятельно завѣдывать ими, они не были

фабрикантами и не хотѣли ими быть. Больше того, часть рабочихъ — и любопытно: какъ разъ значительная часть обученныхъ рабочихъ — равнымъ образомъ ушла. Въ опубликованныхъ самими же большевиками изданіяхъ можно прочесть, что значительный процентъ обученныхъ рабочихъ прямо-таки бѣжалъ съ фабрикъ и перебрался въ сельскія мѣстности, чтобы снискивать себя пропитаніе въ качествѣ мелкихъ ремесленниковъ.

Въ продолженіе четырёхъ лѣтъ большевистскаго господства города въ Россіи потеряли свыше четверти своего населенія, въ деревнѣ же все больше и больше сокращаются сборы хлѣбовъ. Отъ диктатуры пролетаріата, которая и формально едва существуетъ, перешли къ фактическому закабаленію пролетаріата, а отъ «удушенія», выражаясь словами Бухарина, капиталистическихъ предпринимателей — къ насажденію бюрократіи въ такихъ размѣрахъ, какіе едва ли удастся найти въ такой же пропорціи въ правительственномъ аппаратѣ и въ промышленности какой-либо другой страны.

Я не стану пускаться тутъ въ подробности. Въ мои намѣренія не входитъ порочить большевиковъ, я только обсуждаю ошибки большевизма, потому что его доктрина и его методы пріобрѣли въ настоящее время важное значеніе въ качествѣ спорныхъ вопросовъ социализма. Факты же, приводимые мною въ общихъ чертахъ, излагаются въ самой же большевистской литературѣ, будучи тамъ предметомъ оживленныхъ дискуссій — ибо послѣдствій ихъ боятся. Извѣстно, далѣе, что большевики создали новыхъ капиталистовъ и привлекаютъ въ страну иностранныхъ. Дѣло просто въ томъ, что при всемъ своемъ

политическомъ могуществѣ они не властны надъ ходомъ вещей. Опираясь на вооруженную силу, они могутъ давить и гнести, гдѣ только пожелаютъ: это, дѣйствительно, въ ихъ власти. Терроръ практикуется попрежнему, не ослабѣвая. Но на это способны были и азіатскіе деспоты и африканскіе султаны. Бѣдствія растутъ въ Россіи непрерывно, подавленіе всякой политической свободы продолжается. Не допускается ни одна социалистическая газета иного направленія, буржуазныя газеты вообще не могутъ появляться, терпятъ только большевистскіе органы. Нѣтъ для инакомыслящихъ и свободы собраний. Умерщвлена въ области хозяйственной свободная творческая энергія, являющаяся для Россіи прямо-таки необходимостью, если странѣ суждено хоть сколько-нибудь оправиться.

Поразительное воспроизведеніе старой царской деспотіи. О Николаѣ I, который жилъ въ срединѣ прошлаго столѣтія и былъ оплотомъ европейской реакціи, рассказываютъ, что когда появились желѣзныя дороги и онъ тоже пожелалъ провести такую дорогу изъ Москвы въ Петербургъ, онъ приказалъ подать себѣ карту и провелъ прямую черту: Вотъ такъ строить дорогу! Она и понынѣ зовется Николаевской желѣзной дорогой. Само собой разумѣется, что она стоила страшно много. Съ почвенными условіями, болотами и пр. онъ не считался, а чего царь пожелалъ, то и должно было быть исполнено. — Этотъ духъ присущъ, до извѣстной степени, и Н. Ульянову-Ленину. Слѣдствіе — возрастающая хозяйственная разруха.

Вездѣ, гдѣ нѣтъ упорядоченныхъ правовыхъ отношеній, гдѣ господствуетъ неувѣренность въ области

права, гдѣ сегодня не знаютъ, какіе законы будутъ въ силѣ завтра, тамъ наступаетъ разореніе. И вѣсти, которыя сейчасъ доходятъ до насъ изъ Россіи, это ужасающее голоданіе цѣлыхъ милліоновъ людей, отчасти тоже является слѣдствіемъ этого экспериментированія. Правда, непосредственной причиной было явленіе природы, противъ котораго человѣчество пока еще бессильно: чудовищная засуха. Но не надо забывать, что даже и противъ засухи человѣкъ все же не совсѣмъ беспомощенъ. Гдѣ почва достаточно удобрена и интенсивно обработана, тамъ она въ большей мѣрѣ способна противостоятъ засухѣ, чѣмъ при недостаточности удобрения и поверхностной только обработкѣ. Но если народъ, особенно земледѣльческій народъ (Россія, вѣдь, страна преимущественно крестьянская), если крестьяне не имѣютъ увѣренности въ томъ, что земля останется за ними, что урожай достанется имъ, то они только поверхностной обработкой земли и ограничиваются, ничего въ землю не вкладываютъ. Вслѣдствіе этого, напр., Малая Азія, которая нѣкогда была, по плодородію своему, настоящимъ раемъ, и притомъ именно въ западной ея части, подъ гнетомъ произвола турецкихъ пашей и деспотической турецкой налоговой системы, натурального налога, оказалась на значительномъ протяженіи своемъ занесенной песками. И, къ сожалѣнію, такую же картину видимъ мы и въ Россіи. Страшными послѣдствіями сказалось пренебреженіе къ экономическимъ законамъ, къ матеріальнымъ и духовнымъ или эмоціональнымъ условіямъ хозяйственной жизни, и къ функціямъ хозяйственныхъ дѣятелей на опредѣленномъ уровнѣ развитія.

Допустили раздѣлъ между крестьянами крупныхъ имѣній, на которыхъ велось частью весьма раціональное хозяйство и которыя давали значительные избытки продуктовъ. Каковы были послѣдствія? Избытковъ не стало. Правда, нельзя за все возлагать отвѣтственность на систему, на партію. Во время революціи многое происходитъ и противъ воли самихъ революціонеровъ. Но для того, чтобы сократить, насколько то возможно, объемъ неизбѣжныхъ эксцессовъ и въ возможно кратчайшій срокъ создать условія, соотвѣтствующія потребности возстановленія хозяйственной жизни, необходимо было сотрудничество всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ на почвѣ созданнаго февральской революціей правового положенія. И, только теперешняя разруха и могла быть послѣдствіемъ противоположнаго образа дѣйствій, внушеннаго безумнымъ предположеніемъ, будто все дѣло только въ силѣ, будто обладая ею, можно будетъ начать все заново — «удушивъ» предварительно, по выраженію Бухарина, все буржуазное народное хозяйство. Такъ поступать можно ребенку, играющему въ кубики. Но трактовать такъ условія существованія многомилліоннаго народа — это цезарское безуміе, все равно, исходитъ ли оно отъ коронованнаго властителя или отъ революціонеровъ. Оно могло укорениться у большевиковъ только потому, что основная мысль ихъ доктрины представляетъ собою совершенно ложно истолкованный, безмѣрно огрубѣвшій марксизмъ.

Къ этому добавлю еще слѣдующее.

У большевизма много критиковъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было бы тутъ цитировать. Я воздерживался отъ этого, чтобы не навлекать на себя упрека

въ пристрастіи. Только объ одной работѣ хотѣлъ бы я упомянуть. Это — брошюра Н. Гефимова «Къ соціологіи большевизма» (Берлинъ, издательство «Freiheit»). Авторъ, русскій, первые годы господства большевиковъ прожившій въ бывшей царской Имперіи, выясняетъ внутреннюю связь между большевизмомъ и революціонно-террористическимъ движеніемъ въ царской Россіи, представлявшимъ собою движеніе не рабочаго класса, а деклассированныхъ интеллигентовъ, стремившихся радикализмомъ превзойти одинъ другого — тенденція, объясняющаяся политическимъ состояніемъ Россіи. На этой-то почвѣ ученіе Маркса, попавъ въ Россію, и подверглось истолкованію въ духѣ грубаго насилія.

Дѣйствительно, большевизмъ есть специфически русское явленіе, представляющееся понятнымъ въ свѣтѣ тѣхъ условій, которыя долго господствовали въ Россіи, гдѣ при абсолютистскомъ режимѣ въ ходу были самыя суровыя средства принужденія и гнета. Это — явленіе понятное, но отнюдь не заслуживающее еще поэтому подражанія. Оно служитъ примѣромъ гибельныхъ послѣдствій, къ которымъ приводитъ роковая ошибка мышленія, выражающаяся въ вѣрѣ во всемогущество грубой силы, въ игнорированіи основныхъ законовъ общественнаго бытія и въ пренебреженіи къ органическому началу въ эволюціи вышедшихъ изъ состоянія первобытной дикости человѣческихъ обществъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

БЛИЖАЙШИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНІЯ СОЦІАЛИЗМА.

Автору настоящей книги приписывается сентенція: «Конечная цѣль — ничто, движеніе — это все!» Мнѣ, однако, и въ голову не приходило выставить такое несообразное утвержденіе. Въ дѣйствительности же, отвѣчая въ свое время (весною 1898 года) на упрекъ въ томъ, что въ статьяхъ моихъ почти нигдѣ нѣтъ рѣчи о конечной цѣли соціализма, я заявилъ: для меня то, что обычно называютъ «конечной цѣлью соціализма», представляетъ чрезвычайно малый интересъ; цѣль эта, какова бы она ни была, для меня ничто, движеніе — все. Я говорилъ только о личной незаинтересованности, и далека была отъ меня мысль устанавливать тутъ какой-либо объективный тезисъ, притязающій на общеобязательное значеніе.

Слова мои были поняты, между тѣмъ, именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и вызвали извѣстный шумъ. Какія особыя обстоятельства были тому причиною, это можно оставить здѣсь безъ разсмотрѣнія. Одно только слѣдуетъ замѣтить: если бы не тѣ условія, которыя въ то время господствовали, фраза эта ни у кого не вызвала бы нареканій. Потому что на самомъ дѣлѣ она не содержала ничего такого, что

существенно отличалось бы отъ положеній, вошедшихъ въ рѣчь о гражданской войнѣ во Франціи, составленную Марксомъ для генеральнаго совѣта международной рабочей ассоціаціи въ 1871 г.:

«Рабочему классу . . . не приходится вводить, по постановленію народа, какихъ-либо цѣликомъ готовыхъ утѣшій. Онъ знаетъ, что для того, чтобы достигнуть своего собственного освобожденія, а вмѣстѣ съ нимъ — и установленія высшихъ формъ жизни, къ которымъ современное общество неудержимо стремится въ силу собственного своего экономического развитія, — что для этого ему, рабочему классу, придется вести долгую борьбу, пройти черезъ цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, которые совершенно преобразятъ и людей, и обстоятельства . . . Ему нужно только добиться высвобожденія тѣхъ элементовъ новаго общества, которые успѣли уже развиться въ лонѣ рушащагося буржуазнаго общества».

У меня велѣдъ за цитированной фразой было добавлено: «Подъ движеніемъ же я разумѣю какъ общее движеніе общества, то-есть, соціальный прогрессъ, такъ и политическую и экономическую агитацію и организацію въ цѣляхъ содѣйствія этому прогрессу».

Было бы, конечно, нелѣпо стараться создать такое впечатлѣніе, будто бы между смысломъ этихъ утвержденій у Маркса и моимъ замѣчаніемъ вообще никакого сколько-нибудь важнаго различія не было. Разница, безспорно, есть. Марксъ ожидалъ, что установленіе указаннаго новаго общественнаго строя произойдетъ скорѣе, крушеніе стараго совершится быстрѣе, нежели то думалъ я, а въ силу такого предположенія и рѣчь его звучала иначе. Но мысль, что

рѣшающее значеніе имѣеть само движеніе и связанная съ нимъ борьба, что къ этому-то и сводится все дѣло, является и у него лейтмотивомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Марксъ написалъ названную выше работу, прошло добрыхъ полстолѣтія, и можно было бы поставить вопросъ, не держался ли онъ все-таки того мнѣнія, что полное крушеніе стараго общества не заставитъ себя такъ долго ждать. Многие говорятъ за это, и во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ заслуживаетъ разсмотрѣнія въ интересахъ правильнаго пониманія различныхъ сужденій, высказывавшихся Марксомъ въ тотъ періодъ его жизни. Для нашихъ же цѣлей достаточно констатировать тотъ фактъ, что основатель научнаго социализма безъ обиняковъ заявляетъ тутъ: грядущее новое общество явится только въ результатѣ «цѣлаго ряда историческихъ процессовъ, которые совершенно преобразятъ и людей, и обстоятельства».

Когда Марксъ писалъ главное свое произведеніе, «Капиталь», европейскій міръ какъ политически, такъ и экономически находился въ фарватерѣ демократически окрашеннаго либерализма. Въ духѣ этого либерализма реформировались конституціи, стѣсненія, ограничивавшія свободу печати и право собраній, смягчались или упразднялись, парламентское избирательное право расширялось. Въ Англіи побѣду одержалъ принципъ свободы торговли и, казалось, оттуда должно было начаться триумфальное шествіе его по всему капиталист. міру. Таможенные ставки понижались, заключались торговые договоры на началахъ наибольшаго благопріятствованія — договоры, бывшіе переходной ступенью къ

полной свободѣ торговли. Упованіямъ на эру все-свѣтнаго мира чувствительный ударъ нанесли, правда, три германскихъ войны, но причиненный ими въ хозяйственной жизни вредъ ощущался не слишкомъ болѣзненно. Капиталистическое производство претерпѣвало время отъ времени кризисы, но развитіе его не останавливалось; богатство капиталистическихъ странъ росло, міровое товарное обращеніе все увеличивалось, города и промышленные центры раздвигали свои предѣлы, промышленныя и торговыя предпріятія становились все крупнѣе и въ связи съ этимъ значительно повышалась и численность промышленныхъ рабочихъ, пролетаріата. Но въ этой либеральной эволюціи въ концѣ семидесятыхъ годовъ, къ тому времени, когда Марксъ вслѣдствіе болѣзни вынужденъ былъ прекратить писательство, произошла остановка. Волна протекціонистской реакціи прокатилась по міру и повлекла за собою колониально-политическія стремленія импералистическаго характера; въ отношеніяхъ между великими державами произошелъ поворотъ къ худшему, стали складываться коалиціи державъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наступила эра усиленныхъ вооруженій на морѣ и на сушѣ. Но въ то же время новый подъемъ пережило и рабочее движеніе, соціалистическій Интернаціональ вновь возродился къ жизни и въ сравнительно короткое время превзошелъ старый Интернаціональ какъ многочисленностью примкнувшихъ странъ, такъ и внутренней силой своихъ національныхъ секцій.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ процессовъ страны современнаго развитія приобрѣли фیزیономію, отличную отъ той, которую зналъ и могъ предвидѣть

Марксъ. Духовная реакція въ воззрѣніяхъ на взаимоотношенія между народами и на условія внутренней безопасности овладѣла буржуазными классами. Желать войны они не рѣшались и въ то же время все меньше вѣрили въ длительное сохраненіе мира. Послѣ неудачи бисмарковскаго исключительнаго закона противъ социаль-демократіи они утратили вѣру въ возможность подавленія ея насильственными средствами и все же чувствовали необходимость обороняться отъ растущаго рабочаго движенія. Въ Германіи результатомъ было все большее ослабленіе позицій бюргерскихъ элементовъ по отношенію къ правительству, и все новыя и новыя попытки этого послѣдняго — путемъ законодательныхъ уступокъ побудить рабочихъ къ отпаденію отъ социаль-демократіи, что, однако, не удалось. Главнѣйшая изъ этихъ уступокъ — введенное Бисмаркомъ страхованіе рабочихъ повело, напротивъ, къ противоположному результату. Въ матеріальномъ отношеніи оно дало рабочимъ слишкомъ мало, чтобы удовлетворить ихъ, но зато въ социальныхъ своихъ послѣдствіяхъ вышло далеко за предѣлы того, что имѣлъ въ виду Бисмаркъ. Оно создало въ органахъ страхованія (больничныя кассы, засѣдатели въ присутствіяхъ по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ и отъ инвалидности) особое чиновничество изъ рабочей среды и съ теченіемъ времени чиновничество это стало резервуаромъ, поставлявшимъ рабочему классу множество подготовленныхъ людей для организаціонныхъ задачъ и представительства въ иныхъ областяхъ. Въ такомъ же направленіи вліяли и промышленные суды, благодаря институту засѣдателей изъ рабочей среды. Находя поддержку въ

этихъ установленіяхъ, профессиональные рабочіе союзы въ послѣднее десятилѣтіе девятнадцатаго столѣтія и далѣе въ двадцатомъ вѣкѣ получили въ Германіи распространеніе, превосходившее всякія ожиданія, такъ что подъ конецъ они по числу членовъ почти сравнялись съ англійскими профессиональными союзами, а по разработанности внутренняго своего уклада и плодотворному сплоченію всѣхъ силъ стали даже выше ихъ. Параллельно съ этимъ росла политическая организація рабочаго класса и его печать, и увеличивалось число представителей его въ государственныхъ и мѣстныхъ парламентахъ. Сѣть установленныхъ закономъ и вольныхъ рабочихъ представительствъ покрыла всю страну, въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ явился созданный самимъ рабочимъ движеніемъ и имъ же поддерживаемый, въ качествѣ сборнаго пункта, народный домъ или домъ профессиональныхъ союзовъ, и рабочій секретаріатъ, гдѣ рабочій получалъ справки о касающихся его соціальныхъ законахъ; одновременно съ тѣмъ вниманіе его, естественно, обращалось на политическія и хозяйственныя организаціи его класса. Новое столѣтіе узрѣло, кромѣ того, значительное распространеніе и усиленіе рабочихъ потребительныхъ товариществъ, руководители и служащіе которыхъ еще болѣе увеличили армію выдвинутаго рабочимъ классомъ должностного персонала.

Но съ другой стороны не преминули организоваться и предприниматели. Въ области чисто хозяйственной основаны были во всѣхъ отрасляхъ промышленности картели и синдикаты — съ цѣлью уменьшить давленіе, оказываемое конкуренціей на уровень цѣнъ; во многихъ случаяхъ они переходили

и къ регулированію производства, т. е. временно ограничивали производство по извѣстной системѣ, если наступало или грозило перепроизводство. Еще болѣе тѣсное сплоченіе капиталистическихъ предприятий совершалось въ формѣ трѣсто-образныхъ объединеній и сляній или концерновъ въ сферѣ крупной промышленности. Далѣе, для противодѣйствія профессиональнымъ союзамъ и прочимъ коалиціямъ рабочихъ созданы были союзы предпринимателей или работодателей, число которыхъ въ концѣ концовъ стало такъ велико, что въ представленныхъ ими предприятияхъ рабочихъ оказалось значительно большее количество, чѣмъ въ составѣ профессиональныхъ союзовъ. Но не взирая на ихъ многочисленность и финансовую мощь, сила того сопротивленія, которое они могли оказывать рабочимъ, была все же ограничена. Все чаще приходили они къ заключенію, что благоразумнѣе заключить съ организованными рабочими тарифный договоръ, чѣмъ пытаться собственной односторонней волей продиктовать имъ условія вознагражденія, и въ статистикѣ профессиональныхъ союзовъ число случаевъ, когда споры о заработной платѣ и т. п. заканчиваются тарифными соглашениями, не доводя до стачекъ или локаутовъ, значительно больше, чѣмъ число тѣхъ случаевъ, гдѣ сторонамъ приходится помѣряться силами въ экономической борьбѣ.

Такимъ образомъ, въ Германіи наканунѣ войны соціальныя отношенія въ сферѣ промышленности представляли во многомъ существенно иную картину, нежели та, которую предвидѣлъ Марксъ въ «Капиталѣ». Тамъ въ главѣ «Историческая тенденція капиталистическаго накопленія» говорилось:

«Одновременно съ постоянно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые узурпируютъ и монополизируютъ все выгоды этого процесса преобразования (концентраціи предпріятій. Эд. Б.), растетъ объемъ нищеты, гнета, деградации, эксплуатаціи, но также и возмущенія рабочаго класса, непрерывно расширяющагося и самымъ механизмомъ капиталистическаго производственнаго процесса дисциплинируемаго, объединяемаго и организуемаго».

Въ дѣйствительности же, число магнатовъ капитала, несмотря на сильное движеніе въ сторону концентраціи хозяйственныхъ предпріятій, не уменьшалось, а постоянно увеличивалось. Такъ напр., въ Пруссіи (общеевропейской статистики въ этой области до сихъ поръ не существуетъ) число зарегистрированныхъ переписью лицъ съ имуществомъ свыше полумилліона марокъ за время съ 1895 года, когда впервые появляется статистика имуществъ, до 1914 года возросло болѣе чѣмъ на 50⁰/₀, и еще сильнѣе увеличился слой высшихъ по размѣрамъ получаемаго дохода разрядовъ. Но и слой среднихъ по доходу разрядовъ росъ быстрѣе, чѣмъ общее количество народонаселенія, а положеніе, достигнутое рабочимъ классомъ, если и оставляло еще желать многоаго, то было въ хозяйственномъ и соціально-правовомъ отношеніи все же лучше, чѣмъ, скажемъ, въ то время, когда Марксъ писалъ приведенныя строки. Обширныя категоріи рабочихъ добились девятичасоваго рабочаго дня и только немногіе работали больше десяти часовъ. Заработная плата значительно поднялась по номинальнымъ своимъ размѣрамъ, а по покупательной своей силѣ, хотя и въ меньшей, но все же довольно существенной степени тоже превысила прежній уро-

вень. Уставъ промышленности, промышленные суды, тарифные договоры, тарифныя учрежденія, законы о страхованіи, трудовое посредничество государственное и организованное профессиональными союзами, и аналогичныя установленія привели, въ связи съ правомъ коалицій, къ тому, что вмѣсто деградации наступило улучшеніе правового положенія рабочаго по отношенію къ предпринимателю и къ его служащимъ. Нужда въ извѣстныхъ слояхъ рабочаго населенія была еще налицо, но она не увеличивалась. Показателемъ тому служить между прочимъ ростъ потребленія злаковъ и различныхъ предметовъ продовольствія, равно какъ и текстильныхъ товаровъ, по расчету на голову населенія. Далѣе — пониженіе цифры смертности и значительное увеличеніе количества браковъ. Правда, параллельно съ этимъ послѣднимъ шло постоянное паденіе рождаемости. Но и оно является, какъ то извѣстно всякому, кто знакомъ съ наукой о народонаселеніи, признакомъ уменьшающейся массовой бѣдности. Увеличеніе количества браковъ въ эпоху развитого капитализма опровергало и другое заключеніе, къ которому приходили социалисты, основывавшіеся на явленіяхъ и, свойственныхъ эпохѣ зарождающагося капиталистическаго производства, именно, то заключеніе, будто капитализмъ ведетъ къ полному разложенію семьи въ средѣ пролетаріата.

Правда, все это не было какимъ-нибудь автоматическимъ результатомъ самаго механизма капиталистическаго производственнаго процесса. Конечно, и онъ не оставался тутъ совсѣмъ въ сторонѣ, въ различныхъ отношеніяхъ имъ созданы были экономическія предпосылки для социальнаго прогресса. Но,

какъ видно уже изъ сказаннаго выше, самый прогрессъ этотъ былъ по большей части плодомъ мѣръ социальнаго противодѣйствія — съ одной стороны, законодательства и управленія, на которыя рабочіе оказывали въ возрастающей мѣрѣ свое воздѣйствіе, пользуясь средствами политическаго давленія, съ другой же стороны — улучшенія достигались благодаря непосредственной дѣятельности хозяйственныхъ организацій самихъ рабочихъ. Но каковы бы ни были силы, видоизмѣнившія картину, — картина была не та, какую нарисовалъ Марксъ, поскольку рѣчь идетъ о классовомъ разслоеніи и о социальномъ положеніи классовъ. И если, чтобы не выставить Маркса въ ложномъ свѣтѣ, необходимо замѣтить, что характеризовалъ онъ, вѣдь, именно только тенденцію развитія, изъ самаго понятія которой вытекаетъ уже возможность отклоненій въ сферѣ реальной дѣйствительности, — то фактически такое отклоненіе и произошло на дѣлѣ, предуказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что и дальнѣйшее развитіе не пойдетъ уже согласно той первоначальной схемѣ.

Къ тому же, въ области сельскаго хозяйства эволюція классовъ совершалась вообще въ иномъ направленіи, нежели въ промышленности, торговлѣ и транспортномъ дѣлѣ. Здѣсь не было и признаковъ поглощенія среднихъ и мелкихъ предпріятій крупными. Напротивъ, первыя обнаружили гораздо большую устойчивость, чѣмъ послѣднія. И тутъ, опять-таки, объясняется это, въ значительной степени, примѣненіемъ мѣръ социальнаго противодѣйствія, изъ которыхъ въ первую очередь приходится назвать сильно развитую систему сельскохозяйственной кооперации: при широкомъ использо-

ваніи ея для средняго и мелкаго крестьянина становятся доступны почти все тѣ техническія преимущества, которыми располагаетъ крупный землевладелецъ, обладающій значительнымъ капиталомъ. Но имѣются, кромѣ того, и иные моменты, связанные съ самымъ процессомъ производства, вслѣдствіе которыхъ размѣры предпріятій эволюціонируютъ въ области сельскаго хозяйства иначе, чѣмъ въ промышленности. Упомянемъ только о томъ важномъ обстоятельстве, что сельско-хозяйственное производство есть по преимуществу производство органическое, направленное на разведеніе животныхъ и растений, а не механическое, состоящее въ обработкѣ мертваго матеріала.

Война принципіальныхъ измѣненій въ этотъ ходъ соціального развитія не внесла. Она повела временно къ колоссальнымъ перемѣщеніямъ въ занятіяхъ классовъ и половъ. Вмѣсто миллионовъ мужчинъ, побившихся на фронтѣ, въ тыловыхъ учрежденіяхъ и для гарнизонной службы въ оккупированныхъ областяхъ, образовавшуюся въ промышленности, торговлѣ и транспортномъ дѣлѣ брешь должны были заполнить женщины; сфера женскаго профессиональнаго труда испытала значительное расширеніе. Промышленность вынуждена была приспособить свое производство къ потребностямъ войны. Для изготовленія орудій, снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ расширены были существующіе заводы, построены новые, и много фабрикъ, изготовлявшихъ раньше фабрикаты совѣзмъ иного рода, перешли на производство военныхъ матеріаловъ. Далѣе, необходимость ограниченія потребленія въ виду прекращенія подвоза привела къ установленію государственнаго

контроля надъ торговлей пищевыми припасами и другими предметами первой необходимости; для этой цѣли созданы были центральные органы, завѣдывавшіе различными категоріями предметовъ потребления и регулировавшіе снабженіе ими потребителей. Снабженіе это было обусловлено представленіемъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о дѣйствительной потребности; предметы ежедневнаго потребления (хлѣбъ, мясо, молоко и т. д.) были рачіонированы, торговцамъ разрѣшалось отпускать ихъ не иначе, какъ по карточкамъ; установлены были, равнымъ образомъ, максимальныя цѣны на нихъ, сверхъ которыхъ съ покупателя ничего нельзя было требовать. При содѣйствіи властей организованы были военныя общества, которыя должны были централизовать изготовленіе опредѣленныхъ фабрикатовъ и задачей которыхъ было вліять на производство въ смыслѣ сокращенія непродуктивныхъ расходовъ.

Въ свое время описанныя только что мѣропріятія многими восхвалялись въ качествѣ соціалистическихъ или въ качествѣ осуществленія соціалистическихъ идей, и дѣйствительно, тутъ имѣются точки соприкосновенія съ соціалистическимъ принципомъ регулированія производства и сбыта во имя общаго интереса и наибольшей хозяйственности. Но такого рода сосредоточеніе матеріальныхъ средствъ и подчиненіе производства и торговли мгновеннымъ интересамъ обширнаго цѣлаго часто бывало и раньше во времена войны, и если это называть соціализмомъ, то такой соціализмъ оказался бы, пожалуй, такъ же старъ, какъ и война вообще. Его окрестили военнымъ соціализмомъ — не безъ основанія въ томъ отношеніи,

что этого рода социализм просуществовалъ не дольше, чѣмъ длилась война. Такъ бывало раньше, такъ и на этотъ разъ случилось въ Германіи. Здѣсь, притомъ, скорѣе всего отпало какъ разъ то, что больше всего заслуживало сохраненія: защита потребителей отъ ростовщическихъ цѣнъ. Правда, уже въ послѣдніе годы войны защита эта въ значительной степени перестала быть дѣйствительной. Для многихъ товаровъ установленіе максимальныхъ цѣнъ всякій разъ являлось сигналомъ къ исчезновенію съ открытаго рынка, такъ что въ дальнѣйшемъ доставать ихъ можно было уже только окольными путями — «изъ-подъ полы» — по ростовщическимъ цѣнамъ. Въ первое время овладѣвшее умами патріотическое возбужденіе способствовало тому, что большинство добровольно подчинялось предписаніямъ, необходимымъ въ общихъ интересахъ. Но когда возбужденіе ослабѣло, спекуляція, пособниками которой явилось неразуміе однихъ и безпринципность другихъ, стала шагъ за шагомъ брать верхъ, настолько, что подъ конецъ считалось уже нецѣльнымъ — не требовать такихъ цѣнъ, съ которыми платежеспособные покупатели готовы еще были мириться, и отказывать себѣ въ такомъ питаніи, которое данному лицу было по средствамъ. Соціальная мораль была уже сильно расшатана къ тому времени, когда съ крушеніемъ арміи рушилась и сама императорская власть.

Революція могла только на время задержать дальнѣйшее распространеніе вѣвшагося зла. Еще не оправившись отъ парализовавшаго ихъ страха естественные ея противники — реакціонеры различныхъ степеней, какъ за дискредитированіе юной республики въ глазахъ народа уже взялись не щадившіе

усилій пропагандисты совѣтской диктатуры, которыхъ большевистское правительство Россіи щедро снабжало деньгами и иными средствами агитаціи. О значительномъ большинствѣ тѣхъ, кто въ теченіе 1919 года участвовалъ, въ качествѣ бойцовъ, въ инсценированныхъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи возстаніяхъ, можно, по истинѣ, сказать: они не вѣдали, что творили. Что подчиненіе Германіи владычеству совѣтской диктатуры было просто-напросто невозможно, это должно было бы быть ясно всякому, кто хоть сколько-нибудь знакомъ былъ съ ея экономическимъ положеніемъ и соціальной структурой. Что погубило Россію — страну преимущественно аграрную, то еще меньше могла бы выдержать промышленная Германія, отличающаяся такимъ высокимъ уровнемъ развитія. Высшій по структурѣ организмъ гораздо чувствительнѣе къ насильственному вмѣшательству въ жизненные его функціи, нежели стоящій на низшей ступени развитія. Все же, нельзя, будучи соціалистомъ, не пожалѣть, что тотъ періодъ, когда правительственная власть была въ рукахъ совѣта народныхъ уполномоченныхъ, — по существу это, вѣдь, тоже было правленіе на началахъ диктатуры, хотя, къ чести ея сказать, диктатуры свободолобивой, осуществлявшейся вполнѣ гуманно и не отступавшей отъ широкой терпимости, — что періодъ этотъ не былъ использованъ болѣе энергично въ хозяйственно-политическомъ отношеніи. Такъ, напр., въ порядкѣ правительственнаго указа можно было бы придать правамъ государства въ сферѣ землевладѣнія и горнаго дѣла гораздо болшій объемъ, нежели то было сдѣлано въ дѣйствительности; это не встрѣтило бы сколько-нибудь значительнаго проти-

водѣйствія со стороны буржуазныхъ классовъ, которые уже и тому были рады, что достигшій власти рабочій классъ не грозитъ самому существованію ихъ, и не нанесло бы ущерба народному хозяйству. Но, поставленное въ необходимость защищать республику отъ насильническихъ посягательствъ слѣва, обремененное множествомъ нетерпящихъ отлагательства задачъ, возникавшихъ изъ заботъ о размѣщеніи и демобилизаціи катившагося назадъ многомилліоннаго войска, изъ тревожнаго положенія на востокѣ и сѣверовостокѣ, изъ требованій державъ-побѣдительницъ по договору о перемиріи, заваленное множествомъ внутреннихъ административныхъ вопросовъ, правительство не имѣло возможности въ ту краткую, едва три мѣсяца обнимавшую эпоху приступить къ обсужденію и выработкѣ указа, необходимаго для такой реформы, вторгавшейся въ сферу многообразнѣйшихъ правовыхъ нормъ; тѣмъ болѣе, что разграниченіе между полномочіями общегерманской республики и правами превратившихся въ республики отдѣльныхъ государствъ вызывало крупнѣйшія разногласія и нуждалось въ урегулированіи со стороны учредительнаго національнаго собранія.

Кромѣ того, какъ разъ въ вопросахъ о превращеніи частной собственности въ государственную, правительство не было свободно въ своихъ рѣшеніяхъ. Весь образъ дѣйствій державъ-побѣдительницъ по отношенію къ побѣжденной Германіи заставлялъ считаться съ той возможностью, что державы эти по мирному договору оставятъ за собою право секвестра государственной собственности въ опредѣленныхъ случаяхъ; и дѣйствительно, согласно продиктованному въ Версали миру такъ и случилось. Первая же

статья посвященнаго финансовымъ вопросамъ раздѣла — статья 248-я — постановляетъ, что вытекающія изъ продиктованныхъ Германіи условій притязанія союзниковъ обезпечиваются «въ первую очередь всеми имущественными цѣнностями и источниками доходовъ Германіи и отдѣльныхъ германскихъ государствъ».

Съ открытіемъ избраннаго 19-го января 1919 года Національнаго Собранія, правленіе совѣта народныхъ уполномоченныхъ, состоявшаго исключительно изъ соціалъ-демократовъ, пришло къ концу. По принятіи закона о предварительной организаціи общегосударственной власти, Національное Собрание 10-го февраля 1919 года президентомъ Германской Республики избрало, правда, соціалъ-демократа Фритца Эберта (277-ю голосами изъ 379), но въ качествѣ перваго кабинета составилось коалиціонное правительство изъ 7 соціалъ-демократовъ, 3 членовъ партіи центра, 3 членовъ демократической партіи и одного, близкаго къ демократической партіи, безпартійнаго министра. Съ тѣхъ поръ въ Германіи у власти находились только коалиціонныя правительства, состоявшія изъ соціалъ-демократическихъ и буржуазныхъ министровъ, за исключеніемъ періода съ іюня 1920 г. до іюня 1921 г., когда въ составъ правительства входили одни только представители буржуазныхъ партій. Не исключена та возможность, хотя очень вѣроятной она и не представляется, что выборы ближайшихъ лѣтъ дадутъ большинство въ рейхстагѣ соціалъ-демократамъ. Іюнскіе выборы 1920 года — выборы въ первый рейхстагъ Германской Республики — обнаружили, напротивъ, относительное уменьшеніе количества соціалистическихъ голо-

совъ по сравненію съ буржуазными. Между тѣмъ какъ во время выборовъ въ Національное Собраніе подано было 13 827 000 социалистическихъ голосовъ противъ 16 574 000 буржуазныхъ, теперь 10 952 000 социалистическимъ голосамъ противостояло 15 065 000 буржуазныхъ. Съ приблизительно 45,5 проц. доля социалистическихъ голосовъ упала до 42,1 процента.

Такъ какъ сильнѣйшая изъ социалистическихъ партій Германіи, германская социаль-демократическая партія, короче именуемая партіей социалистовъ большинства, стала на ту точку зрѣнія, что правительственная власть должна исходить отъ народнаго представительства, избираемаго на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права всѣмъ взрослымъ населеніемъ страны, — то до тѣхъ поръ, пока будетъ сохраняться указанное соотношеніе голосовъ, осуществленіе социализма въ законодательномъ порядкѣ возможно будетъ лишь въ томъ объемѣ, на какой передовые элементы буржуазныхъ партій дадутъ свое согласіе — добьются ли социалисты этого согласія путемъ переговоровъ или же демонстраціи.

Это не значитъ непремѣнно, что объемъ этотъ будетъ малъ. Какъ бы ни представлять себѣ социалистическій режимъ въ его завершенной формѣ, никто не станетъ оспаривать, что однимъ гигантскимъ скачкомъ его не достигнуть, что, напротивъ, онъ можетъ быть только результатомъ цѣлой цѣпи мѣропріятій, осуществляемыхъ черезъ извѣстные, болѣе или менѣе продолжительныя промежутки времени. Это признавали великіе основатели научнаго социализма, по разнымъ поводамъ высказывавшіеся въ этомъ смыслѣ. Но ни одно изъ этихъ мѣропріятій не будетъ, не должно быть несомвѣстимо съ наличнымъ въ дан-

ный моментъ уровнемъ соціально-экономическаго развитія. Если такая несовмѣстимость будетъ допущена, то соотвѣтственное мѣропріятіе неизбѣжно потерпитъ неудачу, а соціалисты, его добивавшіеся или къ нему принудившіе, нанесутъ вреда больше, чѣмъ буржуазныя партіи. Для тѣхъ же мѣропріятій, которыя совмѣстимы съ достигнутымъ уровнемъ соціально-экономическаго развитія, всегда почти удавалось добиться поддержки также и у извѣстныхъ группъ въ рядахъ не-соціалистическихъ партій, какъ бы рѣзко ни вторгались такія мѣропріятія въ сферу правъ и интересовъ имущихъ слоевъ.

Необходимо, слѣдовательно, весьма точно уяснять себѣ предположительныя послѣдствія хозяйственныхъ и соціально-политическихъ мѣропріятій. Только съ этой оговоркой могутъ быть въ настоящее время принимаемы въ соображеніе тѣ сводки соціалистическихъ мѣропріятій, которыя вырабатывались Марксомъ и Энгельсомъ по различнымъ поводамъ (въ заключеніи Коммунистическаго Манифеста, далѣе, когда разразилась революція 1848 г. — въ видѣ программы требованій коммунистической партіи въ Германіи) на случай захвата политической власти рабочими. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій нашли свое осуществленіе въ ходѣ буржуазныхъ общественныхъ движеній и на путяхъ парламентской дѣятельности; другія предполагаютъ состояніе доведенной до крайнихъ предѣловъ политической революціи и давно уже исчезнувшую простоту отношеній; инныя таятъ въ себѣ проблемы, которыхъ авторы не сознавали и при той простотѣ отношеній и не могли сознавать. Сюда относится, напримѣръ, требованіе Коммунистическаго Манифеста: «Центра-

лизация кредита въ рукахъ государства посредствомъ національнаго банка съ государственнымъ капиталомъ, дѣйствующаго на началахъ полной монополіи». При сопоставленіи съ высокоразвитою и широко развѣтвленной кредитной системой нашего времени, требованіе это пріобрѣтаетъ характеръ прямо-таки дѣтской упрощенности. Точно также и требованіе 1848 г.: «Ипотеки, лежація на крестьянскихъ земляхъ, объявляются государственной собственностью» — въ настоящее время масса этихъ ипотекъ находится въ рукахъ учрежденій публичнаго и полупубличнаго характера (сберегательныя кассы, страховыя общества и пр.). Требованіе Коммунистическаго Манифеста объ «упраздненіи наслѣдственнаго права» авторами его въ программѣ, относящейся ко времени революціи 1848 года, смягчено въ «ограниченіе наслѣдственнаго права», а впоследствии, въ полемикѣ противъ бакунистовъ, Марксъ называетъ это требованіе сенъ-симонистской причудой. Съ ходомъ общественнаго прогресса извѣстныя требованія получаютъ иной обликъ, лежащая въ основѣ ихъ мысль практическое примѣненіе свое должна находить уже въ видоизмѣненной формѣ. Въ мѣропріятіяхъ по реализаціи соціалистическихъ началъ необходима гораздо дальше проведенная специализація. Осуществимый въ каждый данный моментъ прогрессъ покажется въ этихъ условіяхъ скромнѣе, чѣмъ нѣкоторыя, въ прежнія времена совершенныя, преобразования, зато захватываемая имъ сфера будетъ значительно шире.

Въ силу политическихъ переворотовъ, послѣдовавшихъ за войною, государственно-политическія правовыя требованія соціаль-демократіи въ Гер-

маніи и въ большинствѣ другихъ странъ получили осуществленіе въ значительнѣйшей своей части, и теперь задача сводится къ тому, чтобы соціалистическая идея все болѣе и болѣе широкое практическое примѣненіе получала въ хозяйственной жизни: стремленія, направляющіяся въ эту сторону, охватываются въ настоящее время собирательнымъ понятіемъ соціализаціи. Легко можетъ возникнуть мысль замѣнить латинскій терминъ словомъ: обобществленіе. Однако, обозначенія эти не равнозначущи. Второе заставляетъ думать почти исключительно о превращеніи частныхъ предпріятій или группъ таковыхъ въ общественное достояніе, обслуживающее общіе интересы. Между тѣмъ, понятіе соціализаціи имѣетъ болѣе широкія границы. Оно примѣнимо и къ преобразованіямъ въ сферѣ правъ на предпріятіе, правъ на завѣдываніе имъ. И для интересующей насъ проблемы это имѣетъ немалое значеніе.

Для превращенія предпріятій или отраслей промышленности въ общественное достояніе наиболѣе употребительной формой было до сихъ поръ (если оставить въ сторонѣ отрасли, находившіяся въ завѣдываніи публичныхъ учреждений) огосударствленіе, безразлично, является ли тутъ государство въ видѣ общеимперской федераціи или въ видѣ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ ея составъ. Выше было указано, какія внѣ-экономическія соображенія приходится въ настоящее время выдвигать въ Германіи противъ огосударствленія; однако, и по другимъ причинамъ не только буржуазные экономисты, но и соціалисты не рѣшаются высказываться въ пользу огосударствленія, какъ общепримѣнимаго

принципа. Руководствуются при этомъ опасеніями передъ бюрократизаціей промышленности и нежела- ніемъ безгранично увеличивать численность государ- ственнаго чиновничества.

Опасенія эти не совсѣмъ безосновательны. Какія бы нареканія ни вызывало капиталистическое произ- водство, внѣ спора стоитъ одно обстоятельство, безъ оговорокъ признававшееся и Марксомъ: капита- листическая система была могущественнымъ факто- ромъ техническо-экономическаго прогресса, эконо- мизаціи матеріала и труда. И вотъ, возникаютъ сомнѣнія въ томъ, останется ли бюрократизирован- ное производство на такой же высотѣ — не только потому, что при этой системѣ не такъ велико будетъ побужденіе къ кореннымъ усовершенствованіямъ въ области техники, но и потому, что тутъ отпадаетъ присущая предпринимателю рѣшимость, готовность къ риску. Не величина предпріятія или промышлен- наго заведенія, какъ это полагали въ социали- стическихъ кругахъ, рѣшаетъ вопросъ о томъ, созрѣло ли оно для социализаціи или нѣтъ. Марксъ въ цити- рованной главѣ главнаго своего произведенія гово- ритъ о достиженіи, въ процессѣ эволюціи, такой «точки, гдѣ концентрація средствъ производства и обобществленіе труда становятся несомѣстимы съ ихъ капиталистической оболочкой». Но точка эта — отнюдь не одна и та же во всѣхъ отрасляхъ про- изводства. Поэтому въ наше время, когда мы ближе подошли къ этимъ вопросамъ, чрезвычайно важно отыскать объективные признаки, которые свидѣ- лествовали бы о цѣлесообразности социализаціи примѣнительно къ тѣмъ или инымъ хозяйственнымъ предпріятіямъ и характеризовали бы наилучшія

2 р 75 к.

(1986)
8 руб 16 коп

262

формы такой социализации. Многое в этом отношении уже сделано. Вышедший из рядов практических деятелей Альфонс Гортенъ, в течение шести лѣтъ бывший директоромъ въ концернѣ Тисна, а затѣмъ завѣдующимъ большими заводами де-Венделя, даетъ въ своей заслуживающей большого вниманія работѣ «Социализация и экономическое восстановление», руководствуясь данными практического опыта, классификацію предприятий съ точки зрѣнія пригодности ихъ для социализации и показываетъ, что должно быть сделано, дабы избѣжать при этомъ зла бюрократизации. Рѣшающее значеніе имѣетъ, по его мнѣнію, вопросъ, вступила ли или нѣтъ подлежащая отрасль производства въ ту стадію, когда руководство предприятиемъ оказывается въ сущности уже только дѣломъ рутины и коренныя нововведенія представляются неправдоподобными. Другимъ признакомъ можетъ служить, какъ полагаетъ авторъ настоящей книги, свойство изготовляемаго продукта — предназначается ли продуктъ для удовлетворенія широко распространенной потребности, въ равной мѣрѣ присущей обширнымъ кругамъ населенія, имѣетъ ли онъ независимый отъ вкуса и моды сбытъ, или нѣтъ. Такимъ образомъ, тѣ отрасли промышленности, гдѣ производится первоначальная обработка сырыхъ матеріаловъ и выработка полуфабрикатовъ, представлялись бы болѣе пригодными для социализации, нежели тѣ, которыя заняты выдѣлкой готовыхъ фабрикатовъ; въ пользу этого говоритъ также и то обстоятельство, что предприятия, обрабатывающія сырье и выдѣлывающія полуфабрикаты, въ гораздо большей степени подверглись процессу концентрации. Примѣромъ можетъ служить текстильная промышлен-

262

РЛ

Э. Бернштейнъ

Спорные
вопросы
соціализма